

ISSN 0142-0843

№ 3(83)/2016

ФИЛОЛОГИЯ сериясы

Серия ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY Series

ҚАРАҒАНДЫ
УНИВЕРСИТЕТІНІҢ
ХАБАРШЫСЫ

ВЕСТНИК
КАРАГАНДИНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

BULLETIN
OF THE KARAGANDA
UNIVERSITY

ISSN 0142-0843

Индексі 74623

Индекс 74623

ҚАРАҒАНДЫ УНИВЕРСИТЕТІНІҢ ХАБАРШЫСЫ

ВЕСТНИК
КАРАГАНДИНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

BULLETIN
OF THE KARAGANDA
UNIVERSITY

ФИЛОЛОГИЯ сериясы

Серия ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY Series

№ 3(83)/2016

Шілде–тамыз–қыркүйек
30 қыркүйек 2016 ж.

Июль–август–сентябрь
30 сентября 2016 г.

July–August–September
September, 30, 2016

1996 жылдан бастап шығады
Издается с 1996 года
Founded in 1996

Жылына 4 рет шығады
Выходит 4 раза в год
Published 4 times a year

Қарағанды, 2016
Караганда, 2016
Karaganda, 2016

Бас редакторы

ЖМ ХҒА академигі, заң ғыл. д-ры, профессор

Е.Қ.Көбеев

*Бас редактордың орынбасары
Жауапты хатшы*

Х.Б.Омаров, техн. ғыл. д-ры
Г.Ю.Аманбаева, филол. ғыл. д-ры

Редакция алқасы

Ж.Ж.Жарылғапов,	редактор филол. ғыл. д-ры;
М.І.Әбдуов,	филол. ғыл. д-ры;
Г.Ю.Аманбаева,	филол. ғыл. д-ры;
Ш.М.Мажитаева,	филол. ғыл. д-ры;
Ж.Қ.Смағұлов,	филол. ғыл. д-ры;
Б.С.Рақымов,	филол. ғыл. д-ры;
А.С.Әділова,	филол. ғыл. д-ры;
В.Т.Абишева,	филол. ғыл. д-ры;
Н.Ж.Шәймерденова,	филол. ғыл. д-ры;
Д.Д.Шайбакова,	филол. ғыл. д-ры;
Н.И.Бөкетова,	филол. ғыл. д-ры;
С.А.Матяш,	филол. ғыл. д-ры (Ресей);
У.М.Бахтикереева,	филол. ғыл. д-ры (Ресей);
Т.В.Белошапкова,	филол. ғыл. д-ры (Ресей);
М.Джусупов,	филол. ғыл. д-ры (Өзбекстан);
Ү.Жетібайұлы,	филол. ғыл. д-ры (ҚХР);
К.Жанбозұлы,	филол. ғыл. д-ры (ҚХР);
Л.Матейко,	PhD д-ры (Словакия);
А.Золтан,	филол. ғыл. д-ры (Венгрия);
М.Фрешли,	PhD д-ры (Венгрия);
Л.М.Харитоновна,	жауапты хатшы филол. ғыл. канд.

Редакцияның мекенжайы: 100028, Қазақстан, Қарағанды қ., Университет к-сі, 28

Тел.: (7212) 77-03-69 (ішкі 1026); факс: (7212) 77-03-84.

E-mail: vestnick_kargu@ksu.kz. Сайт: vestnik.ksu.kz

Редакторлары

И.Д.Рожнова, Ж.Т.Нурмуханова

Компьютерде беттеген

А.М.Будник

Қарағанды университетінің хабаршысы. «Филология» сериясы.

ISSN 0142-0843.

Меншік иесі: «Академик Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті» РММ.

Қазақстан Республикасының Мәдениет және ақпарат министрлігімен тіркелген. 23.10.2012 ж.
№ 13109—Ж тіркеу куәлігі.

Басуға 29.09.2016 ж. қол қойылды Пішімі 60×84 1/8. Қағазы офсеттік. Көлемі 11,25 б.т.
Таралымы 300 дана. Бағасы келісім бойынша. Тапсырыс № 426.

Е.А.Бөкетов атындағы ҚарМУ баспасының баспаханасында басылып шықты.

100012, Қазақстан, Қарағанды қ., Гоголь к-сі, 38. Тел. (7212) 51-38-20. E-mail: izd_kargu@mail.ru

Главный редактор
академик МАН ВШ, д-р юрид. наук, профессор
Е.К.Кубеев

Зам. главного редактора **Х.Б.Омаров**, д-р техн. наук
Ответственный секретарь **Г.Ю.Аманбаева**, д-р филол. наук

Редакционная коллегия

Ж.Ж.Жарылгапов,	редактор д-р филол. наук;
М.И.Абдуов,	д-р филол. наук;
Г.Ю.Аманбаева,	д-р филол. наук;
Ш.М.Мажитаева,	д-р филол. наук;
Ж.К.Смагулов,	д-р филол. наук;
Б.С.Рахимов,	д-р филол. наук;
А.С.Адилова,	д-р филол. наук;
В.Т.Абишева,	д-р филол. наук;
Н.Ж.Шаймерденова,	д-р филол. наук;
Д.Д.Шайбакова,	д-р филол. наук;
Н.И.Букетова,	д-р филол. наук;
С.А.Матяш,	д-р филол. наук (Россия);
У.М.Бахтикереева,	д-р филол. наук (Россия);
Т.В.Белошапкова,	д-р филол. наук (Россия);
М.Джусупов,	д-р филол. наук (Узбекистан);
У.Жетибайулы,	д-р филол. наук (КНР);
К.Жанбозулы,	д-р филол. наук (КНР);
Л.Матейко,	д-р PhD (Словакия);
А.Золтан,	д-р филол. наук (Венгрия);
М.Фрешли,	д-р PhD (Венгрия);
Л.М.Харитонова,	ответственный секретарь канд. филол. наук

Адрес редакции: 100028, г. Караганда, ул. Университетская, 28

Тел.: (7212) 77-03-69 (внутр. 1026); факс: (7212) 77-03-84.

E-mail: vestnick_kargu@ksu.kz. Сайт: vestnik.ksu.kz

Редакторы

И.Д.Рожнова, Ж.Т.Нурмуханова

Компьютерная верстка

А.М.Будник

Вестник Карагандинского университета. Серия «Филология».

ISSN 0142-0843.

Собственник: РГП «Карагандинский государственный университет имени академика Е.А.Букетова».

Зарегистрирован Министерством культуры и информации Республики Казахстан. Регистрационное свидетельство № 13109–Ж от 23.10.2012 г.

Подписано в печать 29.09.2016 г. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Объем 11,25 п.л. Тираж 300 экз. Цена договорная. Заказ № 426.

Отпечатано в типографии издательства КарГУ им. Е.А.Букетова.

100012, Казахстан, г. Караганда, ул. Гоголя, 38. Тел.: (7212) 51-38-20. E-mail: izd_kargu@mail.ru

Main Editor

Academician of IHEAS, Doctor of Law, Professor
Ye.K.Kubeyev

Deputy main Editor

Kh.B.Omarov, Dr. of Techn. Sci.

Responsible secretary

G.Yu.Amanbayeva, Dr. of Philol. Sci.

Editorial board

Zh.Zh.Zharylgapov ,	Editor Dr. of Philol. Sci.;
M.I.Abduev ,	Dr. of Philol. Sci.;
G.Yu.Amanbayeva ,	Dr. of Philol. Sci.;
Sh.M.Mazhitaeva ,	Dr. of Philol. Sci.;
Zh.K.Smagulov ,	Dr. of Philol. Sci.;
B.S.Rakhimov ,	Dr. of Philol. Sci.;
A.S.Adilova ,	Dr. of Philol. Sci.;
V.T.Abisheva ,	Dr. of Philol. Sci.;
N.Zh.Shaimerdenova ,	Dr. of Philol. Sci.;
D.D.Shaibakova ,	Dr. of Philol. Sci.;
N.I.Buketova ,	Dr. of Philol. Sci.;
S.A.Matyash ,	Dr. of Philol. Sci. (Russia);
U.M.Bakhtikereeva ,	Dr. of Philol. Sci. (Russia);
T.V.Beloshapkova ,	Dr. of Philol. Sci. (Russia);
M.Zhusupov ,	Dr. of Philol. Sci. (Uzbekistan);
U.Zhetibaiuly ,	Dr. of Philol. Sci. (China);
K.Zhanbozuly ,	Dr. of Philol. Sci. (China);
L.Matejko ,	PhD (Slovakia);
A.Zoltan ,	Dr. of Philol. Sci. (Hungary);
M.Freshly ,	PhD (Hungary);
L.M.Kharitonova ,	Secretary Cand. of Philol. Sci.

Postal address: 28, University Str., 100028, Karaganda, Kazakhstan

Tel.: (7212) 77-03-69 (add. 1026); fax: (7212) 77-03-84.

E-mail: vestnick_kargu@ksu.kz. Web-site: vestnik.ksu.kz

Editors

I.D.Rozhnova, Zh.T.Nurmukhanova

Computer layout

A.M.Budnik

Bulletin of the Karaganda University. «Philology» series.

ISSN 0142-0843.

Proprietary: RSE «Academician Ye.A.Buketov Karaganda State University».

Registered by the Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan. Registration certificate No. 13109–Zh from 23.10.2012.

Signed in print 29.09.2016. Format 60×84 1/8. Offset paper. Volume 11,25 p.sh. Circulation 300 copies. Price upon request. Order № 426.

Printed in the Ye.A.Buketov Karaganda State University Publishing house.

38, Gogol Str., 100012, Kazakhstan, Karaganda. Tel.: (7212) 51-38-20. E-mail: izd_kargu@mail.ru

МАЗМҰНЫ

ФИЛОЛОГИЯНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

<i>Бахралинова Ә.Ж.</i> Мәдениет диалогы мәселесі.....	8
<i>Джусупов М.</i> Жаңа дәуірдегі жаңа сөздік	16
<i>Славенской Д.Б.</i> Славян тіліндегі мәтіндерді корпустық талдаудың әдістемесі: <i>Светлана Алексеевич</i> шығармаларының шағын корпусы	23

ӘДЕБИЕТТАНУ ЖӘНЕ ФОЛЬКЛОРТАНУ

<i>Шевлякова Л.Р., Мещерякова В.В.</i> Қазіргі қиялға қарсы жанрдың герменевтикасы.....	28
<i>Шевлякова Л.Р., Мухина Е.С.</i> Қазіргі детективтегі сюжеттік өзгерістер	40
<i>Бралина С.Ж.</i> Фольклор мәтінінің теориясы	52
<i>Ысқақұлы С.</i> Көдек шығармаларындағы әлеуметтік сарын	60

ТІЛ МЕН ӘДЕБИЕТТІ ОҚЫТУ ӘДІСТЕМЕСІ

<i>Вылли К., Жетписбаева М.А.</i> Тілге ену бағдарламаларының жүзеге асу шарттары	66
<i>Аязбекова Б.К., Ибраева А.С., Досмаганбетова Г.Ж.</i> Неміс, француз, орыс және қазақ тілдеріндегі шақтық формалардың қолданылуы мен іс-қимылдың өту сипатының грамматикалық-семантикалық ерекшеліктері	73
<i>Құрман Н.Ж.</i> Қазақ тілін оқытудың этномәдени және әлеуметтік-лингвистикалық мәселелері	80

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Окай А., Жумабеков М.К., Демьянова Ю.А.</i> Орталық Азияда цифрлы хабар таратуға ауысу ерекшеліктері	85
АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР	90

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ

<i>Бахралинова А.Ж.</i> К вопросу о диалоге культур	8
<i>Джусупов М.</i> Новый словарь нового времени	16
<i>Славенской Д.Б.</i> Методика корпусного анализа славяноязычных текстов: малый корпус произведений Светланы Алексеевич	23

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Шевлякова Л.Р., Мещерякова В.В.</i> Герменевтика жанра антиутопии	28
<i>Шевлякова Л.Р., Мухина Е.С.</i> Сюжетные трансформации в современном детективе....	40
<i>Бралина С.Ж.</i> Теория фольклорного текста	52
<i>Ысқақұлы С.</i> Социальные мотивы в произведениях Кодека.....	60

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

<i>Вылли К., Жетписбаева М.А.</i> Условия реализации программ языкового погружения ..	66
<i>Аязбекова Б.К., Ибраева А.С., Досмаганбетова Г.Ж.</i> Особенности грамматической семантики и употребления форм времени и вида в немецком, французском, русском и казахском языках	73
<i>Курман Н.Ж.</i> Этнокультурные и социолингвистические проблемы обучения казахскому языку	80

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Окай А., Жумабеков М.К., Демьянова Ю.А.</i> Особенности перехода на цифровое вещание в Центральной Азии	85
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	90

CONTENTS

ACTUAL PROBLEMS OF PHILOLOGY

<i>Bakhralinova A.Zh.</i> To the question about the dialogue of cultures.....	8
<i>Dzhusupov M.</i> New dictionary of modern times	16
<i>Slavenskoj D.B.</i> Corpus Methods of Analysis of Slavic Language Literature: A Small Corpus of Svetlana Alekseyevich's Works	23

LITERARY CRITICISM AND FOLKLORE STUDIES

<i>Shevlyakova L.R., Meshcheryakova V.V.</i> Hermeneutics of genre of modern antiutopia	28
<i>Shevlyakova L.R., Mukhina E.S.</i> The transformation of plots of the modern detective	40
<i>Bralina S.Zh.</i> Theory of the folklore text.....	52
<i>Yskakuly S.</i> Social motifs in the works of the Codec	60

METHODS OF TEACHING OF LANGUAGE AND LITERATURE

<i>Volli K., Zhetpisbaeva M.A.</i> Terms of realization of the language immersion program	66
<i>Ayazbekova B.K., Ibraeva A.S., Dosmaganbetova G.Zh.</i> The features of grammatical semantics and the use of forms of tense and aspect in the German, French, Russian and Kazakh languages.....	73
<i>Kurman N.Zh.</i> Ethnic-cultural and social linguistic problems of training in Kazakh language	80

JOURNALISM

<i>Okay A., Zhumabekov M.K., Demyanova Yu.A.</i> Peculiarities of transition to digital telecasting in Central Asia	85
INFORMATION ABOUT AUTHORS	90

ФИЛОЛОГИЯНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ ACTUAL PROBLEMS OF PHILOLOGY

UDC 81'1

A.Zh. Bakhralinova

*Pavlodar State Pedagogical Institute
(E-mail: 87013271319@mail.ru)*

To the question about the dialogue of cultures

In this article interaction of two language cultures in one communicative space is considered that provides functioning of the bilingualism as a necessary condition of mutual understanding and overcoming of a language barrier. The bilingualism is studied from the point of view of functional approach which cornerstone idea of knowledge of two languages. Spatial representations in the Kazakh culture from the point of view of philosophy where the space and time act as spiritual entities are investigated. Ideas of space and time have substantial definiteness for the Kazakh people, which have made a daily way of life of the nomad, his life and communication with the nature. It is noted that the space sets key parameters of an image of the world of the Kazakh culture.

Key words: bilingualism, language situation, spatial representations, language picture of the world.

Characteristic feature of development of modern linguistics is «studying of the speech or anthropological approach of language units studying» [1; 149]. It is connected with approval of an anthropocentric paradigm of scientific knowledge, i.e. with «a turn of a linguistic perspective towards the person and his place in culture» where laws of language development are considered in close interrelation of the person with his thinking, consciousness and a worldvision [2; 5].

The person learns the world through understanding of himself, the creative and subject activities, it leads to the fact that researchers consider language in cultural and historical content. So, C.Levi-Stross considers language as a culture product as its important component as an existence condition, a factor of forming of cultural codes.

E.Kassirer, developing the gumboldtian concept of language as properties of the person and ethnos, pays attention to studying of the semantic party of language in its indissoluble communication with culture of certain people which is understood as a product of the activities of the person mediated by speech symbolic [3; 167].

Thus, anthropocentrism at the present stage of evolution of linguistics sets prospect and ultimate goals of research taking into account «a human factor», determining the person in language. As B.K.Momynova fairly notes, «the principle of anthropocentrism requires studying of language not in itself and not for itself, and for deeper understanding and an explanation of the person speaking» [4; 24–26].

Social life of the person assumes his relations with the nature, a sociocultural environment and by itself. A natural condition of human existence is interaction with world around which acts as a transmission medium of culture forms and public experience, provides interethnic and cross-cultural communication, consolidates and integrates society as all activity of the person represents communication process.

Analyzing mutual understanding problems (or misunderstandings), the researcher N.V.Dmitryuk notes that in the course of communication there is not only a knowledge of different national cultures, but also national consciousnesses [5; 43, 44].

According to Z.K.Sabitova, dynamism, interference, continuous collision of different manifestations of a civilization inevitably leads to mutual enrichment of cultures. Any ethnos exists only in dialogue with other ethnoses. Being unique, original, independent, each ethnos as part of the biosphere of Earth constantly inter-

acts with other people as in general ethnoses represent the person of Earth. This «hopelessness» on dialogue with another causes interaction of the people: as the special, separate organism, each people defines activity and existence of the whole organism [6; 386].

At acquaintance to other language we appear in the world of other culture, having mastered foreign language, we receive the tool for knowledge acquisition, stored in foreign culture [7; 609–615], we enter the circle outlined by language around other people — it's carrier.

The aspiration to understand other culture, behavior of her representatives, to understand the reasons of cultural distinctions and coincidence has led researchers to studying of various mechanisms of development of other cultures. So, one of such mechanisms is offered by E.F.Tarasov, who offers two ways of development of «foreign» culture. The first way is that at first the individual in the culture looks for an equivalent image and knowledge which enters the maintenance of this image, and then transfers them regarding the culture. As an example of comprehension of foreign culture the explanation from Moscow guide for Germans and British is given: «The Moscow Kremlin for Russians the same that Big Ben for British». It is noted that at such acquaintance to foreign culture at the subject new knowledge isn't developed, and there is a manipulation old knowledge in an informative situation.

The second way of knowledge the stranger of culture assumes search of distinctions in the compared images the stranger and the cultures, at the same time the image of the culture doesn't cover or replaces an image of foreign culture, on the contrary, he induces to development of new knowledge which enriches the person, his consciousness at acquaintance to foreign culture [8; 18–28].

In the development mechanism the stranger of culture occurs dialogue of cultures at which bicultural of bilinguals, owning images of consciousness of personal and others' culture, reflexes, comprehends and interprets others image [8; 9].

Dialogue of cultures consists in an exchange of cultural objects and activity. At the same time new foreign culture activity is learned on the basis of images of objects, activity culture as «other way how to understand new through old (familiar) doesn't exist» [8].

Thus, in consciousness of the individual there is an appearance acquisition of others images language signs which are used by communicants for creation of statements. It is necessary for achievement of adequate mutual understanding that communicants possessed a community of linguistic (grammatical) knowledge and skills of speech behavior, and also and are formed by a community of knowledge of the world which is acquired in the course of long and labor-consuming adaptation in the conditions of accommodation in the foreign culture environment as images of national consciousnesses.

To master culture of other (foreign) linguaethnical community through assimilation (assignment) of images of his consciousness, their appearance acquisition, which will be available to the detached onlooker are necessary.

These appearance acquisition, according to E.F.Tarasov, act as an intersubjective form of existence of images which can be presented in the form of objects, actions and words. Appearance acquisitions are necessary for «transfer» of images of consciousness from one generation to another or at development of other culture.

A.I.Arnoldov as the development mechanism the stranger of culture offers «a mutual reflection» which is that in the course of communication change of culture in consciousness of the personality happens due to comprehension of other national culture that leads to their mutual enrichment. At the same time the cultural self-knowledge occurs only with the participation of other cultures that results it in boundary character [9; 139].

Thus, the offered mechanisms of development of foreign culture mean initial dialogue of cultures.

It is known that in the territory of Kazakhstan there is bilingualism thanks to what there is an interaction of two language cultures in one communicative space. The language situation in the Republic of Kazakhstan is nontrivial that is connected with sovereignization and changes in society. In Kazakhstan a large number genetically and typologically diverse languages since in the territory of the republic representatives more than 130 nations and nationalities live functions.

The language situation of Kazakhstan historically developed due to functioning of the Kazakh-Russian, national-Kazakh, national-Russian bilingualism, Russian-Kazakh-national a three languages and dominating a Russian language [10; 55]. It is important to note that Kazakhstan, having huge territories, covers a various geographical landscape which in many respects causes specifics of mentality of its inhabitants. Therefore in different regions (areas) also the unequal language situation was created. It is connected, first of all, with character of bilingualism: Russian-Kazakh and/or Kazakh-Russian. It, in turn, defines also prevalence in this or that region Kazakh-national and national-Kazakh (for example, Kazakh-Uigur or Uigur-Kazakh) or na-

tional-Russian and Russian-national (similarly, Russian-Uigur or Uigur-Russian) bilingualism. As for a language situation in the Pavlodar region, it is possible to state prevalence of the Russian-Kazakh and Kazakh-Russian bilingualism.

The social and communicative system of multiethnic society represents a difficult texture of different languages and their subsystems. In these conditions the bilingualism as necessary means of mutual understanding, overcoming of a linguistic barrier is inevitable.

Legal status of languages is enshrined in the Constitution of the Republic of Kazakhstan and the law «About Languages of the Republic of Kazakhstan» in which it is told that on equal terms with the Kazakh (state) language Russian in the state organizations and local government bodies is officially used. In a state program of functioning and development of languages for 2011–2020 the most important issue is the language situation. The national unity is provided at the expense of the state status of Kazakh and preserving level of proficiency in Russian as competitive advantage of Kazakhstan citizens in communicative and language space (The presidential decree of the Republic of Kazakhstan of June 29, 2011 to No. 110 «About the State program of development and functioning of languages in the Republic of Kazakhstan for 2011–2020»). According to E.D.Suleymenova, Russian «promotes revival of national culture and spirituality, being powerful communicative tool» [11; 90].

The indisputable and essential characteristic of a language situation of Kazakhstan is the bilingualism which functioning was promoted by the following factors:

- transition of Kazakhs to settled life [12];
- multinational structure of the population living in the northern areas of Kazakhstan;
- proximity of borders with Russia [13];
- territorial contact of one people with another or joint moving of the different people in one territory;
- the demographic factor influencing moving and resettlement of the people.

Thus, the multinational structure of the population living in the Pavlodar region as the northern region of Kazakhstan, territorial contact of one people with another and proximity of borders with Russia were reflected in a language situation in the region that has led to functioning of the Kazakh-Russian and Russian-Kazakh bilingualism as component of a language situation in the territory of the Pavlodar region.

E.M.Verechshagin understands as a bilingualism alternate use of two languages [14; 19].

A.E.Karlinsky in researches on a bilingualism pays attention to features of culture in case of ownership of two languages and understands as a bilingualism «alternate use of two languages by the same individual or group of the individuals for the purpose of communication belonging to ethnic communities and differing not only languages, but also nature, and features of the culture» [15; 22].

In this research the bilingualism is considered from the point of view of functional approach which cornerstone idea of ownership of two languages (U.Vaynraykh, E.M.Verechshagin, A.E.Karlinsky, M.M.Kopylenko, R.K.Minyar-Beloruhev, E.D.Suleymenova, B.H.Chasanoff) is. That is the bilingualism is considered as a capability of the person to use two language systems for communication.

From a position of functional approach the bilingualism is understood as possession of two language systems in communication, at the same time individuals can belong to different nationalities, however mutual communication provides interaction of two linguacultures.

It is noted that situations of bilingualism are mobile, they change therefore in their qualification it is necessary to consider the geographical environment, education level, the social environment. A component of any kind of bilingualism is public language which realization depends on extent of possession of him. The term «public language» is understood as ethnic language of any people in total of all variable forms or functional a level [16; 301].

Any public language is considered as the very system formed of set of variable discrete forms. Language proficiency means ability to make and understand (to perceive) texts in this language, i.e. ability to a variation of language means.

In language — very system not primordial speech, i.e. the speech of native speakers for which it isn't native (primary) functions. As the reason of not primordial speech the bilingualism — the ability, skill allowing the person serves the people in general or his parts alternately to use (in writing or orally) two different languages depending on a situation and to try to obtain mutual understanding in the course of communication [16; 299–313].

Viability of language is defined by the width of its application, i.e. volume of the carried-out functions, geographical distribution, number of the people speaking on him. So, for considerable part of the Kazakh population the bilingualism remains and presently. Feature of a bilingualism of Kazakhs is that the second

component of a situation of bilingualism is functionally powerful Russian. As Russian is widely used in communicative space of Kazakhstan, bilinguals often it appears in situations not of just multilingual communication, but interaction of cultures.

As researchers note, the language situation in modern Kazakhstan is direct reflection of political, ethnic, demographic, social and economic changes in society. Revival of national culture and spirituality is followed by strengthening of vitality of the state Kazakh, and also maintenance of vitality of Russian which is recognized as official language in Kazakhstan. The Kazakh and Russian languages jointly function within single communicative space [11; 90].

The coexistence of the Kazakh and Russian languages in single communicative space provides functioning of a bilingualism as necessary condition of mutual understanding which cornerstone cultural and language interaction is. Acquisition of the second language conducts to judgment of other language picture of the world that is directly reflected in understanding and interpretation of a foreign-language linguaculturema. Thereof there is a crossing of two pictures of the world in consciousness of the bilingual personality that the lexicodes allows Russian-speaking respondents to comprehend the Kazakh linguaculturema both in Russian, and on Kazakh.

As an example we will consider spatial representations in the Kazakh and Russian language pictures of the world.

It is known that ideas of space belong to the major categories characterizing consciousness of the person. The space sets reference points of perception of world around, creates key parameters of «an image of the world» of a certain culture. With respect thereto studying of spatial characteristics of the Kazakh culture allows to isolate ethnocultural features, to understand mentality of the people.

Statement is axiomatic that the space of the person is determined by his habitat and a geographical landscape. The ethnic space assumes belonging of the person to a certain ethnos and a geographical landscape. So, for example, in the Russian language picture of the world the space is correlated with representations *a scope, breadth, the field, expanse, the house*.

According to G.Gachev, the Russian image of space represents the horizontal movement, the unidirectional infinity [17; 56]. The space in the Russian language picture of the world is associated with concept the world in value of the Universe, system of the universe. The world is perceived as «the rendered habitable space» [18; 87]. According to Yu.S.Stepanov, the space where there lives a person, represents the fenced-off space «from the outside world and only then — idea of it «the wide world» outside our world and the house» [18; 92]. A number of expressions like *to see the world, to show yourself* are connected with this, i.e. to look at the ultraboundary space which is «rendered habitable», to visit that place «on the earth, around us» which isn't experienced by your ethnos yet, i.e. «others» [18; 88].

In the Kazakh people as the nomadic nation the aspiration to comprehension of space is put. It is shown that the person in process of development of «its» space has a need of knowledge of new space, «others», absolutely novel for a certain ethnos.

In a national picture of the world there is a certain set of concepts which is defining concepts with spatial characteristics and precisely reflecting attitude and outlook of the people. The perception of space, according to G.D.Gachev, directly depends on national cultures. In Russian there are cognate words *the country, the side*; in French of *espace* has a Latin origin from *spatium* — the space created and measured by pacing» [17; 38].

As it has been already noted, the space is correlated to landscape characteristics therefore it is defined as *breadth, the steppe*. The Kazakh people carried all world around located under the sky, for example to space: *шөл* 'desert', *алқан* 'valley', *шөл дала* 'the desert street', *дала* 'steppe', *шөлейт* 'semi-desert', *аланқай* 'clearing' [19; 115].

In the Kazakh language picture of the world the space completely merges with the nature therefore the person, learning world around, expands an image of space. Sources of perception of space originate when the nomad and the nature made a single whole.

The maintenance of a concept «space» is important when forming a national picture of the world which base is the spatial model of a universum. It is embodied in myths, reflected in religious representations, is reproduced in cultural customs and ceremonies.

So, spatial representations of the Kazakh and Russian people are determined by a geographical landscape, habitat. In the Kazakh language picture of the world the space is determined by concepts *breadth, the steppe*, in the Russian language picture of the world the space corresponds to *open spaces, the field*. At the nomadic people the space has no borders, it is infinite therefore carry everything that is under the sky to it,

there is a merge of space to the nature therefore nomads develop «its» and «others» world. General is that in the Russian and Kazakh pictures of the world the space is associated with concept *the world as the Universe*.

Spatial characteristics were peculiar fixed in system of Kazakh where these categories are realized in the form of concepts. Ideas of Kazakhs of boundless space are reflected in language system by means of phrases, phraseological units, tropes which transfer the following values:

1) remoteness from the person, for example: *қол созым жерде* 'at the level of the given hand', *таяқ тастам жерде* 'at the level of the thrown stick', *бір қадам* 'in one step', *иек астында* 'under a chin', *қарға аттам жер* 'in a step of a crow';

2) uncertainty of a spatial arrangement, for example: *адам аяғы баспаған жер* 'the leg of the person did not go', *жердің түбі* 'end of the earth', *ит арқасы қиянда* 'where harness dogs', *алты қабат аспанның ар жағы* 'behind six layers of the sky';

3) uncertain spatiality in relation to inexact range or inexact proximity, for example: *көз көрмес, құлақ естімес жер* 'the eyes which were not seeing the ears which were not hearing the earth', *ит өлген жер* 'where dogs die' [20; 45].

Spatial representations in Kazakh are expressed by means of phrases and phraseological units with values of «remoteness from the person», «uncertainty to a spatial arrangement», «uncertain spatiality in relation to inexact range or inexact proximity», the bodies relating to parts (*hands, eyes, legs, a chin*).

According to R.B.Imanaliyeva, in all language pictures of the world of people expresses spatial representations in the lexemes calling parts of a body, thereby there is a hominifying of «universal space» [20; 47].

From this it follows that in the Kazakh language system spatial representations are presented in the phrases, tropes and phraseological units relating to parts of a body of the person with values of distance and remoteness.

Specifics of a concept *space* are shown in the communicative reactions of ethnos which are coming to light at invasion of the stranger on someone's territory that allows to see communicative and behavioral norms of the Kazakh people. Especially it should be noted that respect for the stranger — to the guest is characteristic of the Kazakh mentality. Kazakhs made long trips on boundless steppes therefore have been forced to remain for lodging for the night in the next yurtas. In that case the best place *мәр* 'place' has been allocated to the guest, the rich table was laid, for him there was the best food and the lodging for the night was provided, before departure he was presented with gifts. In Kazakh there is such expression of *қазақ қонақсыз отыра алмайды* 'the Kazakh can't live without guests' [20; 53].

Thus, communicative and behavioral norms of ethnos as means of conceptualization of spatial characteristics represent mentality of the nation. Spatial representations in the Kazakh culture are connected with fundamental categories of philosophy — space and time which are considered as spiritual entities. According to the Tengrist dogmas developed as the theoretical version by the Soviet historian L.N.Gumilev, time and space fitted into vertical structure of archetypic, without having at the same time horizontal limitation [21].

The idea of uniform space time has found the reflection in consciousness of the nomad. So, according to L.N.Gumilev, «time is often measured by space and, on the contrary, the space is measured by time» [21]. Ideas of space and time have substantial definiteness for the Kazakh people which have made a daily way of life of the nomad, his life, and communication with the nature.

In traditional Kazakh culture the space represents the leading element in which the person «isn't mobile» in the movement. The immovability is shown that the Kazakh is always the traveler rider who, moving on steppes, doesn't line a route. «The eternal and infinite way movement on a spiral circle — is a basis of ideas of nomads of the World, his time and space, evolution and the place in logically ordered circulation» [21; 23, 24]. Other spatial horizontal which isn't measured in nomadic type of a cultural existential continuum is characteristic of representatives of settled culture.

The layer-by-layer partitioning of the world which is carrying out down since the horizontal space isn't staticized as rather significant is characteristic of the nomadic people.

A.B.Naurzbayeva pays attention to existence of the vertical and horizontal line in nomadical culture. In her opinion, the vertical model of the world is defined by existential perception, but it is remote and doesn't bear special value, the horizontal model of the world is open with dynamic character as it is constantly filled with new contents. These phenomena help to characterize mentality of the Kazakh ethnos where a significant figure in the vertical line of the universe is the person learning the world [22].

The traditional way of life of the person, the nature of economic activity connected with landscape type define spatial impressions, i.e. how there is a perception of surrounding space.

Such spatial impressions at repeated repetition form so-called spatial representations. For the first time this definition is used by A.Hildebrand, arguing on a form in art: «... and in particular representation of a form as limited space we have to consider spatial representation as the essential maintenance or essential reality of things» [23; 38].

Thus, is peculiar to consciousness of nomads the idea of a uniform existential continuum activity of the Kazakh people is reflected in ideas of which. In the Kazakh culture the existential relations are presented by crossing of vertical and horizontal axes. The vertical model is remote, in her center there is a person whereas the horizontal model of the world is open, has dynamic character and is constantly filled with new material contents. The spatial model is important when forming a national picture of the world which has been filled with special semantic contents. At the same time continuous movement in space both on horizontal, and on a vertical axis is connected with satisfaction requirements of the nomadic people.

Nomads needed huge space for movement as they needed the figurative dwelling, vehicles, housekeeping therefore the steppe was the convenient territory.

Thus, having analyzed spatial representations in the Kazakh culture, we have come to the following conclusions:

- 1) the space sets key parameters of an image of the world of the Kazakh culture;
- 2) the space in the Kazakh language picture of the world is defined by concepts *breadth, the steppe*;
- 3) the nomination of geographical concepts is carried out by means of the phrases, tropes and phraseological units relating to parts of a body of the person;
- 4) the spatial model of the Kazakh ethnos is filled with special semantic contents;
- 5) in the Kazakh language picture of the world the space merges with the nature;
- 6) movement in space was carried out both across, and down that is predetermined by initially nomadic way of life.

It should be noted that spatial representations have no constant character, it is dictated by time as they can change, gradually be grinded, be fixed and be systematized in language pictures of the world.

References

- 1 Кибрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / Под ред. Ю.С.Степанова. — М.: Рос. гос. ун-т, 1995. — С. 149–238.
- 2 Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Академия, 2001. — С. 64.
- 3 Кассирер Э. Философия символических форм. — Т. 2. Мифологическое мышление. — М.; СПб.: Университетская кн., 2001. — 280 с. — С. 167.
- 4 Момынова Б.К. Невербальные элементы коммуникации казахского языка // Язык и межкультурная коммуникация: Материалы междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. О.А.Александрова, О.С.Макарова. — Великий Новгород: НовГУ, 2009. — С. 24–26.
- 5 Дмитриук Н.В. Языковое сознание в негомогенной лингвокультурной среде: попытка теоретического обоснования. — Шымкент; М.: ИЯ РАН, 2000. — 136 с.
- 6 Сабитова З.К. Лингвокультурология: учебник. — М.: ФЛИНТА; Наука, 2013. — С. 521.
- 7 Уфимцева Н.В. Психолингвистика и межкультурная коммуникация // Мир русского слова и русское слово в мире: материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. — Т. 4. Язык, сознание, личность. — Sofia: Heron press, 2007. — С. 609–615.
- 8 Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. ст. / Отв. ред. Н.В.Уфимцева. — М.: Изд-во ИЯ РАН, 2000. — С. 18–28.
- 9 Арнольдов А.И. Человек и мир культуры: Введение в культурологию. — М.: Изд-во МГИК, 1992. — 240 с.
- 10 Бейсембаев А.Р. Парадигмы современного языкознания: учеб. пособие. — Павлодар: РИО ПГПИ, 2007. — 118 с.
- 11 Сулейменова Э.Д. Языковая ситуация и языковое планирование в Казахстане. — Алматы: Қазақ ун-ті, 2005. — 344 с.
- 12 Карлинский А.Е. Избранные труды по теории языка и лингводидактике. — Алматы, 2007. — 308 с.
- 13 Хасанов Б.Х. Казахско-русское двуязычие (социально-лингвистический аспект). — Алма-Ата: Наука, 1987. — 198 с.
- 14 Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. — 160 с.
- 15 Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия языков. — Алма-Ата: Гылым, 1990. — 181 с.
- 16 Туманян Э.Г. О методе изучения языка как социолингвистической архисистемы // Методы социолингвистических исследований. — М., 1995. — С. 299–313.
- 17 Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций. — М.: Академия, 1998. — 432 с.
- 18 Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — С. 40.
- 19 Бектурова А.Ш. Функционально-семантическое поле «пространство» в русском и казахском языках // Лингвокультурологическое сопоставление: Межвуз. сб. науч. ст. — Алматы: АГУ им. Абая, 1999. — С. 115.

- 20 Иманалиева Р.Б. О когнитивном аспекте этнолингвистических исследований // Мир языка: Материалы междунар. конф., посвящ. памяти проф. М.М.Копыленко. — Алматы, 1999. — С. 45.
- 21 Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. — М.: История СССР, 1967. — 247 с.
- 22 Наурзбаева А.Б. Возвращение к мифу о вечном возвращении — опыт культурологической редукции историзма. — Алматы, 2005. — 156 с.
- 23 Гильдебранд А. Проблема формы в изобразительном искусстве. — М.: Логос, 2011. — 144 с.

Ә.Ж. Бахралинова

Мәдениет диалогы мәселесі

Мақалада екі тілдік мәдениеттің бір коммуникативтік кеңістіктегі қатынасы қарастырылған. Бұл тіл мәселесін бағындыру мен өзара түсінушіліктің қажеттілігі ретінде бейлингвалдық қызметті қамтамасыз етеді. Кеңістік пен уақыт жанның негізі ретінде, қазақ мәдениетінде философиялық көзқарастағы кеңістікте зерттелген. Қазақ халқы үшін кеңістік пен уақыт туралы түсініктер оның күнделікті көшпелі өмір салты, тұрмыс-тіршілігі, табиғатпен байланысында маңызды орын алатындығы атап өтілген.

А.Ж. Бахралинова

К вопросу о диалоге культур

В статье рассмотрено взаимодействие двух языковых культур в одном коммуникативном пространстве, что обеспечивает функционирование билингвизма как необходимого условия взаимопонимания и преодоления языкового барьера. Билингвизм, отмечено автором, изучается с точки зрения функционального подхода, в основе которого лежит представление о владении двумя языками. Исследованы пространственные представления в казахской культуре с точки зрения философии, где пространство и время выступают в качестве духовных сущностей. Подчеркнуто, что представления о пространстве и времени имеют содержательную определенность для казахского народа, которую составили повседневный образ жизни кочевника, его быт, общение с природой. Отмечено, что пространство задает основные параметры образа мира казахской культуры.

References

- 1 Kubryakova E.S. *Evolution of linguistic ideas in the second half of the XX century (the experience of paradigmatic analysis)* // Language and science of the late XX century / Under the edit. Yu.S.Stepanov, Moscow: Russian State University, 1995, p. 149–238.
- 2 Maslova V.A. *Cultural Linguistics* / Proc. a manual for students. ouch. proc. institutions, Moscow: Academy, 2001, p. 64.
- 3 Cassirer E. *The Philosophy of symbolic forms*, 2. Mythological thinking, Moscow; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga, 2001.
- 4 Momynova B.K. *Non-Verbal elements of communication of the Kazakh language* // Language and intercultural communication: materials of Intern. scientific. scient. Conf., Ed. O.A.Aleksandrova, O.S.Makarova, Veliky Novgorod: Novgorod State University, 2009, p. 24–26.
- 5 Dmitrvuk N.V. *Language consciousness in the non-homogeneous linguistic cultural environment: an attempt of theoretical justification*, Shymkent; Moscow: IE RAS, 2000, 136 p.
- 6 Sabitova Z.K. *Linguo-Cultural studies: textbook*, Moscow: FLINTA; Nauka, 2013, p. 521.
- 7 Ufimtseva N.V. *Psycholinguistics and intercultural communication* // The World of Russian word and Russian word in the world: materials of IX Congress of MAPRYAL, Language, consciousness, personality, Sofia: Heron press, 2007, p. 609–615.
- 8 Tarasov E.F. *Intercultural communication — new ontology analysis of language consciousness* // Ethnocultural specificity of language consciousness: Collection. articles / Ed. N.V.Ufimtseva, Moscow: Publ. house of the IE RAS, 2000, p. 18–28.
- 9 Arnoldov A.I. *Man and the world of culture: an Introduction to cultural studies*, Moscow: IPCC, 1992, 240 p.
- 10 Beisembaev A.R. *Paradigms of modern linguistics: teaching aid*, Pavlodar: RIO PSPI, 2007, 118 p.
- 11 Suleimenova E.D. *Language situation and language planning in Kazakhstan*, Almaty: Kazakh University publ., 2005, 344 p.
- 12 Carlinski A.E. *Selected works on the theory of language and language teaching*, Almaty, 2007, 308 p.
- 13 Khasanov B.Kh. *Kazakh-Russian bilingualism (socio-linguistic aspect)*, Alma-Ata: Gylm, 1987, 198 p.
- 14 Vereshchagin E.M. *Psychological and methodological characteristics of bilingualism (bilingualism)*, Moscow: Publ. house of Moscow University, 1969, 160 p.
- 15 Carlinski A.E. *Fundamentals of the theory of the interaction of languages*, Alma-Ata: Gylm, 1990, 181 p.

- 16 Tumanyan E.G. *About the method of language learning as a sociolinguistic archisystems* // Methods in sociolinguistic research, Moscow, 1995, p. 299–313.
- 17 Gachev G.D. *National images of the world: course of lectures*, Moscow: Academy, 1998, 432 p.
- 18 Stepanov Yu.S. *Language and method. To the modern philosophy of language*, Moscow: Shkola «Yazyki russkoi literatury», 1998, 784 p.
- 19 Bekturova A.Sh. *Functional-semantic field «space» in Russian and Kazakh languages* // Linguistic and cultural comparison: interuniversity collection of scientific articles, Almaty: Abay Almaty State University, 1999, p. 115.
- 20 Imanalieva R.B. *About the cognitive aspect of ethno-linguistic research* // The World of language. Proceedings of the international conference dedicated to the memory of Professor M.M.Kopylenko, Almaty, 1999, p. 45.
- 21 Gumilev L.N. *The ancient Turks*, Moscow: History of the USSR, 1967, 247 p.
- 22 Naurzbayeva A.B. *Return to the myth of the eternal return — the cultural experience of the reduction of historicism*, Almaty, 2005, 156 p.
- 23 Hildebrand A. *The Problem of form in the fine arts*, Moscow: Logos, 2011, 144 p.

М. Джусупов

Өзбекстан мемлекеттік әлем тілдері университеті, Ташкент
(E-mail: mah.dzhusupov@mail.ru)

Жаңа дәуірдегі жаңа сөздік

Мақала-пікірде Польшаның Краков қаласында жарық көрген «Қазақша-полякша сөздіктің» көлемі, мазмұны мен құрылымы талданып, оның саяси, дипломатиялық, мәдени, біліми, ғылыми мәні мен маңызы көрсетілді. Сөздік Шығыс пен Батыстың қарым-қатынасы үшін қажетті еңбек ретінде сипатталды. Аталмыш сөздіктің лексикатану тарихында алатын орны бағаланып, тілтанымдық, лингвомәдениеттік, лингвокогнитивтік, тарихи, әдістемелік жақтары да талданды. Автор 2011 ж. жарық көрген «Қазақша-полякша сөздікті» қазіргі заманауи талаптарға сай екендігін айта келе, қостілді сөздіктің ішкі дүниесі, құрылымы әрі классикалық, әрі жаңашыл деп бағалады.

Кілт сөздер: қазақ, поляк, тіл, қостілді сөздік, әлеуметтік салалар, қарым-қатынас.

Бүгінгі тіл білімінде лексикография мәселесі үлкен орын алады. Барлық жазба тілдердің сөздіктері жарық көріп жатыр. Қазіргі заманауи сөздіктер көп жағдайда екі тілді я үш тілді болып жарық көреді. Оның себебі — ұлтаралық, мемлекетаралық қатынас ұлғайып барады, сондықтан бүгінгі жаһандану саясатында қатынастың бәрі биік қызмет атқарады. Қостілді я көптілді сөздіктер сол тілдесімдік қатынасты күшейтуге, жүйеге келтіруге лексикалық негіз болып табылады.

Қазақ, поляк және әлемдік лексикографияда бір жаңалық дүниеге келді. Ол жаңалық — «Қазақша-полякша сөздік». Сөздік — адамзат тарихында үлкен қызмет атқаратын жазба дүние; әр дәуірдегі тілдің байлығын, екі-үш-төрт тілдің лексикалық қорындағы мағыналық ұқсастықтар мен айырмашылықтарын таңбалап, ұрпақтан ұрпаққа жеткізетін лексикографиялық ескерткіш. Лексикография ілімі тіл білімі құрамында жеке ғылым ретінде қалыптасты, себебі адамзаттың кешегі, бүгінгі, ертеңгі тарихында сөздіктің жан-жақты мәні өте биік [1–6]. Лексикографияның бірнеше салалары бар. Лексикографияның негізгі нысаны мен пәні — сөздік жасаудың теориясы және тәжірибесі (практикасы) [6; 258, 259].

Гүляйхан Ақтай мен Хенрик Янковскийдің «Қазақша-полякша сөздігі» («Słownik kazachsko-polski») практикалық лексикография саласында жүргізілген ізденістердің нақты көрсеткіші, нәтижесі [7]. Сөздік 2011 жылы Поляк Республикасының үлкен ғылыми орталығы — Краков қаласында жарық көрді. Сөздікке 20000 (20 мың) сөз енген, көлемі 640 бет.

Сөздіктің авторлары (құрастырушылары) Познань қаласындағы Адам Мицкевич атындағы Университеттің азиятану кафедрасының түрік және қазақ бөлімінің қызметкерлері — ғылым докторлары, профессорлар Гүляйхан Ақтай және бүгінгі түріктану әлемінде үлкен орынға ие болған ғалым Хенрик Янковский.

Жалпы айтатын болсақ, профессор Хенрик Янковский және профессор Гүляйхан Ақтай Еуропаның қақ ортасында (Познань қаласында) қазақ тілін дамытып, еуропалықтардың арасынан қазақ тілін қолданушылардың санын көбейтіп, қазақ тілін зерттеушілерді саналы деңгейде дайындап жатқан белгілі тілшілер.

Қазақ тілі бөлімін Адам Мицкевич атындағы Университетінде ашып, оны қалыптастырып, жоғарғы деңгейге көтеруде профессор Хенрик Янковскийдің қызметі теңсіз. Бас иіп, тізе бүгіп, тағзым жасайық. Осы рецензияның авторы (яғни Маханбет Джусупов) 2001 жылдан бері сол жағдайдың басы қасында болғандықтан, осындай биік баға беріп отыр.

Адам Мицкевич атындағы Университеттің құрамында әр жылы 15–16 баланы қазақ бөліміне (бакалавр) қабылдайды (барлық орындар — грант, яғни бюджеттік). Одан басқа магистратура бөлімі де бар. Дәл осындай жағдай түрік тіліне де толық қатысты.

Алматы, Астана, Қарағанды... қазақтарының біразы қазақ тілінде сөйлемейді, бірақ Еуропада (Польшада) біраз еуропалықтар қазақша сөйлейді және қазақ тілін кәсіби (мамандық) тіл деңгейінде қолданады. Ғажайып жағдай. Бұл жағдайды бүгінде өмірге келтіргендер профессор Хенрик Янковский, профессор Гүляйхан Ақтай және сол бөлімде жұмыс істейтін тағы да басқа оқытушылар. Кімге рахмет айтамыз? Алматыда, Астанада, Қарағандыда генетикасы қазақ балаларын қазақшадан жырақта қалдырған ата-аналарға ма, оқу департаменттеріне ме, мұғалімдерге ме, жоқ, әлде қазақ тілді

ортасы жоқ Еуропада, генетикалық поляк және басқа ұлт балаларын қазақша сөйлейтіп, қазақ тілі негізінде әлеуметтік қызмет атқару деңгейіне жеткізген ұлты қазақ емес, ғұлама түркітанушы Хенрик Янковский және оның төңірегіндегі, сонымен бірігіп, соның бағдарламасымен қазақ тілін жат елде дамытып жатқандарға ма? Әрине, Хенрик Янковскийге және ол жетекшілік жасайтын бөлімдегі қызметкерлерге.

Осындай жағдай болған соң (қазақ тілі маманын поляк жастарының ішінен дайындау), жаңа лұғат (сөздік) қажеттілігі туды. Сол себепті қазақша-полякша сөздік жасалды. Үлкен жеңіс. Жалпы тіл танымы ғылымындағы үлкен лексикографиялық, әлеуметтік табыс.

Адам Мицкевич атындағы Университеттің құрамында қазақ бөлімінің ашылуына 10 жыл толмай 20 мың сөзден тұратын үлкен қазақша-полякша сөздік жарық көрді. Сөздік студенттің, жалпы оқырманның қолына тиді.

Қазақстанда ағылшын, француз, неміс тілдері қазақ мектептерінде оқытылады (шет тілі пәні). Шет тілдерінің қазақ мектебіне жеке пән ретінде енгеніне 70 жылға жуық уақыт болды. Бірақ жақын күнге дейін бастауыш сыныптарға, я басқа (одан жоғары) оқу деңгейіне арналған жеке қазақша-ағылшынша, қазақша-французша т.б. сөздіктер жарық көрмеді. Бар сөздіктер — жалпы сөздіктер. Ол сөздіктерде адресат пен адресанттың арасындағы қарым-қатынас ерекшеліктері ескерілмеген: я білім деңгейіне байланысты, я әлеуметтік топтың ерекшеліктеріне, я лингводидактикалық және әдіснамалық концепцияларға, я сөздер минимумына байланысты.

Арнайы қазақша-жат тіл сөздіктері енді шыға бастады (70 жылдан соң). Ал арнайы қазақша-полякша сөздік Польшада қазақ бөлімінің ашылғанына 10 жыл толмай жарық көріп тұр. Бұның себебі неде?

Біріншіден, іскерлікте, биік кәсіпқойлықта; екіншіден, саяси және әлеуметтік сәтті түсіне біліп, сол беті бері қараған саяси-әлеуметтік жағдайды уақытында пайдалануда; үшіншіден, өз кәсібіне биік құрметпен қарауда; төртіншіден, әр түрлі әлеуметтік топтар арасында өзінің мамандығына байланысты жағдайларды кеңірек таратуды мақсат тұтуда т.б.

Сонымен, қазақша-полякша сөздік — арнайы сөздік, себебі лұғатқа сөйлесім және жазылым тілдесімі түрлерінде жиі қолданылатын 20 мың сөз енген. Сөздік лексикография ілімінің талаптарына, ұстанымдарына толық жауап береді [6].

Сөздіктегі 20 мың сөз әлеуметтік салалардың негізгі бес түрінде жиі қолданылатын функционалдық стильдерінің тіл бірліктері. Ол әлеуметтік салалардағы функционалдық стильдер мыналар: тұрмыстық қарым-қатынас стиль саласы; ресми стиль саласы; публицистикалық стиль саласы; ғылыми стиль саласы; көркем әдебиет стиль саласы. Сонымен, тұңғыш жарық көрген қазақша-полякша сөздік бүгінгі қоғамдық өмір сүру салаларының негізгі ұғымдық дүниелерін қамтыған. Яғни бұл сөздік әрі арнайы, әрі жалпылама:

1) арнайы, себебі әр әлеуметтік салада қызмет атқаратын тұлға сөздікті қолданса болады;

2) жалпылама, себебі сөздік бір әлеуметтік топқа, я нақты бір білім беру деңгейіне бейімделмеген. Әр әлеуметтік саладағы қызметкер, әр білім беру деңгейіндегі оқытушы және оқушы сөздіктен өзінің әлеуметтік өмір сүру дағдысына байланысты сөз бірліктерінің аударма түсіндірмесін тауып алып қолданады.

Сөздіктің жалпы саяси, дипломатиялық, тілтанымдық, әлеуметтік, ағартушылық мәні өте биік. Сөздіктің саяси және дипломатиялық мәні теңсіз. Бұл сөздік Қазақстанның тәуелсіздік өмір сүру заманында жарық көріп тұр. Тәуелсіздік Қазақстанның басқа мемлекеттермен, халықтармен саяси, дипломатиялық, біліми, ғылыми қарым-қатынастарды өз еркімен, өз көзқарасымен жасауға жағдай жасады. Талқылап жатқан полякша-қазақша сөздік — сондай еркін саясат жүргізу барысының нәтижесі.

Сөздіктің дипломатиялық мәніне келетін болсақ, онда бұл еңбек Қазақстан мен Польша қарым-қатынасын араша тілсіз (орыс, ағылшын), екі елдің мемлекеттік тілдерінде жүргізу мүмкіндігіне үлкен ықпалын тигізетіндігін айтуымыз керек. Бұл сөздік қазақша-полякша қатынастардың басталуына, жалғасуына, қалыптасуына негізгі ауызша және жазбаша тілдесімдік құрал болайын деп тұр. Батыс пен Шығыс көне заманнан бері тығыз қарым-қатынаста. Бүгінде көп жағдайда Батыс пен Шығысты сөз қылғанда Еуропа және Азия (Азия және Еуропа) дейді. Мұндай синонимиялық атауға біз қарсы емеспіз. Бұрынғы Кеңес мемлекетінің «құшағынан» шыққан Азиядағы жаңа тәуелсіз мемлекеттердің Еуропамен қарым-қатынасы тікелей болды. Бұл жағдай Еуропа мемлекеттері мен Орталық Азиядағы бүгінгі егеменді республикалардың қарым-қатынас үрдісіне жаңа рухани, жаңа қоғамдық, жаңа психобейнелік, жаңа тілдесімдік түсініктер алып келді.

Сондай жаңашыл көрсеткіштің бірі — «Қазақша-полякша сөздік». Еуропа мен Азияның көп ғасырлы қарым-қатынасының тарихында бұл сөздік сол үлкен және ұзақ тарихтың жаңа бетін, жаңа қырын ашып, жарнамалап тұр, яғни жаңа дәуірде сол көне тарихтың тың жерлерінің біразын игеріп, гүлдастан етіп тұр.

Сөздіктің әлеуметтік мәні де жоғарғы деңгейде. Сөздік лексикографиялық құрал ретінде түрлі-түрлі әлеуметтік салаларда қызмет ететін, оқитын т.б. жеке адамдарды, қоғамдық топтарды қостілділікті игеруде тілдесімдік қарым-қатынас кеңістігін кеңейтуде, тереңдетуде, биіктетуде сапалы қызмет атқаратын болады.

Сөздіктің жалпы тілтанымдық және лексикографиялық мәні де орасан биік:

1) қазақша-полякша сөздік қазақ тіл біліміне де жалпы және салыстырмалы тіл біліміне де жаңалық алып келіп тұр, себебі екі ұлттың тілтанымы ғылымында бұрын кездесетін жаңа ұғымдарды, олардың атамаларын алып келді;

2) қазақша-полякша сөздік жалпы славянтанымына да, түркітанымына да жаңашыл материал, жаңашыл ықпал алып келді. Бұл сөздік кеше, я арғы күні кездеспеген екі тілді сөздіктерді жасауға үлгі болып тұр (полякша-өзбекше, болгарша-қазақша, болгарша-өзбекше т.б.);

3) қазақша-полякша сөздік әлемдік лексикография тарихында бірінші рет жасалып тұр. Яғни сөздік тек поляк, я тек қазақ тіл білімдерінің лексикографиясының деңгейін ғана емес, әлемдік лексикографияның деңгейін де әрі көтеріп, әрі кеңейтіп тұр.

Сөздіктің ағартушылық және біліми мәні бар екендігі де күдік тудырмайды. Әр сөздік (әсіресе қостілді сөздік) міндетті түрде жаңа қоғамдық, ғылыми, біліми, тағы басқа ақпараттың кені. Екінші тілді игеріп жатқан тұлға үшін мұндай ақпарат үлкен ағартушылық, біліми қызмет атқарады, себебі ол ана тілінде білетін ұғымдардың, құбылыстардың... атауларын, қолданыс салаларын, тілдік, тілдесімдік және әлеуметтік қасиеттерін игереді, ал мұндай жағдайдың негізгі қорытындысы — ағартушылық, біліми.

Сөздік қазақша-полякша болғандықтан, еңбектің бірінші материалы қазақ тілі материалы болып тұр. Поляк тілі екінші, яғни аударма, тіл. Сөздіктің мағыналық құрылымы осындай болған соң сөздікте қазақ тілінің, қазақ дүниетанымының, қазақ мемлекетінің ішкі және сыртқы дүниесі славян тілдерінің үлкен бір түрі — поляк тілінде тікелей (сөзбе-сөз) аударылып (тура баламасы, эквиваленті бар болса), я түсіндірмелеу әдісімен беріліп тұр (тура баламасы (эквиваленті) жоқ болса).

Сөздіктегі аудармашылық еңбекке тағатын мініміз жоқ. Аударма ілімінің (тәржімелеу) әдіс-тәсілдері орынды және ұтымды қолданылған.

Сонымен, сөздікте 20 мың сөз аударылған. Мұнша сөз көлемі екінші тілді игеруге жеткілікті ме? Жоғарыда айтып өттік, жеткілікті. Мұндай шешімнің дәлелі, яғни, ғылыми негізі бар. Бұл мәселеде біз психологтардың, психолінгвистердің, лингводидактардың, әдістемешілердің зерттеу жұмыстарының қорытындыларына сүйеніп отырмыз. Олар былай дейді. Бір қарапайым адам (бір тілдік тұлға және сол тілде сөйлейтін жалпы қоғам) өмірінде 10 мыңға (10000) жуық сөзді игереді екен (ғалым емес, филология маманы емес, яғни қатардағы тілді қолданушы индивид). Сол 10 мың сөздің 5 мыңын (50000) тіл тұлғасы 5 жасқа толып алты жасқа аяқ басқан кезде игеретін болады екен. Яғни 5 жасқа толған соң бала ана тіліндегі (я ана тілінің қызметін атқарған тілдің) 5 мыңға жуық сөзді түсінетін болады: біреу сөйлегенде құлағымен қабылдап, мағынасын түсініп, өзі де тілдесім барысында қолдана алатын болады. Бес жастан алты жасқа кетіп жатқан бала 5 мың сөзді жатқа айтып бере алмайды, бірақ сөйлесім барысында (тілдік қарым-қатынаста) сонша сөзді түсіне алады. Сол бес мың сөздің құрамындағы кейбір сөздер бала үшін бейтаныс, жат тілдің сөзі деңгейінде, ұғымында естілмейді. Қалған 5 мың (5000) сөзді адам бүкіл өмірі бойы игереді екен (біреу тезірек, біреу жай т.б.). Біреу 10 мың сөзді білгенімен, оны қолданбайды да, себебі оның күнделікті өмір сүру дағдарысында он мың сөзді қолдану қажет емес.

«Қазақша-полякша сөздікте» («Słownik kazachsko-polski») 20 мың сөз. Яғни бұл сөздік кішкентай емес, себебі қарапайым тіл тұлғасы игеретін 10 мың сөзден екі есе көп. Сонымен, бұл сөздік психолінгвистикалық, психолінгводидактикалық, әдістемелік талаптарға да сәйкес жасалған болып тұр.

Сөздік құрылымы әрі дәстүрлі, әрі инновациялық. Сөздік 12-бөлімшілерден тұрады.

1.а) Сөздіктің мұқабасына қалың ламинация жасалған. Мұқабаның түсі аспан ренті (көгілдір). Авторлардың аты-жөні қара әріптермен маркерленген. Сөздіктің аты үлкен ақ әріптермен маркерленген. Мұқабаның сол жағында вертикаль (тік) түрде қазақша ою-өрнек суреттелген. Мұқабаның төмен жағында «KSIEŹRNIĄ AKADEMICKĄ»-ның аты және логотипі көрсетілген.

Барлық жазулар поляк тілінде берілген. Сөздік мұқабасының екінші бетінде — сөздік жайында қысқа мәлімет, штрихкод, қазақша ою-өрнек таңбаланған. Барлық жазулар поляк тілінде берілген.

ә) Одан соң сөздіктің титул парағы. Онда авторлардың аты-жөні, сөздіктің аты, кітаптың шыққан жылы (2011), қаланың аты (Краков) және «KSIĘGARNIA AKADEMICKA»-ның аты және логотипі көрсетілген.

2. Сөздіктің ішкі дүниесінің мазмұны (оглавление) 12 бөлемшеден тұрады. Тарау, тармақ, бөлім, бөлімше атаулары поляк тілінде берілген.

3. Одан соң поляк тілінде қысқа аннотация берілген (Drzedmowa).

4. Одан соң поляк тілінде қазақ лексикографиясы жайында мәлімет берілген [7; 9–13].

5. Сөздіктің 14–18-беттерінде жалпы қазақ тілі, қазақ лексикографиясы жайында (монотілді, қостілді) библиография берілген. Библиография жан-жақты, яғни толымды берілген.

6. Сөздіктің 19–22-беттерінде қазақ тілінің әліпбиі жайында, кейбір сөздер мен сөз тіркестердің ішкі мағынасындағы фонотармақтық ерекшеліктері жайында поляк тілінде мәлімет берілген. Мысалы: *тұрғын, тұрғын үй; самауырын — самауыр; шуақ — шуағы* т.б.

7. Сөздіктің 22–23-беттерінде пайдаланылған қосымша лұғаттық таңбалар тізімі берілген. Оларға поляк тілінде түсініктеме келтірілген.

8. Сөздіктің 23–24-беттерінде лұғатта пайдаланылған шартты қысқартулардың латиницадағы тізімі, поляк тілінде түсіндірмелері берілген.

9. Сөздіктің 25–26-беттерінде қазақ әліпбиінің тізімі, әріптердің аталуы, сөйлем үрдісіндегі дыбысталуы (орфоэпия), латын жазуындағы баламалары берілген.

10. Сөздіктің 26-бетінде қазақ тілі сингармофонемаларының (фонемаларының, яғни сөз мағынасын өзгертетін дыбыстарының) түрлері (классификациясы, жүйеленуі) жайында поляк тілінде қысқа, бірақ нақты мәлімет берілген.

11. Лұғаттың 27–600-беттерінде қазақша-полякша сөздіктің өзі (яғни сөз тізбегі) аудармасымен берілген. Сөздік әліпбилік ұстанымда жазылған.

12. Сөздіктің 601-бетінен бастап соңына (640-бетіне) дейін қазақ тіліндегі адам есімдерінің (аттарының) тізімі алфавиттік (әліпби) ретте берілген.

Сөздіктің бұл бөлімінің басында қазақ тіліндегі адам аттары (есімдері) жайында қысқа мәлімет берілген (жасалу жолы, жазылу ерекшеліктері), содан соң есімдер тізімі басталады.

Адам есімдері сөздіктің бұл бөлімінде бір бетте екі қатар болып берілген, ал бұның алдындағы жалпы қазақша-полякша сөздік бір бетте бір қатармен берілген: қазақ сөзі — поляк тіліндегі аудармасы.

«Қазақша-полякша сөздікке» қазақша адам есімдерін жеке бөлім етіп, екі қатармен 40 бетте беру — үлкен ұтыс, жаңалық, себебі бұдан басқа (біз білетін) қазақ тілі және қостілді сөздіктерде адам есімдерінің бөлек лұғатша болып берілгенін кездестірмедік [8].

Бұл жағдай қазақша-полякша сөздіктің инновациялық (жаңашыл) қыры көлемді екенін көрсетіп тұр.

Екінші тілге үйрету барысында әдет бойынша фонетикаға, лексикаға, грамматика, синтаксиске, тілдесім түрлеріне (тыңдалым, сөйлесім, оқылым, жазылым, аударма, іштей сөйлеу) үлкен көңіл бөлінеді. Лексикаға байланысты сол тілдегі географиялық атауларға, салт-дәстүр түрлерінің айтылуына (яғни лингвомәдениеттануға), мемлекеттанымға байланысты теориялық, әсіресе практикалық (тәжірибелік) лингводидактикалық және әдістемелік ізденістер, ұсыныстар жасалады, оқулықтар, оқу құралдары жазылады.

Жат тілді үйрену барысында тұлға қоғам тілді жүйе ретінде (статиканы және динамиканы) игереді. Бірақ көп жағдайда сол оқыту жүйесі құрылымының ішкі дүниесінде адам есімдеріне көлемді көңіл бөлінбейді. Тек екінші тілге үйрету барысында тілдесім сәттерінің түрлеріне байланысты мәтіндегі контекстің мағынасына байланысты екі тілдегі адам есімдері пайдаланылады. Яғни екінші тілдегі адам есімдеріне байланысты арнайы лингводидактикалық, әдістемелік іс-әрекеттер жасалмайды, я өте сирек жасалады. Сондықтан тұлғаның, әлеуметтік топтың екінші тілді игергенімен, сол тілдегі адам есімдерінің көлемі, түрлері, этимологиясы т.б. жайында хабары өте аз болады.

Бұл еңбекте («Stownik kazachsko-polski») осындай көлеңкеде қалып кететін мәселеге (адам есімдеріне) үлкен көңіл бөлінген. Сөздіктегі адам есімдерінің қазақша атауларының саны — 3131. Бұл көлемді дүние. Жат (екінші) тілдегі адам есімдерін жақсы білудің (мағынасын, шығу тегін, фонотармақтарын, толық және қысқартылған түрлерін, стилистикалық реңкін (кітаби, бейтарап,

тұрмыстық қарым-қатынас, яғни көтеріңкі, нейтрал, төмендетілген) үлкен лингвистикалық, лингвомәдениеттанымдық, лингвокогнитивтік мәні бар. Себебі қазақ халқы балаға ат қойғанда ниетпен қояды. Мысалы: *Бахыт* (бахытты болсын, өмірі қиын болсамын); *Ұлжалғас* (көп қыздан соң ұл туылсын); *Айсұлу* (қыз айдай жарық, нұрлы, түнде жарық, беті айдай сұлу болсын); *Абай* (Абайдай биік саналы, терең ойлы, парасатты, ақын жүрек болсын); *Айдария* (қыз айдай жарық, нұрлы, кең-жарқын дарияның суын түнгі ай жарқыратқандай жарық, сұлу, кең, мол болсын).

Сонымен екінші (үйреніп жатқан) тілдегі адам есімдерінің түп мағынасын білу халықтың ішкі дүниесін, мәдениетін, тарихын игеруге негізгі фактордың бірі болады: символ-есімдердің (*Күлтегін*, *Алпамыс*, *Абай*, *Махамбет*, *Исатай*, *Кенесары*) лингвомәдениеттік дүниесін, есім ұғымының лингвокогнитивтік құрылымын, когнитивтік картасын игеруге орасан көмегі тиеді.

Сонымен, тілдегі адам есімдерінің қорынан жасалған сөздіктің нақ тілтанымдық, лингвомәдениеттік, лингвокогнитивтік, тарихи, әдістемелік т.б. мәні өте биік. Біздің ойымызша, «Қазақша-полякша сөздіктің» («*Stownik kazachsko-polski*») авторлары Гүляйхан Ақтай, Хенрик Янковский осы нақ ғылыми және біліми-әдістемелік жағдайларды терең түсінгендіктен, сөздіктің құрамына қазақша адам есімдерінің сөздікшесін енгізген (3131 есім). Әрине, есімдер сөздікшісіне қазақ есімдерінің бәрі енбеген, бірақ басым көпшілігі қамтылған. Мысалы: *Шәкір*, *Шәкірбек* есімдер сөздікке енген де, осы есімнің толық түрі (*Шәкірмәкірін*) сөздікке енбей қалған [7; 238].

Сөздік жасаушылардың жоспарында қазақша есімдердің бәрін сөздікке ендіру керек деген ұстаным болмаған. Неге?

Біріншіден, бүгінде қазақша адам есімдерінің бәрін лұғатқа енгізу мүмкін емес, себебі күн сайын жаңа есімдер пайда болып жатыр. Мысалы; Азия ойындарынан соң, Жапонияға барып келген бір профессор дүниеге келген немересін *Сакура* деп атады; бұрын қазақтың *дария* сөзінен жасалатын қыз есімі болмаған. Бүгінде қазақ тілінің сөзжасам жолдарын пайдаланып, *Айдария*, *Гүлдария*, *Ақдария* есімдері пайда болды. Осы үш есімнің екеуі (*Айдария*, *Гүлдария*) сөздіктен орын алған, ал біреуі (*Ақдария*) сөздіктен орын алмаған. Мұндай жағдай қазақ есімдерінің қорының күннен күнге, жылдан жылға қарай көбейіп бара жатқанын білдіреді, типологиялық түрлерінің жан-жақтылығы кеңейіп, биіктеп, тереңдеп бара жатқанын білдіреді.

Екіншіден, сөздіктің авторлары қазақша есімдер лұғатшасын жасағанда, қазақ есімдерінің жасау үлгісін, жолдарын (сөзжасам үлгілерін) және негізгі (дәстүрлі) қалыптасқан түрлерін танбалауда жарнамалауды көздеген. Сөздік авторлары бұл міндеттемені жоғарғы деңгейде орындаған.

Әрине, сөздік авторлары қазақ есімдерінің лұғаттамасын жасау барысында есімдердің шығу тегі (этимологиясын) жайында қысқа мәлімет бергенде нұр үстіне нұр болар еді. Мысалы: діни, араб, парсы, жалпы түркі, латын, грек, нақ қазақи т.б. Біздің ойымызша, талқыланып жатқан сөздіктің жасалу үрдісінде ондай міндет орын алмаған, себебі бұл сөздік этимологиялық сөздік емес, я тек қазақ есімдеріне арналған сөздік емес. Сөздіктегі қазақ есімдерінің лұғатшасы, қазақ тілі жайындағы мәліметті оқырманға жан-жақты беру үшін жасалған. Бұл міндеттемені Гүляйхан Ақтай мен Хенрик Янковский жоғарғы деңгейде орындаған.

Қазақ есімдері жайында этимологиялық мәлімет беру, сөздік авторларының келешек еңбектерінен орын алар деген үміттеміз. Бұлар жасаған үлкен дүниедегі (есімдер лұғатшасындағы) адам есімдерінің әрқайсысына шығу тегі жайында мәлімет берілсе, онда бұл еңбек жеке «Қазақ есімдері сөздігі» ретінде жарық көруі тиіс.

Ондай сөздіктер әлемдік тіл білімінде жасалған. Мысалы, жақында (2012 жылы) Польшаның Познань қаласында «Словарь древнерусских именований XI–XIV веков» атты сөздік жарық көрді. Авторы — Мариан Войтович [9]. Еңбек Познань лингвистикалық мектебінің дәстүрінде орындалған. Осы сөздікте көне орыс тіліндегі адам есімдерінің шығу тегі (этимологиясы) және қандай жазба ескерткіштерде кездесетіні жайында мәлімет берілген [9].

Қазақ тіл білімінде «Қазақ есімдері: сөздік-анықтама» бар. Ол еңбектің авторлары — Т.Жанұзақов, К.Есбаева [10]. Біздің айтып тұрғанымыз: қазақ есімдері сөздігінде ғылыми мәлімет толықтырылған болса: этимология, қай дәуірде қазақ тіліне енді, қандай сөзжасам үлгісімен жасалған, бірінші рет қандай көне жазба ескерткіштерде, мифтерде, аңыздарда кездеседі, орфоэпиялық фоноварианттары, стилистикалық ерекшеліктері т.б.

Біздің ойымызша, қазақ есімдерін жоғарыда көрсетілген мәліметтермен толықтырып, жеке сөздік ретінде жарияласа, қазақ тіл біліміндегі тың болып жатқан бір сала игерілген болар еді. Осындай еңбекті (қазақ есімдері сөздігін) дүниеге келтіруге бүгінде ең жақын тұрған мамандар — Хенрик Янковский мен Гүляйхан Ақтай.

Поляк халқынан шыққан зиялылардың Қазақстанмен, қазақ халқымен байланысы XIX ғасырда басталған. Ресей Империясының мекемелерінде қызметте болған поляк зиялылары (тарихшы, өлкетанушы, мемлекет қызметкерлері) қазақ жеріне әр түрлі жағдайлармен келіп (жер аударылу, қызмет бабымен т.б.), тек колониялық емес, ағартушылық та, өлкетанушылық та, тарихи да ізденістер алып барған я ұйымдастырған. Сондай поляк зиялыларының бірі — әскері тұлға, полковник К.К.Гутковский [11; 131, 232].

К.К.Гутковский Шоқан Уәлихановпен тығыз байланыста болған, яғни достық және кәсіби қарым-қатынаста. К.К.Гутковский Шоқан Уәлихановтің ұлы тұлға ретінде қалыптасуына өзінің жағымды әсерін тигізген зиялы, XIX ғасырдағы қазақ ұлтының ішкі және сыртқы қасиеттерін орыс тілінде көрсетуде көзге түсетіндей із қалдырған тұлға. XX ғасырдың соңы — XXI ғасырдың басында қазақ тілімен жалпы қазақтану мәселелерімен терең және кең шұғылданып жүрген поляк зиялылары қатарынан шыққан ірі түркітанушы профессор Хенрик Янковский.

Сонымен, қазақ жерінде XIX ғасырда ұлты поляк зиялылар салып кеткен ғылыми арна қазіргі кезде қайтадан жаңғыртылды: жаңғырту үрдісінің шырақ жағушылары — профессор Хенрик Янковский және оның Познань қаласындағы Адам Мицкевич атындағы Университетте қызмет атқаратын, зерделі ғалым, қазақтың қызы, жұбайы Гүляйхан Ақтай.

Жақсы бастау сәтті жалғасын тапты.

Сонымен, қазақ-поляк көстілді сөздіктің ішкі дүниесі, құрылымы әрі классикалық, әрі жаңашыл. Сөздік авторлары Гүляйхан Ақтай, Хенрик Янковский өз еңбектерінің келешегіне ғылыми-әдістемелік жаңашыл көзқараспен қараған. Яғни «Қазақша-полякша сөздік» («Stownik kazachsko-polski») — жаңа дәуірдегі жаңа сөздік.

Әдебиеттер тізімі

- 1 Апресян Ю.Д. Избранные труды. — Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М.: Языки русской культуры, 1995. — 767 с.
- 2 Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. — 206 с.
- 3 Берков В.П. Двухязычная лексикография. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. — 248 с.
- 4 Дубичинский В.В. Лексикографические заметки. Рекомендации создателям словарей. — Харьков: Изд-во ХПУ, 1994. — 301 с.
- 5 Малбақов М. Қазақ сөздіктері: Қазан төңкерісіне дейінгі қазақ сөздіктері хақында. — Алматы: Ана тілі, 1998. — 112 с.
- 6 Гак В.Г. Лексикография // Большой энциклопедический словарь. — Языкознание / Гл. ред. В.М.Ярцева. — 2-е (репринт.) изд. — М.: Бол. рос. энцикл., 2000. — С. 258, 259.
- 7 Gülayhan Aqтай, Henryk Jankowski. Stownik kazachsko-polski. — Krakow: KSIĘGARNIA AKADEMICKA, 2011. — 640 с.
- 8 Махмудов Х., Мұсабеков Қ.Б. Қазақша-орысша сөздік. — 4-бас. — Алматы: Өнер, 1998; Русско-казахский словарь: в 2 т. — Алматы: Арыс, 2007; Қазақша-орысша сөздік. — Алматы: ДАЙК-ПРЕСС, 2001.
- 9 Мариан Войтович. Словарь древнерусских личных именований XI–XIV веков. — Познань: Познаньское общество друзей, 2012. — 160 с.
- 10 Жанұзақов Т., Есбаева К. Қазақ есімдері: анықтама сөздік. — Алматы: Ғылым, 1988. — 480 б.
- 11 Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: в 5 т. — Т. 5. — Алматы: Гл. ред. Казахской сов. энцикл., 1985. — 502 с.

М. Джусупов

Новый словарь нового времени

В статье-рецензии исследованы содержание, объем и структура казахско-польского двуязычного словаря, отмечено его политическое, дипломатическое, образовательное, культурное и научное значение для взаимоотношений между Востоком и Западом. Высоко оценены место и роль двуязычного словаря в истории лексикографии, сделан анализ с лингвистической, лингвокультурологической, лингвокогнитивной, исторической и методической сторон. Автором отмечено, что двуязычный словарь, изданный в научном центре Польской Республики — Кракове, отвечает всем современным требованиям, соединяя в себе классический и новаторский подходы.

M. Dzhusupov

New dictionary of modern times

In article-review the content, volume and structure of the Kazakh-Polish bilingual dictionary is investigated, it is noted its political, diplomatic, educational, cultural and scientific values for relationship between the East and the West. The place and a role of the bilingual dictionary in the history of a lexicography are highly appreciated, it is analyzed from the linguistic, linguoculturological, lingvokognitivny, historical, methodical party. The author of article notes that the bilingual dictionary published in scientific center of the Polish Republic — Krakow, meets all modern requirements, according to contents and structure is both classical, and innovative.

References

- 1 Apresyan Yu.D. *Chosen works*, 2. Integrated description of language and system lexicography, Moscow: Culture languages, 1995, 767 p.
- 2 Zalevskaya A.A. *The word in a lexicon of the person. Psycholinguistic research*, Voronezh: Publ. of the Voronezh State University, 1994, 206 p.
- 3 Berkov V.P. *Bilingual lexicography*, Saint Petersburg: Publ. SPSU, 1996, 248 p.
- 4 Dubichinsky V.V. *Lexicographic notes. Recommendations to creators of dictionaries*, Kharkiv: Publ. KhSU, 1994, 301 p.
- 5 Malbakov M. *Kazakh dictionaries: About the Kazakh dictionaries before October revolution*, Almaty: Ana tili, 1998, 112 p.
- 6 Gak V.G. *Big encyclopedic dictionary*, Linguistics. / Ed. V.M.Yartseva, Moscow: Big Russian encyclopedia, 2000, p. 258, 259.
- 7 Gülayhan Aqtay, Henryk Jankowski. *Stownik kazachsko-polski*, Krakow: KSITGARNIA AKADEMICKA, 2011, 640 p.
- 8 Makhmudov Kh., Musabekov K.B. *Kazakh-Russian dictionary*, Almaty: Oner, 1998; Russian-Kazakh dictionary: In 2 vol., Almaty: Arys, 2007; Kazakh-Russian dictionary, Almaty: DAYK-PRESS, 2001.
- 9 Marian Voytovich. *Dictionary of Old Russian personal names of the 11–14th centuries*, Poznan: Wydawnictwo Poznanskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 2012, 160 p.
- 10 Zhanuzakov T., Esbayeva K. *Kazakh names: dictionary reference*, Almaty: Gylym, 1988, 480 p.
- 11 Valikhanov Ch.Ch. *Collected works in five volumes*, 5, Almaty: Main edition of the Kazakh Soviet encyclopedia, 1985, 502 p.

D.B. Slavenskoj

*Comenius University, Bratislava, Slovakia
(E-mail: danslav.slavenskoj@uniba.sk)*

Corpus Methods of Analysis of Slavic Language Literature: A Small Corpus of Svetlana Alekseyevich's Works

Examining the state of corpus-based approaches to the analysis of Slavic language literature, the rarity of such research is identified. The advantages of such an approach are noted, and previous research by citing Koteyko is identified. Given that few studies are currently done in Slavic languages or using Slavic language texts using corpus based approaches, the author suggests further research is required. A small corpus of the literary works of Svetlana Alekseyevich was created. The corpus was then analyzed and revealed several tendencies and the focus of the works of Svetlana Alekseyevich. This shows how such an analysis of even a small corpus can be a useful tool in the research of literature.

Key words: slavic language literature, corpus methods of analysis, Svetlana Alekseyevich, autor srtyle.

Corpus-based approaches to East Slavic literature of any kind are not at present, commonly undertaken, even though, according to scholars of literature of other languages, such research methods yields superior results. According to Biber [1], «a corpus provides the best way to represent a textual domain, and corpus analysis is the most powerful empirical approach for analyzing the patterns of language use in that domain (emphasis added)» Koteyko.

How has the language of East Slavic literatures in the decades following 1991 changed? Koteyko, while focusing on post-Soviet Russia, identifies this time period as one of «rapid changes in political and social life» that «were accompanied by dramatic shifts on the socio-linguistic landscape» [2; 32]. It is the exploration of this shift in political language and its reflection in literature, in Ukraine and Belarus, that concerns the proposed research. According to Ryazanova-Clarke [3; 117] in the period following 1991, with «the disappearance of the despotic Soviet state and, together with it, the ritual Communist Party rhetoric and the ideological prevalence over public speech could not but incur deep shifts in the Russian language», a change which affected «lexis, word formation and morphology». A corpus based study of contemporary East Slavic literature may reveal the ways in which language itself is changing: certain word forms, first appearing in the political or legal realm, make their way into the discourse of non-fiction.

According to scholars of English literature, Almela and Keshabayan [4; i], corpus-based, computational investigations of literature, using computational tools, yield superior results to traditional methods of research, because corpus-based «analyses of literary texts can provide a notable degree of confidence, since this kind of investigation is not related to the mere interpretation of the meaning through readers' perception». Cantos-Gómez and Sánchez [5] note that «since samples of language in digital format are nowadays easily accessible and computers allow for a quick processing of huge amounts of data, the change of the research paradigm is shifting from theoretically based constructs to data based ones.»

However, scholars of literature have been «traditionally reluctant to objective and formal analysis,» even though previous «theoretical constructs have proved to be rather precarious» [4; vii]. Applying such a methodology to examine modern East Slavic literature, has not been widely adopted. However, in keeping with these developments in the study of literature, it is important to note the availability of digital sources, which could for the basis for further corpus based research.

Biber notes three corpus approaches [1; 15]: «'keyword' analysis, identifying typical extended lexical phrases, and collocational analysis». Of these, according to Biber, 'keyword' analysis remains the most common, and the most straight forward approach. A variety of computational tools exist for performing this analysis.

Literary texts themselves are likewise often available in a digital format, and where they are not readily available, they may be digitized for the purposes of this research project. If a digitized works are not readily available, a significant selection of literary works from each year may be taken into consideration based on criteria to be identified. Koteyko, in her corpus-assisted research into post-Soviet Russian political discourse, showed that it is possible for a researcher to create a corpus for targeted study [2; 55].

There are two other important elements limiting the scope of the proposed work: language, and time frame. Posokhin notes [6], among «characteristic traits of present-day literary Belarus», «the dominance of Russian language on the book market.» Likewise, Russian, according to Krouglov [7] «remains one of the major languages in Ukraine by the number of speakers and its use in the media». However, while the Russian language remains significant throughout Ukraine and Belarus, Ukrainian and Belarusian have strong literary traditions of their own, and such a study would have the advantage of providing a more complete grasp of the problem if it considered all East Slavic languages. The proposed work will therefore be limited in scope to East Slavic language works.

The time period of the post 1991 decade provides us ample data which may have already been digitized, as well as a dynamic period of political change on the path of social transformation after independence following the collapse of the Soviet Union in 1991. According to Kotevko [2; 3], «the link between language change and politics is particularly acute during the time of social upheaval, the post-Soviet period represents a great opportunity to explore the process of discursive change and stability.»

Since at present «the vast majority of corpus-based analyses tend to rely on texts written in English or other languages of the European Union» [2; 5], corpus-based methods in the research of East Slavic texts deserves more scholarly attention.

As an example of such a corpus-based approach, we analyzed the works of Svetlana Alekseyevich, a Belarusian author, and winner of the Noble Prize in Literature in 2015, and was the first author from Belarus to receive this award. Although she is from Belarus, reflective of the linguistic situation in the country as noted by Posokhin [6], her works are in Russian.

A small corpus of her published novels, namely: *Зачарованные смертью* (*Zacharovannye Smertyu*, *Enchanted with Death*) (Belarusian: 1993, Russian: 1994); *Последние свидетели: сто недетских колыбельных* (*Poslednie svideteli: sto nedetskikh kolybelnykh*, *The Last Witnesses: A Hundred of Unchildlike Lullabys*), Moscow, Palmira, 2004, ISBN 5-94957-040-5 (first edition: Moscow: Molodaya Gvardiya, 1985); *У войны не женское лицо* (*U voyny ne zhenskoe litso*, *War Does Not Have a Woman's Face*), Minsk: Mastatskaya litaratura, 1985; *Цинковые мальчики* (*Tsinkovye malchiki*, *Boys in Zinc*), Moscow: Molodaya Gvardiya, 1991; and *Чернобыльская молитва* (*Chernobylskaya molitva*, *Chernobyl Prayer*), Moscow: Ostozhye, 1997. ISBN 5-86095-088-8, were used to create the corpus.

These works were selected because they are readily available in a digitized full-text format and provide us with a snapshot of the work of a noted author in the time period 1991–2000, which was identified above as a time of significant social change in the region.

Using the concordance program CasualConc, the corpus was compiled and analyzed. CasualConc <<https://sites.google.com/site/casualconc/>> can be used to generate concordance lines, analyze word clusters, perform collocation analysis, and do simple word counts. For the purposes of this study, keywords relating to Russian verbs of motion were used as input. There were no issues handling the Russian language text, however, when searching, word morphology had to be taken into account, as there is no built in function that takes care of this, as the program was initially designed for the analysis of Japanese and English language texts.

Although pure keyword searches, as well as all the other methods of analysis using a corpus based approach were possible, with such a small corpus, the most interesting results were from to be found from collocation analysis.

The significant of any research is to provides insight into both the way language is used by an author, however, it may also be used to further reveal the degree of external influences that has been exerted over authors in the region at a time of great social change. Importantly, unlike more ephemeral forms of expression, literature has the potential to leave a lasting impression and survive as an active medium of culture for future generations. Therefore, the effects of any influence on literature, may be felt for years after the work has been written and may continue to affect a society in the future.

Collocation analysis is a corpus-linguistics statistical tool that allows us to identify words that occur together in the corpus. Using this tool, we can identify the frequency of such collocations, and these collocations can reveal tendencies in the author's use of the language.

Focusing on the keyword of the verb *быть* 'to be' and the verb *мочь* 'to be able to', and *человек* 'human', we were able to identify the tendency of Svetlana Alekseyevich towards a pessimistic outlook towards what a human can be or is able to achieve, even without a close reading of the texts themselves.

Table 1

Cluster List Output быть 'to be'
2-word cluster: 384 / 672 found in 5 files

Cluster		Frequency	Translation
1	не будет	63	will not be
2	все будет	14	everything will be
2	что будет	14	what will be
4	это будет	13	this will be
5	он будет	10	he will be
6	будет жить	8	will live
6	будет не	8	will not

Table 2

Cluster List Output мочь 'to be able'
2-word cluster: 968 / 1980 found in 5 files

Cluster		Frequency	Translation
1	не могу	189	I can't
2	не могла	142	I couldn't
3	не мог	83	couldn't
4	не могли	61	they couldn't
5	я могу	44	I can
6	я могла	25	I could [f]
7	я мог	20	I could [m]
8	мог бы	16	could have
9	он мог	15	he could

Table 3

Cluster List Output человек 'human'
2-word cluster: 1,318 / 2150 found in 5 files

Cluster		Frequency	Translation
1	человек не	21	person not [verb]
2	человек и	18	person and
2	человека в	18	person
4	одного человека	16	of one person
5	несколько человек	14	several people
5	один человек	14	one person
5	человек с	14	person with

As can be seen from the above cluster frequencies of the verb to be, to be able to, and the word person reveal that the negative aspect of these words prevails statistically. This established, we can explore what it is that Svetlana Alekseyevich's works are telling us people can't be, or aren't able to do? A search of the phrase 'человек не может' (a person can't) shows us the following:

Table 4

Collocation Result Output: 2016-04-06 10:20:19
2,742 with 2,471 items in 5 files

	Context Word	Translation
1	с ружьем	with a rifle, firearm
2	ни одного	not one
3	на войне	at war
3	не может	can't
5	что-то	something

5	я не	I not
7	а я	and I
8	может быть	maybe
8	никогда не	never not
8	о настоящем	about the present
8	у которого	who has
8	у нас 5	our
13	а не	and not
13	воевал в	fought with
13	еще несколько	several more
13	который воевал	who fought
13	над другим	above others
18	был не	was not
18	в одном	in one
18	в себе	in oneself

Thus, using such a corpus based approach, we have identified that Svetlana Alekseyevich's works have a tendency towards use of negative language that shows us not what a person can, but what he or she can't and perhaps, shouldn't, primarily in relationship with firearms. While this may seem trivial, it demonstrates the power of a corpus based statistical approach to quickly reveal and conveniently present us with tendencies spread through a large sample of works.

References

- 1 Biber D. Corpus Linguistics and the Study of Literature: Back to the Future? // Scientific Study of Literature. — 2011. — Vol. 1. — No. 1. — P. 15–23.
- 2 Koteyko N. Language and Politics in Post-Soviet Russia: A Corpus-Assisted Approach. — Publ. 1. — Houndsmills, Palgrave Macmillan. — 2014. — 191 p.
- 3 Ryazanova-Clarke L. The Russian Language Outside the Nation: Speakers and Identities. Macmillan. — 2014. — 224 p.
- 4 Almela A., Keshabyan I. Introduction // International Journal of English Studies. — 2012. — Vol. 12. — No. 2.
- 5 Cantos-Gómez P., Sánchez A. Recent and Applied Corpus-Based Studies // International Journal of English Studies. — 2009. — Vol. 9. — No. 3.
- 6 Posokhin I. The Literary Situation in Contemporary Belarus // Eastern Partnership Literary Review. — 2014. — Vol. 1. — No. 1. — P. 13–17.
- 7 Krouglov A. War and Peace: Ukrainian and Russian in Ukraine // Journal of Language and Politics. — 2002. — Vol. 1. — No. 2. — P. 221–239.

Д.Б. Славенской

**Славян тіліндегі мәтіндерді корпустық талдаудың әдістемесі:
Светлана Алексеевич шығармаларының шағын корпусы**

Мақалада корпустық лингвистика әдісі аясында Светлана Алексеевичтің әдеби шығармалары талданған. Автор әдеби мәтіндерді талдауда бұл зерттеу әдісі басымдыққа ие және сирек кездеседі. Осы әдісті негізге ала отырып, автор жоғарыда аталған жазушының шығармаларын жан-жақты сараптаған. Зерттеу әдісінің тиімділігі мен болашағы бар екендігі дәлелденген.

Д.Б. Славенской

**Методика корпусного анализа славяноязычных текстов:
малый корпус произведений Светланы Алексеевич**

В статье предпринят анализ литературных произведений Светланы Алексеевич в аспекте метода корпусной лингвистики. Автором отмечены редкость и в то же время преимущества данного исследовательского метода по отношению к литературным текстам. На основании данного метода автором был создан и проанализирован с точки зрения языковых особенностей малый корпус литературных произведений Светланы Алексеевич. В статье доказаны эффективность и перспективность подобного метода исследования.

УДК 82–1

Л.Р. Шевлякова, В.В. Мещерякова

*Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова
(E-mail: lubovsh2@gmail.com)*

Герменевтика жанра современной антиутопии

Авторами статьи с опорой на теоретические работы проведен глубокий анализ текстов антиутопий от первых антиутопических произведений до произведений, созданных на новом витке развития жанра в 1960–2000-е гг. Авторами детальному рассмотрению подвержены специфика антиутопического конфликта, тип общественного устройства и характер тотального давления на личность и т.д. Представлен сопоставительный анализ утопии и антиутопии, на этом фоне выделены конститутивные и факультативные жанровые признаки антиутопии.

Ключевые слова: антиутопия, герменевтика жанра, антиутопический конфликт, «повесть-притча», социально-философская фантастика, противостояние Личности и Государства, антиутопическая атмосфера, социальный строй, методы воздействия на человека.

Жанр антиутопии в мировой литературе уже давно зарекомендовал себя как один из самых интересных и глубокомысленных жанров. При этом он является достаточно молодым. Развитие антиутопии в русской литературе ввиду своеобразия политической обстановки XX в. оказалось достаточно тяжелым, и долгое время антиутопия была недоступна русскоязычной публике. Позднее этот жанр снова получил возможность своего развития в русской литературе и неожиданное распространение. На сегодняшний день антиутопические произведения являются одними из самых привлекательных для современного читателя. Несмотря на наступившую популярность антиутопий, в литературоведении на нынешний момент наблюдается некоторая нехватка и разрозненность теоретического материала по их жанровой природе.

Общественно-политический взрыв конца 80-х годов XX в. в СССР дал новый виток развитию русской антиутопии. Тому способствовало новое восприятие общественностью тех событий, которые привели идею об утопии к краху. Полное несоответствие между идеалом и результатом восхождения к мечте оголило последствия всего революционного движения, частным последствием которого стал человек, разуверившийся в массовом счастье. Ярким событием того времени стало падение границ между культурами Союза и Запада. И в таком положении в русскую литературу входят небольшие рассказы антиутопической направленности. Некоторые исследователи обозначили их как «постутопии». Первейшее отличие постутопии от классической антиутопии находим уже в масштабе изображаемых событий. Эти рассказы эскапистского настроения вобрали в себя, однако, все черты канонической антиутопии, совместив их с реальным образом России 80–90-х годов. Это взаимодействие ясней всего прослеживается через ассоциации, воспоминания героев, темы и мотивы, отраженные в сюжетах. Продолжением канонического сюжета в постутопии является ирония, неожиданно совпавшая с иронией самого героя. Она становится сущностью героя, способом его существования и защиты от государства.

Прежде чем перейти к антиутопиям современного периода, хотелось бы уделить внимание одному рассказу, написанному некогда популярным писателем Е.Д.Зозулей, — «Об Аке и человечестве». Он был напечатан весной 1919 г. в первом и единственном номере журнала «Зори». «Рассказ об

Аке и человечестве» (впоследствии он неоднократно переиздавался) современный исследователь определяет как «сатирическую философскую сказку». С наименьшими основаниями, полагаю, «Рассказ об Аке...» можно определить как весьма мрачную антиутопию, впитавшую исторический опыт недавнего прошлого», — говорит Мирон Семенович Петровский [1].

В данном произведении Е.Д.Зозуля показывает нам некий город, ошарашенный новостью: Коллегия Высшей Решимости проводит проверку каждого жителя города на его право на жизнь. Как нам становится известно, эту Коллегию выбрали незадолго до происходящих событий сами жители. Председатель Коллегии — некий Ак, пользующийся авторитетом среди горожан. Вера в справедливость Ака дает людям надежду на то, что в процессе проверки комиссия будет не менее справедлива и щепетильна. Сама же суть проверки состоит в том, что каждого человека тестируют со всевозможных сторон: проверяют физиологические показатели, моральные качества, идеологические и иные пристрастия. По совокупности результатов горожанину сообщают, имеет ли он право на то, чтобы и дальше быть членом человеческого общества. Если же ответ дается отрицательный, то приговоренному жителю дается всего 24 часа на то, чтобы он добровольно ушел из жизни. Если же по каким-то причинам человек не желает или не может покинуть жизнь самостоятельно, ему в этом должны помочь друзья, близкие или же специальные вооруженные отряды.

Решение Коллегии о столь резком, жестоком и очень своеобразном способе сделать общество лучше очень пугает жителей. Каждый боится за себя и родных и искренне надеется, что его признают нужным человеком. Мгновенно всплывают в воспоминаниях людей различные эпизоды их жизни, когда они проявляли гуманизм, альтруизм, героические качества своего характера. За эти воспоминания люди цепляются как за спасательный круг, способный вытащить его из «политической мясорубки». Те же, кому вспомнить особо нечего, утешают себя осознанием того, что они сами выбрали Коллегию Высшей Решимости и теперь не имеют права роптать на ее членов за столь изощренные меры. «Но ведь мы же сами выбрали Коллегию Высшей Решимости. Мы сами дали ей высшие полномочия. ...

Мы сами виноваты. Но ведь мы хотели создать лучшую жизнь. Кто же знал, что Коллегия так просто и страшно подойдет к этому вопросу!» [2; 263].

Данная акция, призванная уничтожить всех ненужных людей, в конечном итоге показывает свою полную несостоятельность. Практически каждый из проверяемых Коллегией людей оказывается в той или иной степени бесполезен для общества, к которому они стремятся. Многочисленными актами об уничтожении очень быстро набивают специальный серый шкаф. Именно в этом шкафу находится Ака потерявшая его Коллегия. Ак сидит на бесчисленных актах и ужасается: «Я думаю о людях, а думать о людях плодотворно можно непосредственно на актах их уничтожения. Только сидя на документах уничтожения человека, можно изучать его чрезвычайно странную жизнь» [2; 267].

Постепенно Аку становится противен весь тот процесс, который он же и запустил. В результате Ак решительно меняет направление работы Коллегии, приказывая отныне постоянно справляться у людей об их благосостоянии, поздравлять жителей с тем, что они существуют, отмечать в рапортах данные о всех праздничных мероприятиях, проводимых повсеместно. Рапорты же эти будут храниться в специальном розовом шкафу.

Тонкая сатира Ефима Зозули содержится в том, как именно ведет себя само человеческое общество в такие сложные времена. Коллегия решила изъять из общества ненужных — люди недовольны, потому как каждый боится за свою жизнь и жизнь близких. Когда Коллегия прекращает эту работу, общество вдруг осознает, что в свое время очень много ненужных людей Коллегия оставила на свете, хотя стоило бы их уничтожить. Когда же Коллегия начинает работать в новом ключе, поздравляя каждого жителя с фактом его существования, горожане очень быстро привыкают и потому оказываются недовольными каждый раз, когда им, как кажется, Коллегия забыла вовремя выразить радость о том, что они живут.

Отвратительное поведение самих горожан, разбалованных новой, счастливой жизнью, приводит, в конечном счете, к тому, что Ак, ранее принявший такое решение и начитавшийся всевозможных радостных докладов из розового шкафа, выбегает из него с вновь появившимся желанием уничтожать человечество.

Почему же это произведение мы называем антиутопией? Да потому, что нашему вниманию предлагается попытка общества измениться в лучшую сторону. Но меры, принимаемые специальным политическим аппаратом, вдруг начинают идти вразрез с мнением людей о том, как должно строиться такое общество. Возникает типичный для антиутопического произведения конфликт Личности и Государства. Люди не желают подчиняться варварским методам Коллегии Высшей Решимости.

Новоизбранное руководство сразу же превращает в собственном сознании и сознании людей каждую человеческую особь в единицу общественного строя. Происходит «расчеловечивание людей» [3].

При этом интересно, что Зозуля не дает указания на то, где происходят события. Изменению подвергается некий абстрактный город. На протяжении всего рассказа мы не встретим ни единого указания на местоположение строящейся утопии. Однако, учитывая, что все события происходят внутри всего лишь одного города, возникает вопрос: почему же в названии Ефим Зозуля говорит, что произведение будет об Аке и человечестве? Не об Аке и жителях или об Аке и горожанах. На этом факте акцентирует внимание М.С.Петровский, который говорит нам, что «выбранное Зозулей слово расщепляется на глазах. Речь идет то ли о совокупности земных жителей, то ли о человечности, гуманизме, а скорей всего — и о том, и о другом вместе» [1].

Рассказ этот, не отличаясь особой детализацией показанной нам системы, при этом очень четко указывает на первейшие причины невозможности построить идеальное общество при общей «неидеальности» людей. Сложность в определении стоящих и нестоящих людей выявляется разнообразием личностного набора качеств каждого человека. Отсутствие природной унификации моральной и физической сторон человеческой особи приводит к проблемам при попытке унификации общества в целом. Вспоминая антиутопии Замятина и Хаксли, мы приходим к выводу, что построить идеальное общество можно, только сделав людей совершенно одинаковыми.

Стоит отметить, что рассказ Ефима Зозули вышел тогда, когда Евгений Замятин размышлял над собственной антиутопией «Мы», и произвел большое впечатление на автора будущей классической мировой антиутопии [4].

Одной же из первых русских антиутопий, написанных после замятинского романа «Мы» еще в 1960-е гг., стала повесть Юлия Даниэля «Говорит Москва». События произведения происходят, как нужно полагать, в Советском Союзе. Компания друзей, собравшись для совместного отдыха на даче одного из них, вдруг слышит по радио странное сообщение о том, что 10-е августа 1960 г. объявляется Днем открытых убийств. В течение всего этого дня любому гражданину, достигшему шестнадцатилетнего возраста, разрешается умерщвлять любых граждан, за исключением военных и милиционеров, а также работников транспорта во время их работы. Такое дикое сообщение не сразу укладывается в головах тех, кто его прослушал. Каждый ждет какого-либо разъяснения. Некоторые предполагают, что это происки политических врагов государства.

На следующий день в газете «Известия» появляется целая статья, посвященная Дню открытых убийств. Однако никакого пояснения люди так и не получают, а вся статья состоит, по сути своей, из всевозможных политических лозунгов и шаблонных выражений, активно используемых в советской публицистике. Так и не поняв сути этого нововведения, люди постепенно успокаиваются, надеясь, что ничего особенного в этот день происходить не будет, а раз милиция будет работать, то будет и порядок. Однако спокойствию отныне нет места. Люди становятся слишком заискивающе-вежливы со всеми своими знакомыми, видимо, таким образом пытаясь подкрепить свое положение и оградить себя от ужаса, который может настичь любого гражданина 10-го августа. Обстановка в целом начинает напоминать те же самые настроения, что появлялись в произведении Ефима Зозули. Каждый мысленно ищет способ оправдать свое право на существование и право общества на то, чтобы избавиться от ненужных его членов: «...народ в первую очередь сведет счеты с хулиганами, с тунеядцами, с отбросами общества...» [5; 34].

Весомым фактором становится то, что здесь нет, как в истории про Аку, специальной комиссии, которая решает, кто нужен, а кто нет. Роль такой комиссии должно выполнить само общество. За месяц до самого Дня открытых убийств должно стать ясно, кого нужно из общества исключить. Но каждый человек понимает смысл проведения этого «мероприятия» по-своему. «Одни, как отсидевший свое в лагерях сосед по квартире, видят в этом Указе признак расширения демократии, другие, как Володька Маргулис, объясняют все кознями антисемитов, третьи, как возлюбленная Карцева Зоя, пытаются извлечь из этой ситуации выгоду» [6; 36]. Ни один человек на самом деле не задумался о том, чтобы попытаться «исправить» общество, выдернув из него асоциальные или вредные ему элементы. Разве что один из друзей Карцева, Игорь, «на каком-то собрании у себя в академии высказался в том смысле, что 10 августа есть результат мудрой политики нашей партии, что Указ еще раз свидетельствует о развертывании творческой инициативы народных масс — ну, и так далее, в обычном духе» [5; 29].

Постепенное накручивание обстановки страха приводит к тому, что в сам день 10-го августа на улицах практически безлюдно. Не будучи уверенными, что какой-либо человек может признать вас

неудобным или неприятным для себя и убить, люди закрываются в собственных домах и даже комнатах.

Первые разговоры о том, как прошел День открытых убийств, в обществе слышали только через несколько месяцев. Ведь только тогда страх, нагнанный перед этим днем, наконец-то рассеивается в сознании людей. В любой беседе, шутке, смехе, выражении лица можно проследить тень только одного слова — «миновало!».

Виктор, главный герой произведения, все произошедшее воспринимает как яркое проявление одной из черт самого советского режима. Ему представляется, что разрешение безнаказанно убивать заложено в нем изначально. Легализацию убийства Виктор понимает как попытку сделать его обычным явлением. Таким образом, можно увидеть даже некую параллель с миром О.Хаксли, у которого смерть человека в принципе не является событием ужасающим или трагическим.

Следующее произведение, которое мы рассмотрим в нашей статье, — «Кролики и удавы» Фазиля Искандера. Это произведение различные исследователи трактуют по-разному: «повесть-притча», социально-философская фантастика, фантастическая сказка. Но, помимо всего этого, «Кролики и удавы» — несомненная антиутопия. Представленное в произведении общество по-своему идеально устроено. Нам представляют ареал обитания нескольких «социальных» групп. Сюда входят туземцы, удавы, кролики, обезьяны и некоторые другие виды животного мира (слоны, кроты, птицы и т.д.). Весь сюжет строится вокруг первых четырех групп. Кролики живут в своем, отдельном королевстве. Внутри королевство строго вертикально иерархично. На вершине стоит Король, который управляет жизнью кроликов. Самые близкие его придворные называются «Допущенными к столу». Ниже них стоят те, кто желают быть «Допущенными к столу». Вся остальная масса кроликов — простые обыватели, не стремящиеся к управляющей верхушке. Жизнь кроликов могла бы быть просто идеальной, если бы не удавы, также обитающие в тех джунглях. Удавы постоянно охотятся на кроликов с целью пропитания. Встречаясь с кроликами, удавы гипнотизируют их и затем поедают. Кролики, отвлеченные внешним врагом, совершенно не замечают, что Король, захвативший власть в их обществе, удерживает власть сугубо за счет обмана своих подданных. Основное средство управления кроликами — байки, рассказываемые Королем, о том, что где-то существует мифическая плантация с лабораториями, где их же друзья-кролики вместе с учеными-туземцами ставят опыты по выращиванию цветной капусты. Цветная капуста — недостижимый идеал кроликов. Единственно, что может постоянно спланировать их и держать в хорошем настроении. А пока нет желаемой цветной капусты, кролики поклоняются «святой троице»: морковь, фасоль и капуста. Эти основные продукты питания кролики получают, успешно воруя их у туземцев.

На одном идеологическом цветно-капустном обмане власть Короля не может держаться долго. Периодически возникают кролики, которые оказываются опасными для системы, установленной Королем. И тогда Король, посредством других кроликов, передает сведения о неугодных особях удавам. После чего удавы выслеживают преданного Королем кролика и поедают его.

Двумя этими средствами управления крепится все кроличье государство (сами кролики об этом не подозревают). «Король знал, что только при помощи надежды (цветная капуста) и страха (удавы) можно разумно управлять жизнью кроликов» [7; 61]. И вся «утопия» рушится тогда, когда один из кроликов — Задумавшийся — начинает понимать, что гипноз, который удавы используют для поимки кроликов, является всего лишь плодом трусливого воображения самих кроликов. «Теперь я твердо знаю: ваш гипноз — это наш страх. Наш страх — это ваш гипноз» [7; 45]. Король, недовольный чрезмерным вниманием кроликов к персоне Задумавшегося, решает обыкновенным способом устранить неугодного. Однако обман был раскрыт благодаря ученику Задумавшегося — Возжаждавшему, а также двум обезьянам, которые видели кролика-предателя, пропевшего песню с сообщением о том, где находится Задумавшийся, удавам. Несмотря на это обстоятельство, Королю удается управиться с кроликами и удержать власть в своих лапках. Однако повсеместно кролики начинают проверять предположение о том, что гипноз удавов — это всего лишь результат их страха, и опыты эти оказываются успешными. Удавы больше не страшны кроликам. Потеряв такой сильный инструмент управления, Король активно использует второй (мифическую цветную капусту). Но это не помогает, и его власть слабеет. Королевство кроликов близко к разрушению. Король видит, что назревает бунт.

Но, в конечном счете, один из удавов находит другое средство ловли кроликов и постепенно жизнь в джунглях возвращается на круги своя: удавы снова едят кроликов, кролики снова боятся удавов. После чего (вот ведь в чем основная загвоздка!) оба общества — и кроликов, и удавов — получают новый расцвет. И «хотя кролики и удавы в сказке Искандера вроде бы противопоставлены друг

другу, вся логика сюжета указывает на то, что палачи и жертвы образуют семейное единство, и жертвы нужны палачам в той же мере, в какой бывшие жертвы не могут выжить сами по себе, без страха перед палачами» [8].

Если отойти от восприятия этого произведения как сказки и вернуться к тому, что мы позиционируем его как антиутопию, необходимо найти элементы, которые явно укажут на правильность нашего восприятия.

Как и в ранее изученных произведениях, мы находим в «Кроliках и удавах» некую социально-политическую систему, которая для жителей этой самой системы представляется вполне приемлемой, даже подходящей. И если бы не противостояние отдельных кроликов установившемуся политическому строю, то, вероятно, ввиду спокойного принятия этой системы остальными кроliками, ее даже можно было бы назвать утопической. В произведении личности, противостоящие государству, представлены Задумавшимся и Возжаждавшим, которые стремятся найти выход из тирании удавов, но не могут помочь никак своим соплеменникам, так как тиранию удавов активно поддерживает их Король. Возникает уже встречаемый нами конфликт, выраженный через противостояние Личности (Возжаждавший) и Государства (Король, Допущенные к столу).

Общество, описанное у Искандера, подчиняется Королю, позиционирующему себя как отца всех крольчат (вспомним «1984» Оруэлла и образ Старшего Брата). Это же самое общество соблюдает определенную иерархию. Очень важным здесь является противостояние кроликов удавам. Если обратиться к Оруэллу и его роману «1984», то мы вспомним, что там одним из средств воздействия на людей и их сплочения является наличие внешнего врага, на которого перенаправляются весь страх и гнев жителей Океании. Внешний враг у Оруэлла — выдуманные войска Остазии и Евразии. В произведении Искандера враг вовсе не выдуман, а реально существует и даже вполне удобно взаимодействует с правящей верхушкой кроличьего Королевства. Между самими обществами кроликов и удавов также можно провести параллель. И там, и там имеется достаточно жесткий правитель. Разве что у Кроликов он действует скрыто, а у удавов — открыто. Всех, кто считается неудобным для их общества, обе системы отторгают. И, даже зная о довольно жестких и резких деяниях своих правителей, зная или догадываясь об их обмане, ни одно из этих обществ не стремится к тому, чтобы раскрыть суть системы и свергнуть правителя. Напротив, слушая речи Возжаждавшего о коварстве Короля, кролики ждут, жаждут (!), чтобы Король обманул их.

Очень интересными для нашего внимания являются: таблица размножения, установленная Королем, согласно которой кролики должны размножаться с такой скоростью и в таком количестве, чтобы покрывать количество кроликов, съеденных удавами, и даже быть немного впереди; специальная служба, суть которой состоит в том, чтобы постоянно следить за всеми кроliками без исключения и выявлять тех, кто мог бы построить заговор против Короля. «Держа в руках королевскую власть, Король кроликов с горечью убеждался, что все силы уходят на то, чтобы эту власть удержать. Для чего власть, думал Король иногда, если все силы уходят на то, чтобы ее удержать?» [7;129]. Похожие мысли мы встречали в романе Оруэлла «1984», где член внутренней партии О'Брайен прямо говорит читателю (обращаясь к Уинстону), что власть нужна только ради самой власти.

Тот же самый принцип легко усвоился персонажами произведения В.Войновича «Москва 2042». Главный герой, Виталий Карцев, отправляется в Москву 2042 г. для того, чтобы написать репортаж об этой поездке. По прибытии Карцев оказывается в Москорепа (Московской ордена Ленина Краснознаменной Коммунистической республике), стране подлинного и чистого коммунизма. Верхушка этого государства поставила в числе своих основателей и покровителей Иисуса Христа и некоего Гениалиссимуса. Карцев с удивлением изучает все изменения, произошедшие со страной за 60 лет, которые он перемахнул путешествием во времени. Изначально Виталий ловит на лету все особенности жизни в столь необычном государстве. Он хорошо сходится с правящей верхушкой, так как те самостоятельно активно пошли на контакт и даже, как оказалось, устраивают большой юбилей в честь своего любимого «предварительного писателя». Карцеву приходится познакомиться с такими явлениями Москорепа, как Управление естественных функций, Дворец любви, Бумлит, Безбумлит, Прекомпит и т.д. Он узнает, что нынешнее государство образовалось после некоей революции, учиненной Гениалиссимусом и его помощниками. Однако постепенно Виталий получает сведения о том, что Гениалиссимус, который стремился сделать жизнь людей лучше, сам оказался ненужным элементом системы. Люди, которых он поставил управлять новым государством, решили оставить его болтаться в воздухе в специальном агрегате, где он теперь постоянно живет. Фактически вычеркнутый из им же построенной системы, Гениалиссимус остается в Москорепа идолом, которому все поклоняются и

которого все любят. Уровень преклонения перед Гениалиссимусом стал настолько велик, что в сознании общества Гениалиссимус стал обожествляться. Это отразилось даже в речи москореповцев, которые активно используют восклицание «О, Гена!» (вероятно, сокращенное от «гениалиссимус») взамен всем известного «О, Боже!».

Жизнь в государстве пришла, в конечном счете, совершенно не к тому, о чем изначально мыслил Гениалиссимус. Равенство, которое изначально старался установить Гениалиссимус, на самом деле перешло в иерархичную систему, где твоё социальное положение определяется так называемым уровнем потребностей. Если ты сделал для государства что-то весомое, если ты соблюдаешь весь его уклад, если ты добропорядочный житель Москорепа — твой уровень потребностей становится выше. А это означает, что ты можешь получать продукты и товары лучшего качества и в большем объеме. Занятно то, что сами жители Москорепа искренне считают, что у них продолжает оставаться принцип всеобщего равенства.

Немного комичной и притом абсурдной становится реализованная идея обмена внутри государства продукта первичного на продукт вторичный, где первичным продуктом является еда, а вторичным — отходы жизнедеятельности человека. Только сдав продукт вторичный, ты получаешь талон на право получения первичного. Учитывая порядок действия этой системы, наблюдается подмена идеалов, когда вторичный продукт становится первичным, а вторичный — первичным. И данный факт изначально совершенно не укладывается в сознании главного героя и заставляет его дискутировать с обыкновенными представителями этой системы.

Интересен тот факт, что в управлении страной участвуют две политические организации: Коммунистическая партия государственной безопасности и так называемая БЕЗО. Наличие двух групп, которые, исходя из названия, должны заниматься безопасностью государства, также ставят Виталия в тупик. Позднее от одного из героев он узнает, что вся служба БЕЗО состоит сплошь из иностранных агентов, которые только и жаждут, чтобы строй Москорепа развалился.

Очень ярким моментом иллюстрации своеобразия системы в произведении является знакомство Карцева с местами, где создаются всевозможные художественные и агитационные произведения (зачастую они совмещают в себе одно и то же). Писательское общество разделяется на два вида: Бумлит и Безбумлит. В Бумлите признанные идеологически правильными и талантливыми писатели создают коллективно различные произведения о Гениалиссимусе. Писатели Москорепа искренне удивляются, как Карцев мог писать свои произведения самостоятельно, но, вспомнив, как его произведения не соотносятся идеологически с их строем, мгновенно приобретают понимание правильности коллективного написания текстов.

Безбумлит — еще более интересная организация. Весь ее строй направлен на то, чтобы многое количество разнообразных писателей, работая каждый день на компьютере, создавали произведения различного типа и характера. Всё их творчество попадает на обработку в специальный компьютер, способный обрабатывать эту информацию и отбирать самые лучшие произведения. Однако на деле оказывается, что компьютера как такового вообще в Безбумлите не существует, и писатели, старательно выводящие свои мысли посредством печати их на клавиатуре, тратят время впустую.

Жители Москорепа, при этом, кажутся вполне довольными созданными условиями проживания и ни к чему не разрешенному государством не стремятся. И главный герой вполне вписывается в систему до того момента, когда «неожиданно для себя оказывается действующим лицом и организатором новой революции» [6; 128]. Как оказалось, существует незаконная организация так называемых симитов, которые, следуя идеологии писателя Сима Симыча Карнавалова, желают низвергнуть существующий политический строй.

Интересен способ борьбы государства с симитами. Не имея возможности как-то открыто противостоять им, государство, увидев, что некоторые люди очень часто употребляют слова, содержащие слово «сим», запрещают использование всех этих слов. Но общество находит новый способ подорвать уверенность государственных работников в их устойчивости, переделывая иные слова так, чтобы в нем появлялось сим. Так, например, семантика стала СИМантикой.

Поддерживая традиции классических антиутопий, Войнович использует в созданной им системе регуляцию межполовых отношений и управление институтом семьи. Каждый брак заключается лишь на 4 года. Установлен возраст, с которого мужчины и женщины могут вступать в брак и с которого им это запрещается («В брак разрешается вступать мужчинам с 24 лет, а женщинам с 21 года... По истечении продуктивного возраста (у женщин 45, у мужчин 50 лет) браки автоматически расторгают-

ся» [9; 208]). Если же мужчина и женщина хотят быть вместе более того срока, который дает им государственное устройство, то им приходится идти вне системы и встречаться незаконно, где придется.

Кстати, гениальной особенностью этой системы является отсутствие в Москорепе больных и смерти как таковой. И здесь, в отличие от Хаксли, который дает возможность своим персонажам продлевать жизнь и молодость с помощью медицины, Войнович просто высылает людей умирать в первый круг враждебности. Оставляя, таким образом, внутри Москорепа просто идеальную статистику по здоровью и благосостоянию людей.

Рассматривая классические антиутопии, мы отметили, что среди них есть те, в которых утопическая система дается в уже готовом виде, а есть те, где она только строится. В рассказе «Об Аке и человечестве» мы видим некий этап становления их государственной системы. Однако проследить весь путь, как в «Скотном дворе» Оруэлла, нельзя.

Произведение Анатолия Николаевича Курчаткина не только дает нам возможность посмотреть еще раз, как может быть построена утопия, но и показывает, как легко она может быть разрушена. И это произведение — повесть «Записки экстремиста».

Первоначально в произведении мы узнаем о каком-то городе, где наблюдается катастрофическая ситуация с общественным транспортом: его мало, он очень старый, а людей очень много, и всем куда-то нужно ехать.

Молодой парень, только что вернувшийся из армии, читает заметку в газете о том, что в его городе планируется построить метро. Однако никаких реальных свидетельств начала строительства нет. Однажды, став свидетелем гибели под колесами трамвая пожилого мужчины, парень решает, что настало время требовать от городских властей решительных шагов в предоставлении нового вида общественного транспорта. После этого герой Курчаткина выходит на митинг, где видит, неожиданно для себя, таких же равнодушных. Митинг разогнали власти. Во время другого, более масштабного митинга парень встречает человека, с которым позднее он и многие другие начнут строительство метро в городе самостоятельно. Вопреки желанию властей, которые учиняют всевозможные препятствия добровольцам, так называемое «Вольтово братство» продолжает строить метро. Когда же тяжбы с властями становятся непосильными, герои принимают решение уйти под землю, продолжив строительство метро, и организовать полностью автономное от земной жизни общество. Таким образом, начинается история развития нового общества, практически государства, которое за время постройки метро все развивалось и развивалось. Строились подземные производства, больницы, школы. Поколения начинали сменять друг друга (за все время постройки метро под землей успели прожить три поколения). И все люди, что некогда ушли под землю, и их подрастающие дети и внуки сделали постройку того самого, невероятно нужного городу метро единственным смыслом своего существования. Эта идея направляет и приободряет каждого жителя подземного города в их труде. Но в какой-то момент настает критический перелом, когда оказывается, что общество перестало существовать само для себя. И не идея теперь нужна им, а они — идее. Идея о метро — Дело — стала не просто светлой мечтой, а новой доктриной, пропагандируемой среди народа теми, кто постепенно совершает захват власти и практически организует тоталитарное общество. Теперь все, что происходит под землей, — только ради идеи. Люди будут работать и гибнуть на благо идеи. Главный герой, который в свое время получил в «Вольтовом братстве» прозвище Философ, оказывается вынужден стать палачом для собственного друга. А другу приходится умереть, чтобы поддержать идею о важности Дела. Энтузиазм строителей метро падает, и, чтобы «поддержать» их, новоустановившийся лидер — Рослый устраивает публичную казнь Магистра. «Большое дело только на крови крепко стоит! Кровь — как известь в кладке! Кровь виной связывает! А пуще вины нет ничего, такими нас господь создал: без вины все из хомута норовим, а с виной и тройной воз — пушинка!» [10; 61]. Так поясняет Рослый свои действия.

Апогеем этой истории становится ситуация, развернувшаяся после окончания строительства метро. Итак, метро готово, строители, гордые своим творением, желают наконец подарить свой труд городу. Но, выйдя на поверхность, обнаруживают, что метро, которое они строили, оказывается никому не нужно: за время, пока они были под землей, на земле появился совершенно новый вид транспорта, работающего за счет преодоления силы гравитации, дающей возможность специальным вагончикам буквально парить в воздухе. Часть их общества, разочарованная и морально убитая таким исходом, закрывается снова в подземном своем мире и совершает массовое самоубийство.

Главный герой, Философ, остается жив. Он вынужден теперь жить в обществе, ради которого он потратил свою жизнь и которому его жертва оказалась не нужна. Интересным является то, что все

повествование, ведущееся от его лица, Курчаткиным названо «Записки экстремиста». И это, по сути, второе имя героя вполне ему соответствует. Его действительно можно считать экстремистом, человеком, способным идти на экстраординарные меры для осуществления своих идей. Получается опасное сочетание философии, дело которой объяснять мир, а не изменять его, выдвигать теории мироустройства, и экстремизма, проповедующего крайние меры для воплощения этих теорий в жизнь. Это сочетание опасно потому, что утопические теории жизни, получая прямое отражение в социальной практике, неизбежно вступают в противоречие с мироустройством и природой человека.

Если в ранее проанализированных текстах антиутопических произведений мы чаще всего сталкивались с прямой подачей конфликта, образующегося между Личностью и Государством, то в произведениях В.С.Маканина «Лаз» и «Последний лагерь» мы видим несколько иную, скрытую форму подачи того же противостояния.

В первом из них, под названием «Лаз», мы встречаемся с неким Ключаревым: интеллигентом, живущим в полуразрушенном, полузаброшенном городе. Причины такого плачевного состояния города в произведении не раскрываются. Однако условия, в которых живут Ключарев с семьей и две дружественные ему семьи, просто ужасны. Магазины и иные общественные места не работают. Транспорт также ходит нерегулярно и только поближе к центру города. Достать самые необходимые для поддержания жизненных потребностей продукты практически невозможно. Чтобы все же обзавестись хотя бы минимумом нужных вещей, Ключарев регулярно спускается по лазу, спрятанному в траве, под землю, в какой-то город, который был организован, вероятнее всего, в связи все с той же, неизвестной нам, катастрофой. Лаз ведет непосредственно в небольшой паб, где постоянно собираются побеседовать и отдохнуть различные интеллигенты. А из этого паба Ключарев выходит в сам город, где и запасается всем необходимым.

В этой повести мы не увидим явного противостояния Личности и Государства, как в ранее рассмотренных нами произведениях. Но имеет место противостояние отдельного человека и толпы. Это противостояние в «Лазе» становится настолько весомым, что от него буквально зависит жизнь. Толпа действует как одно большое, ужасающее существо. Она живет по какому-то дикому закону всеобщего единения, готова сметать все на своем пути и даже не заметит, если в ее пучине погибнет отдельная личность. Немыслимым водоворотом людей толпа сначала захлестнет эту личность, а потом, изможденную, выкинет на обочину. «Толпа у Маканина — лишенная сознания стихия. Она поглощает отдельных людей, чтобы стащить их по эволюционной лестнице обратно — в стаю, в стадо, в муравейник, в пчелиный рой. Она узурпирует свободу каждого, заменяя ее произволом всех. Толпа у Маканина всегда хуже людей», — отмечает А.Генис [11].

И несмотря на то, что в самом произведении не открывается тайна возникновения толпы, не говорится, почему толпа появляется в темное время суток, Маканину удается передать самое основное — стихийность, сплоченность и безжалостность этого людского образования. Если в романе «Мы» Замятина нумер Д-503 рад быть частью толпы, говоря с восхищением о себе и согражданах: «мы идем — одно миллионноголовое тело, и в каждом из нас — та смиренная радость, какою, вероятно, живут молекулы, атомы, фагоциты» [12; 156], то для Ключарева толпа — это страшный кошмар его полуразрушенной реальности.

«Слышен не существующий почти топот тысяч ног на улице, шарах-шарах-шарах... Боясь, что... набегут и затопчут... в воздухе возникает шероховатый плывущий звук... Они будут давить все подряд... Уже слышно тысячагоное шарканье по асфальту и смутный гул... толпа густеет, их начинает сминать, тащить. Лица толпы жестоки, угрюмы. Монолита нет — внутри себя толпа разная, и все же это толпа, с ее непредсказуемой готовностью, с ее повышенной внушаемостью [13; 334].

Удивительно также то, что не только в думах Ключарева толпа предстает как легкодоступное для внушения общество. Даже сидящие в подземельных пабах интеллигенты, размышляя о том, как восстановить порядок в своем мире, приходят к мнению, что объединение людей страшно само по себе. Единый народ рано или поздно подчинится какому-то единому порыву, и тогда ничто не сможет остаться в стороне. Даже полиция или войска, призванные на успокоение народа, также подчинятся инстинкту толпы и «они непременно запоздают. Они стопроцентно запоздают, потому что они и толпа — одно общее...» [13; 347]. Сами по себе разговоры интеллигенции о возможных действиях войск, а также замеченные Ключаревым на улицах милицейские патрули наводят на мысль, что государственный аппарат, если и не продолжает работу на нужном уровне, то, как минимум, все еще существует. Отсюда можно сделать вывод, что государство, по каким-то причинам, попускает грабе-

жи, разгул, стихийную организацию массовых шествий. Таким путем, через образ толпы, нам все же дают указание на противостояние Личности и Государства.

Невозможно оставить без внимания явное противопоставление двух миров — наземного и подземного. Различные критики и исследователи творчества Маканина по-разному трактуют их назначение. Одни считают, что это отсылка к состоянию России 90-х годов и заграницы, где первая шокирует своей «разрухой», пустыми прилавками, страхом людей перед будущим, а вторая — манит достатком и стабильностью [14]. По мнению других, наземный мир представляет собой реализацию интеллигентского ада, а подземный — интеллигентского рая. Наверху у Ключарева семья, бедность, заботы о мелких бытовых вещах, толпа.... Внизу — уютные столики, за которыми собираются умные и образованные люди, рассуждают на высокие темы, пьют вино и вкусно едят [15]. Но, как бы не было велико искушение остаться внизу, Ключарев, протискиваясь в лаз, постоянно возвращается обратно.

Сложно однозначно сказать, что именно показывает нам автор через образ этого самого лаза. Почему герой, страдая каждый раз, пролезая в него в одну сторону и позже выбираясь обратно, все же делает эту двустороннюю вылазку? Он постоянно возвращается к тому страшному миру, в котором ему приходится обитать. Он ищет пути временного спасения и проживания для близких. Вероятно, ответ можно найти в образе того мужчины, который, увидев на улице случайно уснувшего Ключарева с кулками нужных вещей, будит его, потому что «нельзя спать на улице, это опасно». И он не обворовывает его, как стало принято уже в их мире. Просто будит.

Этот герой дает нам понимание того, что люди из наземного мира еще не разложились морально до того уровня, чтобы не иметь пути к социально-психологическому перерождению. Появляется надежда, что толпа все еще способна разбиться на ранее существовавшие личности, все еще способна понимать и сострадать.

Тема сострадания (или его отсутствия?) полностью пронизывает другое произведение Маканина — «Последний лагерь». Здесь мы видим мир 2200 г. В этом мире уже давно не осталось войн, установилось доверие между людьми и концернами. Разве что на производствах синтезированного из белка мяса соблюдается излишняя, по мнению главного героя, секретность.

Главным героем является молодой инженер, разработавший специальный узел, который должен быть добавлен на конвейер переработки мяса. Его отправляют на предприятие, расположенное далеко в степях, с тем чтобы он лично проконтролировал процесс установки разработанного им узла и эффективность его работы. Желая провести доскональную проверку работы узла, «молодой командированный» [16; 209] требует от начальства завода пропустить его на все уровни производства. Проследив процесс получения мяса, мужчина осознает, что все это время его и остальных людей обманывали. Мясо не является результатом работы специальных лабораторий. Оно, как и прежде, получается в результате забоя животных и их разделки. Но эту информацию командированному придется держать в себе, так как умные управляющие предприятием дали ему на подписание бумагу, согласно которой он не может разглашать все, что увидит, а в случае разглашения официально будет признан невменяемым. И вот мужчина остается с этим ужасным знанием, абсолютно не способный справиться с его тяжестью. Первоначальное желание сбежать из этого места перебивается мыслью о том, что он не будет способен спокойно жить в обществе, где люди постоянно едят якобы синтетическое мясо, поедая при этом части некогда живых организмов. Однако молодой командированный все же решается на попытку бегства. Надеясь, что его сможет подобрать пролетающий мимо вертолет, герой уходит в степь, чтобы зажечь там сигнальный костер. С каждой своей вылазкой он обнаруживает все больше таких же, как он, людей, разжигающих костры. И даже те, кто, как ему казалось, спокойно переносят осознание того, что людям во всем мире приходится есть убитых животных, также держатся за надежду быть подобранными рейсовым вертолетом и унесенными из этого замкнутого в степи, ужасного мира скотобойни.

Очень важным фактором создания антиутопической атмосферы в этом произведении является само сознание людей, представленное автором. Да, им жаль животных. Но, существуя в мире, где правит один большой обман, они готовы подчиниться ему и продолжать жить так, словно и сами верят в рассказы о том, что все мясо, пригодное в пищу, синтезировано. Более того, главный герой постепенно в своих размышлениях доходит до осознания того факта, что и люди, явно не знающие об обмане, все же догадываются о нем, но предпочитают молчать.

Произведение Татьяны Толстой «Кысь» является, пожалуй, одной из самых обсуждаемых и притягивающих внимание антиутопий. В этом произведении Толстая показывает нам мир после какого-то Взрыва, который, как говорила матушка главного героя, произошел оттого, что «люди играли и

доигрались с АРУЖЫЕМ» [17; 17]. Весь мир, представленный Татьяной Толстой, заключается в постапокалиптическом городе Федор-Кузьмичске («... а до того, говорит матушка, звался Иван-Порфирычск, а еще до того — Сергей-Сергеичск, а прежде имя ему было Южные Склады, а совсем прежде — Москва» [17; 18]) и видится нами через восприятие Бенедикта, одного из жителей этого города. Как и все остальные жители, Бенедикт очень доволен жизнью в этом городе. Все восклицания Пржежных о том, что ранее было лучше, совершенно не трогают его. То, что рассказывают Пржежные о магазинах, достатке, красивых улицах, домах, о культуре, — все в представлении Бенедикта выглядит бредово и несурезно. Разве может быть что-то лучше его мира, где обычная домовая мышь является средством купли-продажи необходимых вещей, а также и главным ингредиентом практически всех блюд. Бенедикт доволен властью Федора Кузьмича, «Набольшего Мурзы», который управляет городом с помощью меньших управителей. Федор Кузьмич находится «в непрестанной о людях заботе», пишет множество стихотворений, сказок, басен, рисует для своего народа различные картины (по факту же, нагло приписывает себе творчество всех известных писателей и художников, существовавших до Взрыва). Так же, как и в произведениях Оруэлла и Войновича, Федор Кузьмич предстает своего рода идиолом, которому все поклоняются. Его любят, его восхваляют, ему выражают благодарность за то, что он управляет ими, такими глупыми и самостоятельно ни на что неспособными. Общество, в котором обитает Бенедикт, строится вертикально иерархично. Во главе всех идет Набольший мурза, потом Меньшие мурзы, а затем уж остальные жители. В зависимости от занимаемого поста определяется и достаток жителей города. Помимо всего этого, существуют специальные санитары, которые изымают у людей старопечатные книги и отправляют «голубчиков» (именно так на протяжении всего повествования называет людей Бенедикт) на излечение. Став зятем Главного санитаря, Бенедикт получает неожиданно для себя доступ к целой библиотеке старопечатных книг. Открыв глубину книжного слова (художественное здесь не будет подходящим, так как Бенедикт зачитывался и научной литературой, и публицистической), Бенедикт переводит сам смысл своего существования в постоянное чтение все большего количества книг и журналов. Когда же книги в его библиотеке заканчиваются, Бенедикту ничего не остается, как стать одним из санитаров и начинать теперь изымать книги у дуралеев, которые, не зная, какое богатство у них содержится, могут пускать книги на свои нужды в уборных или закрывать книгами вместо крышек посуду.

Но всех людей проверить невозможно. И вдруг Бенедикт осознает, что у Федора Кузьмича в его доме должно содержаться огромное количество книг: откуда-то же он воровал «свои» сочинения? (Да, да, постепенно и к пониманию этого пришел Бенедикт.) Воспользовавшись тягой Бенедикта к книгам, его тесть устраивает с помощью своего зятя государственный переворот и захватывает власть в городе, который отныне будет именоваться Кудеяр-Кудеярычск (по имени нового правителя). Бенедикт, управляемый Кудеяром через доступ к книгам, даже оказывается вынужден участвовать в казни своего старого знакомого, друга его матери, главного истопника Никиты Иваныча (вспомним Философа, который тоже участвовал в казни друга).

За время тех событий, что описаны в произведении Толстой, Бенедикт сменяет свое мировоззрение с человека, полностью довольного системой, в которой живет, до человека, который готов свергнуть эту систему, лишь бы получить еще одну книгу.

Знаменательно, что весь город, оставшийся после Взрыва, живет где-то на уровне полудикого славянского общества. Или, как говорит Мария Ремизова, «изображена цивилизация дикарей в узнаваемо русских декорациях» [18].

Проанализировав произведения современных авторов-антиутопистов, можно сказать, что все признаки жанра антиутопии, заложенные в классических произведениях этого жанра, также прослеживаются и в текстах более современного периода.

Установленные нами признаки, такие как: наличие антиутопического конфликта, строго определенный социальный строй, наличие всевозможных методов воздействия на человека и общества, — не только находят свое подтверждение в современных антиутопиях, но и расширяют их. Например, две противоборствующие стороны антиутопического конфликта могут иметь дополнительные характеристики, которые прослеживаются в различных антиутопиях. Методы воздействия на людей группируются по общности уровня, на котором работают, и они также прослеживаются в ряде антиутопий.

Список литературы

- 1 Петровский М. Смех под знаком Апокалипсиса (М.Булгаков и «Сатирикон») // Вопросы литературы. — 1991. — № 5. — С. 3–75.
- 2 Русская антиутопия: Антология. — М.: Б.С.Г.-Пресс, 2014. — 636 с.
- 3 Муратханов В. Кровь и чернила антиутопии // Октябрь. — 2012. — № 5. — С. 189–191.
- 4 Голубовский Е.М. Много званных, но мало избранных // Зозуля Е.Д. Мастерская человека. — [ЭР]. Режим доступа: <http://ruslit.traumlibrary.net>.
- 5 Даниэль Ю.М. Говорит Москва: Проза, поэзия, переводы. — М.: Моск. рабочий, 1991. — 318 с.
- 6 Черняк М.А. Современная русская литература. — СПб.: САГА, 2004. — 352 с.
- 7 Искандер Ф. Кролики и удавы. — М.: Изд. дом Текст, 1992. — 400 с.
- 8 Липовецкий М. Знаменитое чегемское лукавство. Странная идиллия Фазиля Искандера // Континент. — 2000. — № 103. — [ЭР]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2000/103>
- 9 Войнович В. Москва 2042. — М.: Эксмо, 2007. — 384 с.
- 10 Курчаткин А. Записки экстремиста // Кабаков А. Невозвращенец. — М.: Мол. гвардия, 1990. — 160 с.
- 11 Генис А. Иван Петрович умер. — М.: Новое литературное обозрение, 1999. — 336 с.
- 12 Замятин Е.И. Мы. — М.: Азбука, 2006. — 224 с.
- 13 Маканин В. Лаз. — М.: Эксмо, 2009. — 448 с.
- 14 Немзер А. Замечательное десятилетие. О русской прозе 90-х годов // Новый мир. — 2000. — № 1. — [ЭР]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/1/nemzer.html
- 15 Володихин Д. Место встречи... Фантастика и литература основного потока: конвергенция? // Знамя. — 2005. — № 12. — [ЭР]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2005/12/volo10.html>
- 16 Маканин В. На первом дыхании. — М.: Вагриус, 2004. — 256 с.
- 17 Толстая Т. Кысь. — М.: Эксмо, 2007. — 414 с.
- 18 Ремизова М. Grandes dames прошедшего сезона. Заметки о литературных премиях // Континент. — 2011. — № 150. — [ЭР]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2011/150/r12.html>

Л.Р. Шевлякова, В.В. Мещерякова

Қазіргі қиялға қарсы жанрдың герменевтикасы

Мақалада теориялық жұмыстар негізінде бірінші қорқынышты оқиғалар жиынтығынан жанрдың жаңа даму үстіндегі 1960–2000 жж. қиял шығармаларына дейін жан-жақты талдау жасалған. Авторлар қиял қалыптасуының ерекшелігін, қоғам құрылымын және тұлғаға ықпал етудің сипатын зерттеген. Сондай-ақ қиялдың жанрлық факультативті және конституциялық қасиеттері аясында қиялға және қиялға қарсы шығармалар салғастырмалы түрде берілген.

L.R. Shevlyakova, V.V. Meshcheryakova

Hermeneutics of genre of modern antiutopia

The authors of the article, leaning against theoretical works, conduct the deep analysis of texts of antiutopias from the first antiutopian works to the works created on the new coil of development of genre in 1960 are 2000-th. The detailed consideration the specific of antiutopian conflict, type of public device and character of total pressure, is exposed to on personality etc. Interesting is a comparable analysis of utopia and antiutopia, selection on this background of constitutive and optional genre signs of antiutopia. Authors offer own interpretation of display of genre signs on the example of great number of works of Russian and world literature, showing possession the same basic principles of hermeneutics is interpretation and interpretation of text taking into account consciousness of perceiving work personality.

References

- 1 Petrovsky M. *Questions of literature*, 1991, 5, p. 3–75.
- 2 *Russian antiutopia: Anthology*, Moscow: B.S.G.-Press, 2014, 636 p.
- 3 Muratkhanov V. *October*, 2012, 5, p. 189–191.
- 4 Golubovskiy E.M. *Much invited, but small select*. [ER]. Access mode: <http://ruslit.traumlibrary.net>.
- 5 Daniel Yu.M. *Moscow talks*, Moscow: Moscovskiy rabochiy, 1991, 318 p.

- 6 Chernyak M.A. *Modern Russian literature. Train aid*, Sankt-Peterburg: SAGA, 2004, 352 p.
- 7 Iskander F. *Rabbit and boas*, Moscow: Text, 1992, 400 p.
- 8 Lipovetskiy M. *Continent*, 2011, 150, [ER]. Access mode: <http://magazines.russ.ru/continent/2000/103>.
- 9 Voynovich W. *Moscow 2042*, Moscow: Eksmo, 2007, 384 p.
- 10 Kurshatkin A. *Messages of extremist*. Kabakov A. Nevozvrashchenets, Moscow: Molodaya gvardiya, 1990, 160 p.
- 11 Genis A. *Ivan Petrovich died*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1999, 336 p.
- 12 Zamyatin E.I. *We*, Moscow: Azbuka, 2006, 224 p.
- 13 Makanin V. *Manhole*, Moscow: Eksmo, 2009, 448 p.
- 14 Nemzer A. *Novyi mir*, 2000, 1, [ER]. Access mode: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/1/nemzer.html.
- 15 Volodikhin D. *Znanya*. 2005, 12, [ER]. Access mode: <http://magazines.russ.ru/znania/2005/12/volo10.html>.
- 16 Makanin V. *On the first breathing*. Moscow: Vagrius, 2004, 256 p.
- 17 Tolstaya T. *Kys*, Moscow: Eksmo, 2007, 414 p.
- 18 Remyizova M. *Continent*, 2011, 150, [ER]. Access mode: <http://magazines.russ.ru/continent/2011/150/r12.html>.

Л.Р. Шевлякова, Е.С. Мухина

*Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова
(E-mail: lubovsh2@gmail.com)*

Сюжетные трансформации в современном детективе

В статье рассмотрены проблема жанровой природы художественного произведения и процесс трансформации жанрового канона в современном детективе. Авторами статьи обозначено и прослежено жанровое многообразие текстов Б.Акунина. Дан подробный анализ жанровых трансформаций на сюжетном уровне.

Ключевые слова: детектив, жанровая трансформация, жанровый канон, размытие жанровых границ, психологический триллер, эзотерика, замкнутый детектив, шпионский детектив, любовная линия.

Детектив в чистом виде — это явление редкое в современном литературном пространстве. Чаще всего современный детектив соприкасается с такими литературными жанрами, как любовный роман, триллер, исторический роман и т.д. Этот синтез придает произведению оригинальность и приводит к его неизбежной трансформации, так как говорить о жанре детектива в чистом виде не представляется возможным.

Существуют особые черты, штампы и особенности детективных романов, по которым мы узнаем, что это и есть детектив. Все эти штампы были придуманы и описаны в рамках жанра классического детектива, который начинал свое существование в XIX в.: узнать преступника по пеплу из его сигарет, выследить убийцу по свежим следам на земле, понять, что преступник не чужак, если собака при виде него не залаяла, и тому подобные умозаключения гениальных сыщиков из классических романов.

Исследователь С.Ван Дайн создает в 1928 г. свод правил, по которым должен быть написан классический детектив [1]. Какое-либо отступление от правил является трансформацией и преломлением жанра, и, исходя из этого, такой детектив нельзя назвать классическим. На сегодняшний день классический детектив не присутствует в литературном пространстве в первоначальном виде. В современной литературе происходит синтез различных жанровых модификаций с детективом, с целью создания успешной истории. Как писал М.М.Бахтин, жанровые изменения — это «не столько развитие жанров, сколько использование существующих жанровых моделей в литературе в соответствии с той или иной авторской концепцией» [2; 196].

Детективный жанр существует на грани массовой и элитарной литературы. Стоит отметить, что детектив не относится к числу жанров высокой литературы, но может тяготеть к элитарной литературе. В зависимости от того, к какому направлению тяготеет автор, мы можем проследить чистоту жанра. В современном литературном пространстве происходит популяризация жанра. Это приводит к тому, что детектив все чаще называют литературой массового характера, из-за чего многие критики перестали воспринимать данный жанр всерьез. Но еще Гилберт Честертон писал, что «те критики, которые пишут о том, что массовая литература не может быть хорошей, — ошибаются» [3; 43]. Определение жанровой природы детективного романа являет собой большую сложность, так как нет единой классификации, опираясь на которую можно утверждать, что это детективный роман. Данное исследование проводится на основе классификаций и признаков, свойственных классической детективной истории [4].

Самый известный герой классических детективных историй Шерлок Холмс был одним из таких сыщиков. Он мог вычислить преступника по пеплу, который тот случайно оставил на месте преступления: «Я написал несколько небольших работ. Одна из них под названием «Определение сортов табака по пеплу» описывает сто сорок сортов сигарного, сигаретного и трубачного табака. К ней приложены цветные фотографии, показывающие разные виды пепла. Табачный пепел — одна из самых частых улики. Иногда очень важная. Если, например, вы можете точно сказать, что человек, совершивший убийство, курит индийский табак, то круг поисков, естественно, сужается. Для опытного глаза разница между черным пеплом трихинопольского табака и белыми хлопьями «птичьего глаза» так же велика, как между картошкой и капустой» [5; 62].

Такие умения придают уникальность герою, делают оригинальным и нетривиальным, чтобы его невозможно было спутать ни с кем. Личные качества сыщиков — это их визитная карточка, они должны быть необычными и запоминающимися, чтобы читатель мог узнать его. Эта особенность повествования в произведениях детективного жанра не подвергается трансформации, так как личность героя, который раскрывает преступления, вызывает особый читательский интерес и внимание. Герой каждого детективного романа должен быть личностью с большой буквы и не быть похожим ни на кого.

С.Ван Дайн в своих «Двадцати правилах для написания детективных романов» отмечал, что «в детективном романе должен быть детектив, а детектив только тогда детектив, когда он выслеживает и расследует» [1]. В российской литературе существует свой детектив, который выслеживает и расследует Эраст Петрович Фандорин. Жанр детектива после почти двух веков трансформаций и изменений приходит к российской публике в лице этого персонажа, который сочетает в себе ум и невероятную самоотверженность. Акунин создал образ смелого и честолюбивого героя, который невероятно хорош в бою, владеет японским языком и никогда не проигрывает в азартные игры. Здесь и происходит одна из трансформаций жанра, так как последняя особенность, характеризующаяся необыкновенным везением, никак не относится к разуму персонажа, а скорее относится к жанру фантастики, образуя слияние этих двух жанров.

Акунин совершает размытие жанровых границ, сочетая несочетаемые любовные приключения и детективные истории, придерживаясь при этом некоторых правил для написания классического детектива. В прозе детективного жанра одним из самых главных правил считается то, что в книге должен присутствовать мертвец, возможно несколько мертвецов и описание их убийств, и все это должно быть пропитано невероятным реализмом. Каноническим именно по этим аспектам среди произведений Акунина можно выделить повесть «Декоратор». События повести разворачиваются на фоне происходящих в Москве серийных убийств, почерк которых напоминает стиль печально известного убийцы Джека Потрошителя [6]. Акунин здесь не протестует против канонического правила описывать все убийства подробно, без прикрас и подробно описывает все происходящее, но глазами убийцы. Автор рассказывает нам об убийствах не от третьего лица и не посредством какого-то свидетеля, а словами самого убийцы. Как происходит убийство, какая обстановка вокруг и все остальные подробности мы узнаем из мыслей маньяка. Такой прием в описании преступлений используется редко, и чаще уже после того, как мы узнаем имя самого убийцы.

Соблюдая один канон, Акунин трансформирует жанр посредством описания убийства словами преступника. Ни в одном романе не встретим мы такого подробного описания мотивов для убийства. К примеру, девушки легкого поведения вызывают у него отвращение, и, убивая, он открывает их внутреннюю красоту, в буквальном смысле этого слова. Понимание человеческой красоты для убийцы извращено, о чем подробно повествует Акунин, через описание расправы над невинными. Психологический аспект в романе превалирует именно в тех местах, где мы можем прочесть о преступлениях глазами убийцы. Все описанное настолько детально и поражает своей жестокостью, что касаясь этого аспекта Акунин перебарщивает с реализмом на страницах романа. Мысли маньяка заставляют не раз содрогнуться и остановиться, так как такие сцены невозможно прочесть на одном дыхании. «Взмах скальпеля, и я отворяю ее душе двери свободы. Освобождение не дается без мук, это как роды. Той, кого я сейчас люблю всем сердцем, очень больно, она хрипит и грызет кляп, а я глажу ее по голове и утешаю «Потерпи». Руки споро и чисто делают свое дело. Свет мне не нужен, мои глаза видят ночью не хуже, чем днем. Я раскрываю оскверненную, грязную оболочку тела, душа возлюбленной сестры моей взмывает вверх, я же замираю в благоговении перед совершенством божественного механизма. Когда я с ласковой улыбкой подношу к лицу горячий колобок сердца, оно еще трепещет, еще бьется пойманной золотой рыбкой, и я нежно целую чудесную рыбку в распахнутые губы аорты» [6; 18].

На страницах романа мы можем заметить классическую историю для многих детективных романов, когда детектив вычисляет преступника потому, что собака, которая охраняет дом, не залаяла. Из этого следует, что преступником был тот человек, которого она знала. Именно этот факт стал решающим в том случае, когда Фандорин предъявил обвинение маньяку Соцкому. «После убийств в Гранатном переулке вы вернулись на кладбище и увидели Тюльпанова, следящего за флигелем. Сторожевой пес на вас не залаял, он вас хорошо знает» [6; 200]. Похожие приемы использовались классиками детективного жанра, и их можно назвать каноническими. Вплетение в сюжет такого неболь-

шого классического приема несколько не портит восприятия, несмотря на его частое использование до этого момента другими авторами.

Описывая убийства столь детально, Акунин производит синтез двух жанров: психологический триллер и детектив, трансформируя при этом второй. В канонических версиях детективных историй отдается предпочтение классическому детективу — это факт, причина расследования. В «Декораторе» Акунин рассказывает о том, как и почему было совершено убийство более подробно и изощренно, чем о путях расследования этих страшных событий. Стандартные процедуры поисков преступника, работы криминалистов и самого Фандорина не вызывают особых противоречий, так как это канонично и привычно для читателя.

Классические детективные истории не терпят столкновения с чем-то иррациональным, нетривиальным и вызывающим недоверие: гаданиями, ворожбой, спиритическими сеансами и тому подобными вещами. В классических детективах вы не найдете таких действий ни со стороны преступника, ни, тем более, со стороны детектива. Всему необычному сыщик находит объяснение, чтобы не вводить в заблуждение тех, кто верит в это. Единственную встречу с необычными и загадочными происшествиями герою классических детективных историй Шерлоку Холмсу создает режиссер американского фильма о сыщике — Гай Ричи. Герой сталкивается с лордом Блэквудом, который заявляет о своем бессмертии и желает захватить правление Британии в свои руки. Происходящие в течение всего фильма загадочные события: самовозгорание человека, изгнание нечистой силы, оживление мертвых — заставляют взяться за голову. В конце Шерлок Холмс находит объяснение всему сверхъестественному и схватывает преступника, одержав над ним победу в рукопашном бою. Кинематограф чаще всего нарушает канонические признаки, так как тема Шерлока Холмса не нова, все экранизировано, а нужны новые темы, отсюда и решение столкнуть героя с чем-то потусторонним.

Не избежал такой темы Акунин в своих романах. В этой книге автор отступает от строгих правил и решает трансформировать сюжет, в котором Фандорин появляется не сразу и присутствует много эзотерики. То есть мало классических рассуждений детектива на тему расследования и много потустороннего, что не вяжется с детективным жанром вообще. В свет выходит роман «Любовница смерти», речь в котором о том, что в Москве создан клуб самоубийц, которые решают покончить с жизнью, так как считают, что жизнь — это наказание [7]. Каждый из участников клуба ждет знак, который должна подать Вселенная, и тогда им будет позволено наложить на себя руки. Задачей Фандорина было остановить череду непрекращающихся самоубийств молодых людей. Акунин умело нагнетал обстановку, описывая мысли тех юношей и девушек, которые решили уйти из жизни.

Сыщик играет в «Любовнице смерти» роль второстепенную, так как работа его ведется под прикрытием. В классическом детективе был использован прием отстранения детектива от расследования. В повести «Собака Баскервиль» Шерлок Холмс поручает расследование Ватсону, чтобы тот присылал ему письма о том, как идет дело. Сам же Холмс отправляется следом за напарником, но так, чтобы он не знал, и наблюдает издалека. Более буквально такой прием был использован Акуниным в рассказе «Скарпея Баскаковых», в которой Фандорин тоже отправляет своего помощника расследовать преступление без него [7]. Но этот пример с точки зрения трансформации не может быть analyzed, так как Акунин посвятил книгу «Нефритовые четки», в рамках которой существует «Скарпея Баскаковых», десяти классикам детективного жанра. Автор перекладывает знакомые сюжеты на русские реалии того времени. Такого рода трансформация не несет изменений для жанра в целом, но только для тех детективов, которые переписал Акунин. Автор описывает эти события так, как бы они происходили в России с людьми этого менталитета, поведения и психологии.

Психологическая составляющая в романах Акунина одна из самых главных линий, из-за которых мы можем говорить о трансформации жанра. В классических детективах для сыщика нужен был только факт убийства, чтобы расследовать, редко когда мы можем узнать о причинах, по которым люди стали преступниками. Мы только видим справедливый суд, но что же привело человека к этому и что он думал на этот счет авторы описывают редко.

Также Акунин в своих романах использует двухфабульное повествование. Параллельно автор рассказывает нам историю преступника и историю расследующего преступления. Такой вариант повествования нарушает классическое построение сюжета, в котором нам известно лишь о преступлении и расследовании, но ничего неизвестно о преступнике.

В классических детективах случались отклонения от правил, где мы можем встретить и любовную историю, и подробно узнать о мотивах преступления и о преступнике. Самым ярким примером классической детективной истории, в которой мы можем узнать, отчего же случилось преступление,

является повесть Артура Конан Дойла «Этюд в багровых тонах». Первая повесть о Шерлоке Холмсе и докторе Ватсоне, повествующая о том, как они познакомились, и о страшном преступлении, которое, казалось бы, невозможно распутать. Автор делает отступление от хода расследования, и рассказывает историю любви молодых людей, которым было суждено расстаться из-за суровых законов того места, где они проживали. Впоследствии девушка погибает и ее возлюбленный решает мстить. А как он отомстил, мы уже понимаем, мы прочитали об этом в начале повести. И мы понимаем, что это он. Детективы Дойла, по нашим наблюдениям, ярче любых детективных историй показывают нам одно из непреложных правил, которое гласит: читатель должен иметь одинаковые возможности с сыщиком для разгадки тайны. Это происходит в случае с повестью «Этюд в багровых тонах».

Помимо «Нефритовых четок» Акунин создает еще один роман, в котором происходит трансформация не просто повествования, а поджанра в целом. Замкнутый детектив, в рамках которого классическим произведением мы можем назвать «Пеструю ленту» А.К.Дойля и, в первую очередь, «Десять негритят» А.Кристи. Каноническими признаками «замкнутого» детектива считают то, что преступление, прежде всего, совершается в замкнутом пространстве, куда никто не мог войти и откуда никто не мог выйти. Действие романа Кристи происходит на острове, на который прибывают десять человек по приглашению некоего А.Н.Онима. С острова совершенно невозможно сбежать. Вскоре после прибытия на остров пленники начинают умирать. После каждой смерти одного из пленников выжившие обнаруживают пропажу одной из десяти фигурок негритят, стоящих на полке в гостиной. В середине произведения мы можем прочесть детскую считалку о негритятах, которые погибают каждый своей смертью. Вскоре все понимают, что умирают все согласно словам этой считалки.

Акунин трансформирует поджанр, ужесточая правила существования героев в рамках произведения. Герои Акунина находятся в открытом океане, но в еще более замкнутом пространстве — пароходе, который носит название «Левиафан» [8]. Канонический замкнутый детектив предусматривает преступление, совершенное в замкнутом пространстве. Акунин трансформирует и эту грань детективной истории, и, в результате, в замкнутом пространстве происходит расследование. У Кристи разгадать загадку также пытались в течение всей повести, но то были непрофессионалы. Акунин помещает на пароход двух сыщиков — инспектора Гоша, который решает собрать всех на острове, т.е. в этом случае мы знаем, кто виновник того, что эти люди собрались на пароходе. Вторым сыщиком становится Фандорин, роль которого в этом романе приобретает главенствующие права только во второй половине книги. Снова мы видим, что Акунин производит трансформацию и не вводит главного сыщика сразу в повествование. Вместо этого он описывает, как ведет расследование незнакомый читателю инспектор Гош. В «Левиафане» Акунина вследствие трансформации мы не сможем увидеть такого напряжения к концу романа, как это происходит в случае с «Десятью негритятами».

Классическая развязка для каждого романа Акунина с участием Фандорина происходит таким образом, что Эраст Петрович выводит преступников на чистую воду, и они несут свое наказание. И здесь Фандорин раскрыл заговор обитателей парохода, сумел перехитрить убийц и грабителей, и оставил их без добычи. В «Декораторе» Акунин позволяет своему герою совершать самосуд, и тот убивает маньяка. В классическом детективе такого мы не увидим, так как, например, Шерлок Холмс всегда отдавал преступников в руки правосудия. Но на то есть причины, и в этом главная разница между этими героями. Шерлок Холмс лицо неофициальное, тогда как Фандорин всегда состоит на службе и имеет определенную должность.

Одно из правил Ван Дайна гласит: в классическом детективе «убийца не должен быть профессионалом» [1;39]. Это правило Акунин нарушает дважды: в «Декораторе» и «Пиковом валете». В первом романе убийца является маньяком, а во втором — орудует группа мошенников. Исходя из этого мы можем утверждать, что в романе «Пиковый валет» нарушается еще одно каноническое правило Ван Дайна о том, что преступником должен являться один человек, а не банда [9].

Трансформация романов Акунина не всегда относится к фабуле. В романе «Любовник смерти» он соблюдает правила классического детектива. К Эрасту Петровичу обращается молодой человек с просьбой помочь ему [10]. Абсолютно классическое развитие сюжета для детектива. Развязка происходит в самом конце, когда все подозреваемые собраны вместе, чтобы узнать, кто же на самом деле из них убийца. Сюжет прост и понятен для чтения и очень отличается от всех детективов Акунина с закрученным сюжетом. Здесь для автора важно настроение. Подзаголовок романа звучит как «Диккенсовский детектив». Романы Диккенса рассказывают о личной жизни героя, атмосфера его романов всегда стилизована под период, в котором создавались произведения.

Акунин произвел попытку стилизовать свой роман, создать декорации для действия. Конечно, можно сказать о том, что главный герой романа Сенька Скориков чем-то смахивает на диккенсовского Оливера Твиста, но это классическое для Акунина переложение иностранных реалий на российские. Оба подростка сталкиваются с преступным миром, который не может испортить их нравственной чистоты и толкнуть на предательство. Связывает обоих героев и наличие покровителя. Благородный джентльмен, взявший на попечение незнакомого ребенка из околупреступных кругов, представлен в обоих романах: Браунлоу у Диккенса, Фандориным у Акунина. Кроме того, в обоих романах фигурирует роковая женщина. Нэнси и Смерть очень похожи: вращаясь в преступном обществе, обе сознают свое унижительное положение, им это не нравится, но они не могут или не хотят изменить свою жизнь.

Трансформируя детективный жанр, Акунин уважительно относится к классическому детективу, соблюдая правила построения сюжета. Если же сюжетное построение было нарушено, то Акунин восстанавливает баланс, применяя правило о том, что сыщик должен быть только один. Трансформация жанра в его детективах не разрушает детективного жанра, напротив, дополняет его. Добавляя новые черты в свои детективы, Акунин показывает нам, каким может быть классический детектив, если все-таки нарушить эти правила. Используя хорошо забытое старое, он придает новую жизнь хорошо известным сюжетам. Жанровая трансформация Акунина выражается в синтезе различных жанровых модификаций, изменении правил построения сюжета, вставке в сюжет линий, которые не должны присутствовать в детективе, не забывая при этом о детективе. Акунин соблюдает баланс, т.е. сколько правил он нарушил, столько он и оставил без изменения. Каждый его роман — это, прежде всего, детектив, и если нарушить все правила его создания, то мы можем говорить о новом жанре. «Но сам автор преследует цель создания именно детективов, а не романов», — пишет Н.В.Суслова [11; 412].

Любовная линия не должна встречаться в сюжете ни одного детектива, иначе это не детектив. Это основная мысль одного из пунктов статьи С.Ван Дайна «Двадцать правил для написания детективных романов». Стивен Ван Дайн (настоящее имя Виллард Хантингтон Райт) — представитель так называемого «золотого» века детектива, временные рамки которого ограничиваются 20–30-ми годами XIX в. В 1926 г. он написал свой самый знаменитый детективный роман «Дело об убийстве Канарейки», который очень быстро приобрел популярность и стал бестселлером. Главным героем его романа является Фило Ванс — сыщик, созданный по образу и подобию Огюста Дюпена Эдгара Аллана По, или, если угодно, Шерлока Холмса Артура Конан Дойла — канонических героев детективной прозы. Каноничность для Ван Дайна является одним из неукоснительных правил написания детективов, научных статей или теоретической литературы. Свой труд «Двадцать правил для написания детективных романов» Ван Дайн написал в 1928 г., уже после приобретения известности и авторитета в кругах пишущих детективы. Правила создавались на основе рассказов о Шерлоке Холмсе или Огюсте Дюпене, которые были известны многим читателям того времени.

По нашим наблюдениям, любовные истории встречаются в классических детективах крайне редко и не несут главной роли в повествовании, не трансформируя тем самым жанр детективной прозы. Утверждение Ван Дайна относительно любовного сюжета в детективных историях канонично, так как основывается оно на уже написанных к тому времени классических детективах, которые по сей день являются репрезентативными произведениями для своего жанра. Действительно, в тридцати шести рассказах и четырех повестях о Шерлоке Холмсе мы встречаем сюжетную линию, которую можно с большим трудом назвать любовной, лишь дважды. В повести «Знак четырёх» помощник Шерлока Холмса доктор Джон Ватсон встречает свою будущую жену Мэри, которая пришла к ним в дом, чтобы просить о помощи. Никакой романтики, нежных встреч или слов, напротив, герой Конан Дойла борется со своими чувствами и убеждает себя не думать о девушке, которая попала в беду, как о любовном объекте.

В рассказе «Скандал в Богемии», который был впервые напечатан в журнале «Strand» в 1891 г., описывается любовная история самого Шерлока Холмса и «Этой женщины» — Ирэн Адлер. В оригинальном англоязычном варианте «Эта женщина» звучит как «The Woman», т.е. та самая, конкретная женщина, единственная в своем роде. Русский перевод придает грубый окрас этому слову и не передает того уникального настроения и отношения к Ирэн Адлер. Мошенница Ирэн Адлер уже обманывала его однажды, и этим самым она вызвала безумный интерес сыщика. Конан Дойл не раскрывает подробностей их отношений и не описывает характера чувств Холмса, но тот факт, что Ирэн Адлер не оставила равнодушным Холмса, не остается без внимания. В кинематографе эта любовная история активно используется: в советской экранизации под названием «Сокровища Агры», в экра-

низации американского режиссера Гая Ричи «Шерлок Холмс» и «Шерлок Холмс. Игра теней», в британском телесериале «Шерлок», а также в американском, который называется «Элементарно». Читая рассказ, читатель сомневается в характере этой линии, но на экране очевидно, что между героями есть определенная искра, которая мешает расследованию во всех, без исключения, случаях. По нашим наблюдениям, эти линии нельзя назвать любовными, так как в них нет признаний в любви, описаний бурных чувств, романтических слов и поступков. Напротив, герои противятся этому. Автор показывает нам, насколько мешает сыщику любовь, которая отвлекает его от расследования, из чего следует, что преступник может быть не найден вовсе. Читатель понимает, как бы не верил в любовь и в то, что все на Земле рождено, чтобы любить, что для расследования стоит пожертвовать любовью, чтобы мы снова могли наблюдать, как работает мозг величайшего сыщика планеты Шерлока Холмса.

Разрушение канонов неизбежно с течением времени. Это касается и любовных историй, вплетенных в детективное повествование. В дальнейшем авторы, пишущие свои произведения в рамках детективного жанра, начинают активней вплетать в сюжет любовные отношения героев. Появляется большая потребность в любви и выставлении ее напоказ. Меняется время — меняются вкусы, и это, несомненно, касается литературы, в частности — произведений детективного жанра. Одним из самых заметных произведений, в которых происходит разрушение канона и где мы можем заметить начало трансформации жанра, является «Бондиана» Яна Флеминга. Более чем через 60 лет, в 1953 г., выходит в свет детектив Яна Флеминга о шпионе Джеймсе Бонде, под названием «Казино Рояль». Главный герой романа Джеймс Бонд — агент Ми-6, под кодовым номером 007, получает задание: разорить советского шпиона Ле Шиффра. В ходе выполнения задания он знакомится с Веспер Линд, в которую влюбляется без памяти и ради которой готов оставить свою работу. В этом романе любовная линия является одной из сюжетобразующих, так как Линд была двойным агентом и работала на человека, с которым должен был расправиться Бонд. После такой неудачной истории Джеймс Бонд уже не верит в любовь как раньше, становится более циничным и жестким по отношению к женщинам. Они уже не вызывают того благоговения, которое вызывали раньше, теперь они часть его задания.

Дальше Флеминг в каждом романе выделяет роль для какой-либо девушки, которых впоследствии стали называть «девушки Бонда». Добавляя любовные линии в свои романы, Флеминг делает попытку трансформировать жанр и сломать жесткие рамки канонов. Мистер Флеминг ввел в свое повествование любовную линию, которая занимает определенное место, без которой расследование уже не будет таким интересным для читателя, но стандартной концовки «жили они долго и счастливо» он старательно избегает, показывая нам, что любви все-таки не место в расследовании преступлений. Сама любовная история добавляет в сюжет элемент неожиданности, характерный для шпионских романов. В шпионском романе, как правило, предателем оказывается человек, от которого это должны ожидать меньше всего. В каждом романе о Бонде присутствует девушка, играющая роль бедной овечки, которую нужно спасти.

Знаковым героем для русской литературы, который был замечен во многих любовных историях, является Эраст Петрович Фандорин, созданный Борисом Акуниным. В романах, главным героем которых является Эраст Фандорин, мы можем проследить трансформацию детективного жанра, так как Акунин не соблюдает некоторые правила и каноны, которые были выявлены и систематизированы в XIX в. Ван Дайном. Акунин начал создавать историю Фандорина на рубеже XX и XXI вв., после распада Советского Союза, когда всякая каноничность была отвергнута. Народ жаждал изменений во всем: в музыке, одежде, искусстве, литературе. В последнем Акунин и смог себя выразить. Он не пытался создать что-то новое, но и не занимался откровенным плагиатом. Акунин создал героя честолюбивого, храброго, не лишенного души человека, который, несмотря на произошедшие с ним события, все еще мог любить. Круглому сироте Эрасту, который с раннего детства сам зарабатывал себе на жизнь, было девятнадцать лет, когда он поступил на службу в должности коллежского регистратора московской полиции. «Это был весьма миловидный юноша с черными волосами (которыми он втайне гордился) и голубыми (увы, лучше бы тоже черными) глазами, довольно высокого роста, с белой кожей и проклятым, неистребимым румянцем на щеках» [12; 12].

В то время перемен читателю требовались эти истории не о бездушных сыщиках, которые не видят ничего, кроме цели — раскрыть преступление, а о человеке, который живет, чувствует, любит и, к тому же, удачно раскрывает преступления. Почти в каждом романе цикла, состоящего из четырнадцати книг, посвященных расследованиям и жизни Эраста Фандорина, встречается любовная исто-

рия, которая либо как-то соприкасается с криминальными событиями романа или порождает эти события, либо развивается отдельно от этого.

Примером второго типа развития любовной истории мы можем назвать первый роман цикла об Эрасте Фандорине «Азazelь». В нем рассказывается о еще юном сыщике, который служил коллежским регистратором в московской полиции. На фоне происходящих с ним событий мы видим, как развивается светлая история любви Эраста и Лизы. Акунин использует те же самые имена, которые, мы помним, были у главных героев «Бедной Лизы» Карамзина. Та история любви закончилась не совсем удачно, как хотелось, быть может, читателю, и мы надеемся, что именно эта история увенчается успехом, надеемся, что уж эти Эраст с Лизой будут вместе.

Само имя Эраст, которым нарекли главного героя, не случайно. В романе «Нефритовые четки» [12; 64] мы узнаем, что Эрастом отец назвал сына в честь того самого героя «Бедной Лизы». Все дело в том, что мать Эраста, которая умерла при родах, звали Елизаветой. Отец, помня, что у Карамзина именно Эраст погубил Лизу, назвал ребенка так, ведь он считал своего сына убийцей его жены. Настроение, с которым отец назвал своего сына, особенно для людей суеверных и знающих, кто такой этот Эраст, который погубил Лизу, уже не предполагало, что жизнь его может быть легкой и счастливой.

История любви Эраста Петровича и Лизаньки не была лишена того романтизма, без которого детективные истории существовали долгие годы. Когда читаешь о том, как встретились герои, как они себя вели, как смущались, то забываешь, что это все происходит в границах детектива, что все не может быть так гладко. Акунин позволяет себе эту игру с трансформацией жанра, стирая границы классики, чтобы создать современный детектив. Лизанька для Фандорина была простым свидетелем ужасного, совершенного в парке, у всех на глазах, самоубийства студента Кокорина [12; 7]. Фандорин не предполагал тогда, что эта прекрасная девушка станет его женой, что обвенчаются они, поклявшись друг другу в вечной любви. Ни один читатель, который проникся этой историей любви, не ожидал такого ужасающего завершения этой истории, которую приготовил для нас Борис Акунин. В конце романа Акунин остался верен законам создания детективов и преподнес неожиданный финал со взрывом и убийствами. По закону жанра в детективе должен быть труп, может и не один. Акунин не оставил роман без этого. После венчания, когда расследование Фандорина было окончено, все преступники наказаны, счастливых молодоженов ждал подарок, который Лизанька, как любая девушка, захотела поскорее развернуть. Счастье Фандорина омрачал тот факт, что дал он клятву, которую не смог исполнить, так как это было делом чести. Он поклялся перед леди Эстер, что не станет преследовать ее воспитанников, хотя в глубине души он понимал, что не сможет сдержать это обещание. Сделал он это потому, что попросту хотел жить и был влюблен. Это является главным минусом вплетения любовных историй в детектив. Сыщик может забыть о деле, поступиться принципами ради любви, за что в дальнейшем может быть наказан, что и произошло с Эрастом Петровичем. Подарок, присланный неизвестным отправителем, являлся бомбой, которая тут же, после того, как ее развернули, взорвалась: «В следующее мгновение из окна вырвался огонь и дым, лопнули стекла, и Эраста Петровича швырнуло на землю» [12; 300].

В последней главе Акунин безжалостно разрушает все, что он создавал более чем на трехстах страницах своего романа. И мы не увидим здесь несчастную бедную Лизу, которая, в традициях романтизма, просто прыгнет с моста, здесь Акунин решил обойтись с героиней жестче: «Внимание контуженного привлек другой предмет, валявшийся прямо посреди мостовой и лучившийся веселыми искорками. В первый момент Эраст Петрович не понял, что это такое. Подумалось лишь, что на земле этому никак не место. Потом разглядел: тонкая, оторванная по локоть девичья рука посверкивала золотым колечком на безымянном пальце» [12; 301]. Эти предложения были пропитаны жестоким реализмом, который по законам создания произведения в жанре детектива должен присутствовать в полной мере, и чем жестче, тем лучше.

Сам Эраст выжил в этой катастрофе лишь потому, что погнался за теми, кто привез подарок, так как их поведение показалось ему весьма подозрительным. Взрыв оставил свой отпечаток на главном герое. После происшествия виски у Эраста Петровича поседели и говорил теперь Фандорин с легким заиканием.

Роман «Азazelь» — это один из первых опытов Акунина в попытке соединить неожиданный финал и психологию. С помощью сюжетной линии, тщательно прописанных портретов героев и их поступков Борис Акунин раскрывает нам истинную их сущность. Более всего он затронул психологию влюбленного мужчины, который за короткий отрезок времени успел найти и потерять любимую,

и он из мягкого и сдобного коллежского регистратора превращается в солдата, который стремится заглушить свою боль: «Вид чужой боли позволяет легче переносить свою» [12; 20].

Попытка Фандорина создать семью не увенчалась успехом, и, как и у Джеймса Бонда, в нем появилась та отрешенность от дел сердечных. Но от этого Акунин не отказывается вставлять в свои произведения те сюжетные линии, которые во времена создания классических детективов полностью отрицались. Акунин пишет о личной жизни своего героя, которая вызывает интерес читателя, что иногда детективная составляющая романов отходит на второй план в повествовании. При этом детектив будет оставаться детективом, но только с большей концентрацией на личной жизни героев, что не будет мешать успешному раскрытию преступления.

Вслед за «Азazelь» в свет выходит шпионский роман Акунина «Турецкий гамбит». Здесь главный герой лишь свидетель чужой любовной истории, разворачивающейся на фоне событий Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., которая стала причиной неприятностей, и занимает одну из центральных ролей.

Роман «Турецкий гамбит» можно назвать шпионским. Вся суть шпионского романа заключается в том, что читатель наблюдает за разведывательной работой шпиона, и Эраст Петрович превосходно справляется с этим. На этот раз Фандорин борется со шпионом, из-за которого русские войска не могут сдвинуться с места и продолжать наступление.

В шпионских романах встречаются такие эпизоды, когда главному герою невероятно везет. В каноническом шпионском романе «Казино Рояль» главному герою Джеймсу Бонду удастся выиграть у Ле Шиффра в покер, тем самым разорив его. Карточная игра — это игра случая, в которой Агенту 007 повезло, и он собрал на столе самую беспроигрышную комбинацию покера — Флэш Рояль, где из пяти карт самая старшая — это туз, а самая младшая — десятка, и все они одной масти. Но Акунин возносит удачливость своего героя одной лишь фразой, которую произносит Фандорин после того, как выигрывает осла для девушки, которая оказалась в беде: «У меня, Варвара Андреевна, есть одно странное свойство. Я т-терпеть не могу азартных игр, но когда приходится играть, неизменно выигрываю. Я и свободу у видинского паши в нарды выиграл» [12; 20].

Любовная линия этого романа сосредоточена на той самой девушке, для которой Фандорин выиграл осла, — Варваре Суворовой и ее женихе Петре Яблокове, шифровальщике. Петр Яблоков передавал важные сведения о положении дел на войне, его роль была одной из главных на этот момент развития военных действий, ему нельзя было пропустить ни одну телеграмму. Петр узнает, что Варвара приехала к нему и, на радостях, оставляет свой пост, побежав встречать ее. В то время приходит телеграмма, что нужно взять Никополь вместо того, чтобы продолжить оборонять Плевну. Никополь был взят, но пустая Плевна была упущена. Затем герои узнают, что Никополь и вовсе брать было не нужно, что Яблокова кто-то подставил, но было уже поздно, и Петра арестовывают. Из-за своей любовной привязанности он создает ряд проблем для своей армии, а Фандорин, как человек чести, чувствует себя обязанным помочь Петру и находит того, кто его подставил. После этих тяжелых для всех событий Петра освобождают, и они с Варей покидают лагерь военных действий.

В «Турецком гамбите» любовь становится источником неприятностей не только для окружающих, но и для страны в целом, ведь это все происходит на войне. Это становится символом отношения к любви Фандорина на данном этапе, ведь свежи еще раны от той душевной травмы. Акунин не делает из Фандорина зверя, чтобы тот отрицал любовь окончательно и бесповоротно, он оказывается на войне лишь потому, что хочет залечить свои душевные раны. Сам Акунин, называя свои романы детективными, делает любовную линию центральной. Эраст Петрович отправился не просто воевать за страну, не просто стрелять и сражаться, а «из эгоистических соображений» [13; 20]. Фандорин «был болен, нуждался в лечении» [13; 20]. Автор ограждает главного персонажа от дел любовных, но не перестает создавать любовные истории в рамках своих детективных романов. Акунин вплетает любовную историю в повествование, заставляя читателей разделить на два лагеря: тех, кто рад, что Варя приехала к Петру, и тех, кто считают, что ее безрассудный поступок помешал военным действиям. Этот поступок девушки наделал много шума, которого можно было избежать. И здесь те, кто может были рады читать о развитии любовной истории в «Азazelь», посчитают, что в «Турецком гамбите» она лишняя, что она все портит. Но если бы не этот безумный поступок, то мы бы наблюдали за простыми слежками Фандорина, в которых он, безусловно, был бы великолепен, после чего роман закончился бы где-то на сотой странице. Как бы до этого любовь не разрушила тот хрупкий мир, который держали русские войска, но, в конечном итоге, сумасшедшая любовь Вари спасла мир полностью.

Дальнейшие попытки представить главного героя как любящего мужчину не увенчались успехом: то ли Акунин сам не хотел этого, то ли по мере создания романа менял концепцию. Исходя из наблюдений мы приходим к выводу, что все последующие отношения Фандорина приводят его к одиночеству. В романе «Декоратор» Акунин делает попытку вернуть Фандорина к жизни с помощью героини Ангелины Самсоновны Крашенниковой, которая «появилась с год назад» [6; 50]. Любовные линии, вставленные в сюжет, добавляют мягкости повествованию, что делает романы Акунина интересными для любого читателя. Героиня «Декоратора» была самой мягкой из всех, кто встречались Фандорину. Вместо войны в «Турецком гамбите» Акунин дарит Эрасту Петровичу другое лекарство — любовь. «Помог ей, сироте, Эраст Петрович в одном трудном деле, вот она и прильнула к нему. Видно, хотела отблагодарить чем могла, а кроме любви ничего у ней не было» [6; 50]. В этом романе любовная линия была бы практически незаметной, если бы Акунин нам её не обозначил, и взрослой с моральной точки зрения. Фандорин был готов остаться с женщиной, к которой он просто хорошо относился, ведь каждый человек нуждается в поддержке, а Фандорин, как человек, который постоянно сталкивается с опасностями на своем жизненном пути, тем более.

Дальнейшие романы, в которых главным героем является Эраст Петрович Фандорин, не пестрили подробностями о личной жизни главного героя. Любовные линии ушли из сюжета, так как Фандорин стал просто верным слугой своей страны. Акунин предпринял попытку сотворить Фандорина-супергероя, человека без страха, которому нечего терять и кто готов просто служить своей стране, не отвлекаясь ни на кого. В романе «Статский советник» Акунин добавляет любовную линию, которая помогает нам понять до конца, что он думает о стране и какие у героя ценности. У Эраста Петровича роман с революционно настроенной Эсфирь Литвиновой. Революционеры хотят свергнуть царя, совершить революцию, произвести переворот, но Фандорин предан царю и отечеству. На примере этой любовной истории Акунин показывает нам, насколько психологически Фандорин готов к переменам. Если ранее любовные истории в романах Акунина принимали прямое или косвенное участие в детективном сюжете, события «Декоратора» приводят к тому, что в «Статском советнике» мы наблюдаем переломный момент в жизни героя. Фандорин окончательно разочарован в любовных отношениях, для него они ничего не значат, главными для него являются царь и отечество. Переоценка ценностей происходит именно в этом романе, когда Фандорину уже нечего терять и служить лживой системе он не видит никакого смысла. «Статский советник» роман с любовной линией, которая косвенно влияет на сюжет, но именно здесь происходит окончательное становление героя. Эраст Петрович перестает быть таким категоричным и начинает понимать, где стоит проникнуться к проблеме, а где стоит и проявить жесткость. Теперь Фандорин приступает к расследованию только потому, что он сам этого хочет, а не потому, что его направили на место преступления по долгу службы.

Единственным романом Акунина, в котором любовная линия становится на первое место, затмевая детективную историю, становится роман «Весь мир театр». И если предыдущие романы рассчитаны на публику обоих полов, то данное произведение скорее придется по душе женской половине человечества, или же тем, кто больше следил за личными успехами Фандорина, детективная составляющая для которых была только фоном. Во всех своих предыдущих романах Акунин, нарушая каноническое правило — не вставлять любовных историй в сюжет, — компенсировал все интересной детективной историей. В романе «Весь мир театр» показывает все подробности личной жизни, четко прописывая характер и поведение персонажей. По сюжету Фандорину Эрасту Петровичу уже минуло пятьдесят пять лет, и он выполняет просьбу вдовы Чехова Ольги Книппер-Чеховой — защитить актрису театра Элизу Луантэн. Этот роман является своеобразной заковычкой. Элиза Луантэн в театре исполняет главную роль в спектакле «Бедная Лиза». Её имя практически идентично имени Лиза. Акунин делает отсылки, и читатель, который следит за жизнью Фандорина, вспомнит все, как истинный сыщик. Одним из правил детектива является то, чтобы и читатель тоже мог раскрыть преступление на основании фактов, или, как в этом случае, вспомнить уже давно известные. Акунин затевает эту игру слов и имен для того, чтобы концовка оказалась неожиданной для читателя, который вспоминает, что ничего хорошего с «Бедной Лизой» в жизни Фандорина связано не было. В этом романе Фандорину наконец-то позволено полюбить. К слову сказать, образ влюбленного Фандорина несколько уступает образу Фандорина-супермена, которого мы знали вначале. Преступление Эраст Петрович, конечно, раскрывает, даже находит, наконец, личное счастье в лице актрисы Элизы Луантэн, но детективное начало в романе страдает невероятным образом. Здесь мы не увидим рискованных поступков, гениальных умозаключений и невероятной самоотверженности героя. Акунин в этот раз решил написать любовный роман с элементами детективной истории.

Действие романа начинается с того, что Фандорин решает помочь Книппер-Чеховой, и читатель не подозревает, что с этого момента он будет свидетелем не загадочного и запутанного детектива, которые умеет создавать Акунин, а перед нами предстанут приключения влюбленного Эраста Петровича. На момент происходящих в книге действий Фандорину уже пятьдесят пять лет, читатель мог ожидать от Акунина все что угодно, но точно не того, что в таком возрасте, после тридцати лет любовных терзаний, Эрасту Петровичу будет позволено влюбиться. В этом и заключается главный фокус романа: полюбить в пятьдесят пять лет — это еще то приключение. Для каждого читателя Фандорин предстает в новом свете. Даже в «Азазель» он не любил так, как полюбил в романе «Весь мир театр». Акунин решает попробовать себя в роли творца любовных историй, создавая при этом замысловатый детективный сюжет, в котором актеры спектакля погибают при странных обстоятельствах. Автор все время говорит нам о якобы настоящем преступнике, но мы понимаем, что по канону классического детектива личность убийцы станет известна читателю только в конце романа. Это единственная детективная интрига, которая присутствует в романе. Нет никаких дополнительных ниточек, ничто не вытекает из другого. Просто есть преступник, и он должен быть пойман. Все это уходит на второстепенный план, даже при такой скромной детективной составляющей. Читатели привыкли видеть Фандорина в роли настоящего супермена — всегда на коне, ему посильна любая загадка, ничто его не остановит. Акунин показывает нам влюбленного Эраста — любовь сбивает его, у него мало что получается. В данном романе он, соединяя психологию поведения и детектив, отвел психологии главную роль, оставляя для детективного сюжета роль косвенную. Преступления происходят, но Фандорин не спешит на место преступления, как он делал это раньше, а просто расследует то, что уже произошло. Акунин показывает Фандорина не как великолепного сыщика, а как обычного человека, которому любовь не чужда. В конце он все же проявляет все свои способности, преступник разоблачен и пойман, а Фандорин, наконец, находит свою любовь.

Акунин упорно вставляет любовные клинья в сюжет, пытаясь раз за разом испытать своего героя на прочность. Может, вплетая эту нить в начале произведения, Акунин не ожидает и от самого себя в том числе, что она порвется, или станет лишней, или же просто надоеет ему. Каждый раз он хочет подарить счастье семейное и личное своему герою, но забирает эту возможность так же легко, как игрушку у ребенка. Ведь все мы понимаем, что, имея семью и благополучие, Эраст Петрович не смог бы так легко и самоотверженно рисковать своей жизнью, ведь он будет понимать, что у него теперь есть семья. Вероятность того, что это понравится читателям, весьма мала, так как Эраста Петровича читатели любят за его ум, самоотверженность, излишний героизм и настойчивость. В своих произведениях Акунин показывает перемены в психологии обыкновенного мужчины с помощью тех или иных любовных отношений, которые он переживает в каждом романе. Акунину удается соединить детектив и психологию, не превращая детективный роман в любовный. Ему удается соблюсти баланс, поддерживать интерес к герою и описывать все так, чтобы любой человек смог понять его чувства и эмоции. В каждом романе было важно выделить любовную линию, чтобы проследить за мотивировкой персонажа и за его становлением, так как именно эти сюжетные вставки, если сложить их воедино, дают нам понять, что даже если в романе они были косвенными, то для мотивировки поступков персонажа несли главное значение. В некоторых романах истории любви Фандорина несли именно это, косвенное, значение для сюжета. Эти сюжетные линии помогают нам оценить Акунина не только как писателя, но и как психолога.

Единственным романом, в котором Акунин решил пойти по иному пути и отошел от своего собственного, уже канонического правила — любовная линия должна быть в детективном романе — это «Левиафан». Данный роман написан в жанре замкнутого детектива, каноническим произведением для этого жанра является детективная повесть Агаты Кристи «Десять негритят». От отсутствия любовной линии в романе «Левиафан» ничего не теряет, так как ни одно любовное приключение не сравнится с тем, что происходит на страницах романа: несколько человек на пароходе в открытом океане пытаются вычислить, кто же из них является убийцей. Здесь автор решает не слишком отступать от жанрового канона, да и зачем? Видимо, затем автор решает, что заниматься переложением чьих-то историй, которые в свое время были заслуженно оценены критиками и читателями, — это не тот путь, поскольку больше таких откровенных переложений канонических произведений на свой лад Акунин не совершал.

Любовные линии в романах Акунина — это лучшее средство узнать героя. Акунин создавал не просто персонаж, за которым было бы интересно наблюдать. Он создавал того самого героя без страха и упрека, к которому не смогут относиться равнодушно, к которому будут относиться как к живо-

му и искренне любить. Для этого он решил отступить от канонического правила написания детективных романов и приоткрыл нам завесу личной жизни своего героя. Ведь всем нам хотелось, чтобы Дойл развил любовную историю Холмса и Адлер, чтобы рассказал нам, а что бы могло быть, если бы они дали волю чувствам, а многие читатели, возможно, придумывали свое развитие событий. Но Холмс — гениальный сыщик, и это восполняло то, что мы ничего не знали о его личной жизни. У Акунина не было цели сделать такого же Шерлока, это было бы откровенным пародированием или плагиатом. Он хотел показать нам живого человека, со своими слабостями и сильными сторонами.

Цель детективных романов Акунина — соединить детективную историю с неожиданным финалом и психологию поведения персонажа, что является отступлением от канона, так как мотивы преступников были не всегда важны. Важными являлись преступление и его расследование. Акунин раскрывает нам тайны и мотивы, не опускаясь при этом до сентиментального романа, но и не позволяя детективному жанру превратиться в простой боевик. Исходя из наших наблюдений, романы Акунина — это одно из самых успешных сочетаний детектива с любовным или детективным романом. Зачастую сочетаются все три жанра — это и есть классический детективный роман Акунина. Акунин использует классический каркас, на котором строит новые сюжетные линии, в свою очередь, трансформирующие жанр.

Трансформация жанра для Акунина — это трансформация фактов, не более чем литературная игра, свой способ выражения и понимания истории. Он играет с фактами и создает свою интерпретацию происходящего, так как не пишет новую историю для учебников, а только создает фон и обстоятельства для своих героев, в которых читателю интересно наблюдать за ними. Автор привносит что-то новое в общеизвестные факты, заставляет нас поспорить с ним, поразмыслить, и, в конечном итоге, обратиться к первоисточнику, чтобы узнать, что же происходило в те времена на самом деле. Акунин сочетает реалии разных времен и соединяет их для интересного сюжета. Поэтому, если читатель преследует познавательную цель, то ему не стоит искать исторической точности в романах.

Список литературы

- 1 Ван Дайн С. Двадцать правил для писания детективных романов // Как сделать детектив / Сост. А.Строев. — М.: Радуга, 1990. — С. 38–41.
- 2 Бахтин М.М. Эпос и роман. — СПб.: Азбука, 2000. — 304 с.
- 3 Честертон Г.К. О детективных романах // Как сделать детектив / Сост. А.Строев. — М.: Радуга, 1990. — С. 19–22.
- 4 Степанов А. О фантазиях Басинского и мастерстве Акунина // Русский журнал. — 2004. — № 1. — [ЭР]. Режим доступа: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/O-fantaziyah-Basinskogo-i-masterstve-Akunina>.
- 5 Дойл А.К. Весь Шерлок Холмс. — СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014. — 831 с.
- 6 Акунин Б. Особые поручения: Декоратор. — М.: Захаров, 1999. — 170 с.
- 7 Акунин Б. Любовница смерти. — М.: Захаров, 2001. — 246 с.
- 8 Акунин Б. Левиафан. — М.: Захаров, 1998. — 264 с.
- 9 Акунин Б. Особые поручения: Пиковый валет. — М.: Захаров, 1999. — 150 с.
- 10 Акунин Б. Любовник смерти. — М.: Захаров, 2001. — 288 с.
- 11 Сулова Н.В. Двое на качелях, или Устойчивое равновесие // Гендер и проблемы коммуникативного поведения: сб. материалов III Междунар. науч. конф. (1–2 ноября 2007 г.) / Редкол.: А.А.Гугнин, М.Д.Петрова [и др.]. — Полоцк: ПГУ, 2007. — С. 411–414.
- 12 Акунин Б. Азazel. — М.: Захаров, 1998. — 302 с.
- 13 Акунин Б. Турецкий гамбит. — М.: Захаров, 1998. — 222 с.

Л.Р. Шевлякова, Е.С. Мухина

Қазіргі детективтегі сюжеттік өзгерістер

Мақалада зерттеу пәні ретінде күрделі теориялық мәселелер, яғни қазіргі шытырман оқиғаның жанрлық өзгеріс үдерісі және көркем шығарманың жанрлық табиғаты, қарастырылған. Авторлар жанрдың өзгерісін деңгей бойынша, Б.Акуниннің мәтіндерінің сан алуандығын, шығарма құрылымында жанрлық өзгерістерді жан-жақты талдаған.

L.R. Shevlyakova, E.S. Mukhina

The transformations of plot of the modern detective

In this article, as the subject of research is one of the most difficult theoretical problems — the problem of genre nature of the artwork and the process of transformation of the genre of the Canon in modern detective. The authors discuss the problem with the levels which occurs the transformation of genre Canon of detective, signify and see the variety of genres of texts B.Akunin, give a detailed analysis of genre transformations on the level of plot.

References

- 1 Van-Dain S. *How to make a detective* / Comp. A.Stroev, Moscow: Raduga, 1990, p. 38–41.
- 2 Bakhtin M.M. *Epos and novel*, Sankt Petersburg: Azbuka, 2000, 304 p.
- 3 Chesterton G.K. *How to make a detective* / Comp. A.Stroev, Moscow: Raduga, 1990, p. 19–22.
- 4 Stepanov A. *Russian journal*, 2004, 1. [ER]. Access mode: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/O-fantaziyah-Basinskogo-i-masterstve-Akunina>.
- 5 Doyle A.K. *All Sherlock Holmes*, Sankt Petersburg: JSC «Trade-publishing house «Amphora», 2014, 831 p.
- 6 Akynin B. *Special commissions: Decorator*, Moscow: Zakharov, 1999, 170 p.
- 7 Akynin B. *Mistress of death*, Moscow: Zakharov, 2001, 246 p.
- 8 Akynin B. *Leviathan*, Moscow: Zakharov, 1998, 264 p.
- 9 Akynin B. *Special commissions: knave of spades*, Moscow: Zakharov, 1999, 150 p.
- 10 Akynin B. *Death of Achilles*, Moscow: Zakharov, 1998, 320 p.
- 11 Suslova N.V. *Gender and problems of communicative behavior*: collection materials of the Third international scientific conference (November, 1–2, 2007) / Ed. board: A.A. Gugin, M.D. Petrova [and other], Polotsk: PSU, 2007, p. 411–414.
- 12 Akynin B. *Azazel*, Moscow: Zakharov, 1998, 302 p.
- 13 Akynin B. *Turkish gambit*, Moscow: Zakharov, 1998, 222 p.

S.Zh. Bralina

*Ye.A.Buketov Karaganda State University
(E-mail: saule_bralina@mail.ru)*

Theory of the folklore text

In the article the concept of the folklore text is scrutinized. For this purpose textologic, semiotic, functional peculiarities of the folklore text are revealed. History of science makes us see that folklore study for a long time actively has been using the category of text. But the notion itself in the sphere of folklore study gained different interpretations, reaching far beyond the borders of textual study. Evolution of the notion «folklore text», its functional and semantic reevaluation has in the basis common processes of development, existing as in folklore itself, so in the science treating it. Investigation concerning the problem of traditional and modern folklore, its identification features, types and peculiarities of existence is the matter of conceptual importance for this article. Contemporary perception of folklore is a magnificent picture of in many ways different phenomena not confined only to cultural ones. From nominative and semantic point of view this situation is determined by different factors of ethnical, historical, scientific and educational nature. All this enables us to speak about such types of folklore as written folklore, postfolklore, antifolklore, folklore routine, verbal and non-verbal, spoken and oral culture, folklore subcultures, artistic communication within the limits of folk-groups, Netlore (folklore of Internet) etc. Special attention is paid to contemporary conceptions of folklore text. All the conceptions mentioned above, as diversified as they can be, still have something common in several positions. First of all, they state that folklore text is different from literary one. Hence takes its origin common tendency among researchers to widen borders of text space in folklore and treat it with taking into consideration facts, analyzed by other humanitarian sciences.

Key words: folklore, postfolklore, folklore text, folklore textual study, folklore tradition, variant of the folklore text, semiotic text, verbal culture, linguistic folklore study, ethnolinguistics.

It is known that the basis of any science is theory — system of common principles, methods and approaches in treating certain phenomenon. There is no practice without theory and practice, in its turn, is the source and stimulus for forming theoretical basis. From this point of view the science of folklore, which traditionally is divided in «field study» (expeditionary) and research folklore study, nowadays is on the one of crucial stages of its development — forming of folklore theory.

Professor V.P.Anikin, whose course of lectures on the theory of folklore was one of the first examples of generalizing theoretical observations in this area, is fully justified in saying that: «The science begins when facts are embraced by theory, which can see regularity in them. Theory deals with common notions, categories, laws and principles. If we do not know laws and principles are not formed, if we can not observe facts from commonly accepted point of view, we have no science» [1; 26].

The situation, in which folklore study is to be seen today, appreciated by many researchers as «crisis». The reason for it is that the very perceptions of folklore as a notion, its conceptual essence and borders of meaning, functionality and forms of existence have changed. It is difficult to say, what the future theory is supposed to treat: traditional «classical» folklore («voices of the past», «living olden times») or contemporary folklore, which is so different from its cultural «predecessor»? The undisputable is that contemporary theory of folklore should be built with taking into consideration new notions of folklore, and should have as a basis renewed and differentiated terminology.

The process of identification of theoretical folklore study depends primarily on its fundamental problems, which researchers include in the sphere of its study. In other words, at the stage of forming in its sphere of science can be included categories and notions, which were chosen by the authors of lectures, special programs and textbooks on the theory of folklore on the quiet arbitrary grounds. It is obvious that such state of affairs is not peculiar only for folklore study; we can see it in other branches of humanitarian sciences as well (theory of literature, theory of language etc.). But the «degree of oscillation» in literary and linguistic theoretical categories, having as diversified plenty of theoretical conceptions as can be, still remains in commonly accepted borders — genre, type, literary direction, style, language of the text etc.

Aforementioned situation can be explained by the long history of literary studies, which took its origin in antique times, by the rich experience, acquired by this practice worldwide, by constantly renewing material for researches, all literary texts, old and new, included etc.

In contrast to the said before theory of folklore (even in the sphere of higher education) surprises by inconsistency of its content. On equal terms in the theory of folklore is included folklore, ethnographic, linguistic, psychological, semiotic, notions from literature and culture studies etc.

However, the process of science development states different demands. It is crucial that every theoretical category of folklore should be analyzed from following points of view: its ontological essence, specificity, functionality, justification of including it in the theory of folklore and its meaning for theoretical folklore study. Sphere of folklore study theoretical problems, thesaurus of theoretical notions and their definitions should be determined. Otherwise theoretical folklore study is in danger of losing all its meaning and usefulness.

It was mentioned before that several endeavors were made to build the theory of folklore, but now it is important to begin with fundamental notions, which are the basis of the science.

One of such notions is *folklore text*. This category was not chosen at random. It is known that the division of folklore texts in types and genres, bearing certain designations, is but a conventional phenomenon and the result of the work, made by collectors and researchers of folklore. At the same time nation itself, the creator and the possessor of folklore, by no means tries to divide folklore material, verbal poetic creations, performed by its representatives in any genres or other types of nomination. For example, all variety of songs in Russian folklore (historical, ballads, quick songs, drawling songs etc.) among people are known merely as «songs», all the genres of fairy tales are merged in simple «fairy tales», narratives, not dealing with supernatural, are called «stories» etc.

Consequently the question arises: what do we hear from a performer? Is it anything we want to hear or anything that he or she performs? We do not hear anything like literary text, which was created in the borders of a certain genre and has certain title. What we hear is artfully connected, joined and interwoven words, sentences and phrases, in other words the phenomenon, which from the ancient times is known as «text».

History of science makes us see that folklore study for a long time actively has been using the category of text. But the notion itself in the sphere of folklore study gained different interpretations, reaching far beyond the borders of textual study. Evolution of the notion «folklore text», its functional and semantic reevaluation has in the basis common processes of development, existing as in folklore itself, so in the science treating it.

Term «text» in 50–60 years of XX century came in research folklore study from folklore textual study, which is a supplementary branch of science dealing with preparing verbal poetic texts to publishing. In its turn folklore textual study took system of categories from literary textual study. This fact made possible drawing an analogy between literary and folklore text and using in treating the latter such terms as «complete», «incomplete», «original», «edited», «highly artistic», «low artistic», «text of an author» etc.

It is obvious that such terminology (appropriate when talking about literary texts) is fully useless in the sphere of folklore. It created questions on which there were no answers: what is the criterion of completeness, originality, artistic merit of folklore text? What can we use to infer about «belonging» of the text to a certain author?

Because of objective reasons Soviet folklore textual study could by no means give necessary answers. At that time science had different tasks: it was crucial to preserve creations of verbal culture, to make all the treasures of epic creations, belonging to the nations of USSR, accessible for all. All these tasks were successfully fulfilled and even now works, which publishing practice of those years produced, did not lose their value.

Nowadays the answers on these questions are of axiomatic nature. In other words, there are plenty of variants, existing in folklore, and their functioning is dependant on many factors, such as place, time of functioning of folklore creation, life condition of its performer, original situation of performing etc. Because of it we can not see the ways one or another text goes in its development, therefore there is no the first and the last text, the best and the worst, we cannot speak about belonging of folklore text to a certain author, all the more.

For example, the fact that Russian epos exists in the form of separate bylinas about Ilya Murometz, Dobrynya Nikitich, Alyosha Popovich and other epic heroes, while other nations' eposes are represented as conglomerates is not yet scientifically explained. Where we are to find «fullness»: can we say that there existed a conglomerate which lately dissolved in separate elements or that only independent songs, which did not form conglomerate (because of the reasons unknown) existed?

Which Russian fairy tale it is possible to consider «full»? May be, fairy tale that logically represents the consequence of events (a fox pretended to be dead, stole from a man fish, which he had laid on his sledge,

learned a wolf to fish with the help of his own tail, wanted to get to the hens, but fell into a tub with dough and, finally, rode on the wolf, which lost his tail because he followed fox's directions, keeping saying that it is she, who underwent worse sufferings, because her brains were knocked out...). But at the same time, as a rule, this «logical and full» plot is known among people in the form of separate fairy tales: «The fox and the man», «The fox and the wolf», «Beaten carries unbeaten». Why it is so? The answer is that the very laws of folklore tradition create this state of affairs; these laws do not demand cause-effect conditionality or strict logic of events.

One more example: one of the highly popular Russian ballads begins in the following way: «*Prince Roman his wife was losing, / Losing, tormenting and throwing into the water...*» The hearer will never ask «why?» or «because of what?», it is known that ballads are meant to be tragic... But the logical fullness demands that the reason, why the prince killed his wife and the mother of his children, should be made clear... Furthermore, in folklore of any nation exist so called fables (cock-and-bull stories), turning-over stories and muddle, concerning which it is difficult to define type they belong to.

As to the artistic merit, this term loses its scientific definition in the sphere of folklore. Indeed, from whose point of view we are to judge? Is it the point of view of a collector (e.g. academician A.F.Gilferding), of a highly educated researcher (e.g. professor V.Y.Propp) or should we take into consideration opinion of an illiterate performer, whose cultural level can be low? The fact that there were two types of folklore in Soviet folklore study, official (accepted) and unofficial (forbidden, taboo folklore), does not seem to be accidental. According to a keen remark of an American scientist Dodson, Soviet folklore consisted in nine tenths of «fakelore» (falsified).

Has situation changed? Contemporary textual study of folklore, by definition, should use conception of folklore text and include it in the system of categories. It means that clear understanding as to the nature of this phenomenon should be achieved. In connection with it well-known specialist in textual study T.G.Ivanova states: «Historical-folklore textual study aims at the investigation of the multiform nature of the texts, representing verbal-poetic creations. A researcher enters the sphere of textual study when comparing and confronting one variant of a fable (bylina, song etc.) with another, discovering local variants and edited versions of a certain folklore creation, forming scheme on the genealogical correlation of the texts, sometimes discovering literary sources for a variant. The text in itself (not existing in it pagan conceptions, social content, poetic techniques, which create artistic value of a folklore creation, etc.) is the object for the research, conducted by scientists» [2; 6].

Elusive, almost metaphorical definition of folklore text as «the text in itself», according to our point of view, does not reveal the very notion of it. At the same time contemporary practice of textual study often treats folklore text at very liberal terms.

For example, in one of the modern works in the area of textual study term «text» is used as a synonym for «record», «variant», «version», «bylina», «plot», «extract»: «Priladozhskaya (existing in the regions surrounding lake Ladoga) tradition of bylina is represented in science by 6 texts (6 plots) (here and further fragments are accentuated by the author of the article — S.B.), «Episodes 9–11 from this complicated scheme are realized in priladozhskiy variant. <...> Nevertheless certain rare formula are reflected in priladozhskiy text — hero advises people to leave the place of his future execution, because the execution is going to be terrible», «Bylina «Dyuk Stepanovich and Shark-the-giant» ... is difficult to classify. The content of this text is following...», «Therefore the region under investigation is represented in science by three original texts of bylina. Judging from these records, we can conclude that people, who lived in the region of lake Ladoga in the second half of 19 century, remembered such traditional heroes of Russian song epos as Alesha Popovich, Ilya Murometz, Vasiliy Buslaevich...» [3; 25–35]. It is significant that in the title of this work and in the content, the part in which bylinas, their passport data and comments to them are included, the author called «Texts».

As we can see, term «text» in folklore textual study does not belong to the «strictly defined» class of terms, therefore it is often replaced by other terms, which have approximately the same meaning.

Therefore for the conception of textual study the notion of folklore text as a theoretical category is not current and it is usually used only in practice. It is significant that in «classical» bibliographical reference books, created by M.Y.Meltz and T.G.Ivanova there is a part with the title «Texts» in which publications of folklore are included [4].

In the whole, functioning of the category «text» in folklore textual study did not facilitate definition neither for the very concept, nor for its specificity in the sphere of science. On the contrary, the borders of folklore text became uncertain, that led to equating text with other notions of textual study.

In the sphere of research folklore study the problem of the text is even more complicated and difficult to solve. The reason for all this is that nowadays we do not hear folklore creations only from a performer, so to say in «living form». We can also hear it by the means of radio, audio and video tapes, and cinema, find it in Internet. In other words, new life conditions changed perception of folklore and made possible diversified interpretations of the notion «folklore text».

In fact, traditionally folklore is perceived as popular poetic creations of ritual or not connected with rituals nature, existing among the people in verbal form, in other words different charms, lamentations, fairy tales, songs, riddles, funny stories etc. Specialist in folklore study, analyzing folklore in reality deals only with the records of variants and versions of folklore creations. But such «records» can only record text, but not make it «written».

In contrast to the aforesaid nowadays declarations about new form of popular poetic creations, so called «written folklore», gained special productivity. To this type of folklore are included such phenomena as mascots, graffiti (records on the desks, walls, fences etc.), army albums, albums of girls, questionnaires, forms, rebuses, inscriptions on photographs, post cards, envelopes, glossaries, pseudo-explanations to abbreviations, computer «smiles», SMS etc. These «genres» radically changed the perception both of folklore text and folklore itself. As the result in the sphere of science were included following notions: city, court, school, student, soldiers, tourist, prison folklore, folklore of parachutists and archeologists, folklore of wards etc.

In other words, contemporary perception of folklore is (we can state it without exaggeration) a magnificent picture of in many ways different phenomena not confined only to cultural ones. From nominative and semantic point of view this situation is determined by different factors of ethnical, historical, scientific and educational nature. All this enables us to speak about such types of folklore as written folklore, postfolklore, antifolklore, folklore routine, verbal and non-verbal, spoken and oral culture, folklore subcultures, artistic communication within the limits of folk-groups, Netlore (folklore of Internet) etc.

American specialist in folklore A.Dundes includes in folklore along with the traditional fairy tales and riddles such phenomena as arts, medicine, instrumental music, dialectic speech, slang, names, nicknames, names of places, gestures, mimic, symbols, rough jokes, popular etymology, recipes of dishes, quilting and embroidery, cries of street vendors, traditional signals for calling animals etc. [5; 1–3].

It is obvious that such «motley» list is but a reflection of widespread in world science conception of folklore as universal phenomenon, embracing all manifestations of material and spiritual culture of a certain nation.

Perception of folklore as phenomenon of verbal spoken culture, on the other hand, created contrary tendency. Accordingly, contemporary glossary of Eastern Slavonic terms of folklore study includes in the sphere of folklore all forms of popular verbal element: greetings, oath, teasing, puns, vow, hailing, rumors, slander, cries of street vendors, sport shoutings, humoristic nicknames, curses, thieves slang and argot etc [6].

As we can see different countries and different scientific traditions are united by the common tendency of understanding folklore text as wide, almost unlimited phenomenon. Moreover, today folklore science can not exist in isolation. In our century of intensification, globalization and integration it experiences the influence of other spheres of social knowledge (language, culture, religion, psychology, informational and semi-otic sciences etc.).

For the science of folklore this situation resulted in appearing of two methodological tendencies in treating its object.

The first appeals to the ontological essence of folklore as «popular wisdom» and «popular knowledge», therefore it includes in the sphere of folklore all manifestations of material and spiritual life of a nation, which have their roots in the ancient times: rituals, superstitions, village habitations, national costume, household utensils, pieces of handicraft, popular toys, musical instruments, dances, songs, fairy tales, verbal narratives, riddles, proverbs, sayings etc.

Understanding of folklore in such «wide» sense is typical for the culture of many countries. For example, one of the founders of American folklore study, M.Barbo, considers that folklore is not only fairy tales and songs, plays etc. From his point of view we can see manifestations of folklore when a mother teaches her daughter to sew, to knit, to spin, to bake a pie, using an old recipe. If a farmer teaches his son on their hereditary field how to sow, how to till the ground or how to predict the weather with the help of the Moon and wind, when it is important while sowing or harvesting, it is also folklore we face. Folklore is to be described when a village carpenter, shoemaker or smith explains his apprentices how to handle the instruments, shows them how to build a house, make a spade, how to horseshoe or shear sheep [7; 398].

We can see that this interpretation of folklore in essence reduces it to the tradition in the «wide» sense of the word. That is, totality of knowledge, skills, abilities and experience of the past, which is transferred verbally from old generation to the new directly, in person, without using books and means of mass information etc.

Second methodological direction, which is current in domestic science, interprets folklore only as the art of words, popular poetic creation, existing in verbal form, so we can call it «philological» folklore study. Under the guidance of this direction science of our country identified folklore phenomena according to following criteria: verbal character, anonymity, possibility of variations, collectivity, traditional character and syncretism. At the same time collectivity and traditional character were included a priori in such category as artistic value and aestheticism. In other words, nations were considered as certain abstract substance, being at the same time creators and possessors only of artistic and aesthetically significant creations.

Above we revealed the delusiveness of this direction in the sphere of textual study. In the practice of collecting and researching it led to the ambiguous state of affairs.

Examples of popular creation of low artistic value or without it, sometimes unquotable (tokens, superstitions, curses, obscene language), creations dealing with taboo themes (erotic, sex, alternative forms of marriage), folklore of declassed people (beggars, thieves, convicts), all these forms were concealed, although they existed together with the traditional folklore.

The result of using these principles in selection of material was that considerable part of popular culture was isolated and left without proper scientific investigation for a long time.

On the other hand, definition of folklore as the art of artistic word revealed its vulnerable and artificial nature. Art, artistic value and words of folklore itself were perceived in the borders of literary aesthetics, but people do not differentiate these categories and their oppositions.

From our point of view, even nowadays, when all bans concerning unofficial folklore are removed, it is still hard for the researchers of the folklore to answer questions like: where in popular culture art «begins» and «ends»? What is the criterion we can use inferring as to the artistic value of folklore word (text)? And what is the «word» in folklore?

This fact is not accidental. What is the solution if this problem? From our point of view there are two clearly defined approaches to the folklore text, existing in contemporary theoretical folklore study.

First approach we can define, roughly speaking, as traditional or historic-typological approach. Representatives of it prefer «narrow» sense of the folklore text and perceive folklore only as «the art of words». According to their interpretation folklore text is certain verbal spoken (orally formed) text, functioning among people.

As we can see, according to the mentioned conception folklore text is only the verbal side of a creation. All that is beyond it (rituals, activities, mimic, gestures, objects, situation, reaction of audience etc.) is meant to belong to the condition of performing, having nothing to do with the text itself. Within the limits of traditional conception investigation of such phenomena was supplementary process and the research of them was handed over to other branches of science, such as ethnography, music and handicraft study etc. In other words, it was up to a researcher to decide whether it is necessary to take so called context and background knowledge (historical, ethnical, ethnological) into consideration or not, because the verbal folklore text was perceived as all-sufficient phenomenon.

Negative character of this conceptual approach to the literary text found its reflection figurative statement of Y.M.Lotman: «literary creation, which is perceived in and of itself, without certain cultural context, without defined system of cultural codes is like an «epitaph on an unknown language» [8; 255].

Second approach can be defined as innovational, structural-semiotic. Representatives of this approach prefer «wide» sense in interpretation of folklore text. Basing their interpretation on informational and semiotic sciences they understand folklore text as a realization of certain structure, scheme, model or totality of sings, codes, symbols, different «languages».

Owing to this approach not only «words» were distinguished in folklore text but also something that stands behind these «words» and explains them. The result was that such sciences as linguistic folklore study, ethnolinguistics, ethnopedagogics and psychological linguistics came into being. In many respects these branches of science inherited ideas from A.N.Veselovskiy and A.A.Potebnya's researches in the sphere of language and folklore.

N.I.Tolstoy, basing his statement on the rich experience of linguistic culture study, proposes following interpretation of folklore text: «...from the point of view of semiotics, culture has many languages and even in one and the same texts it often uses several of them. In this case we understand text not as consequence of

written and spoken words, but as a spoken consequence and connected with it certain consequence of activities directed to different objects, which have symbolic meaning» [9; 23].

In other words, folklore text as it is understood in traditional way, from the point of view of ethnolinguistics is only one of the languages, «words» or codes of indivisible semiotic text. This text consists of three sing components: ritual (actional), objective (real) and spoken (verbal). As an example of such texts we can take Russian ritual of «kolyadovanie» or «carol-singing». Here ritual activities (going from court to court, strewing of grain), objects used (grain, ritual food, coins etc.) are accompanied by performing of folklore (Christmas well-wishing songs). Obviously enough that such interpretation widens the borders of the text space and appeals to the wide culture study context.

Conception mentioned above influenced views of other researchers. V.M.Gatzak, for example, interprets folklore as «manysubstantive phenomenon», «first natural multimedia system» and suggests to treat folklore text not as «single» or «unilineal» but as «fascicular (bundle-like)» phenomenon [10; 311].

Ethnographers and culture study specialists propose their own interpretation of folklore text. Basing on the tight connection between folklore and everyday life, culture of people they propose such notion as «folklore-ethnographic text.» Text is supposed to have «central unit», which can be of «music-poetic, instrumental-choreographic or another nature» [11; 12]. As we can see, according to this conception, a folklore text is a certain «metasystem», the center of which can be verbal, music or choreographic «text». This kind of text, as complicated structural-semiotic unit, is no more confined in the borders of folklore and becomes special communicative instrument.

It is important to underline the fact that all the conceptions mentioned above, as diversified as they can be, still have something common in several positions. First of all, they state that folklore text is different from literary one. At the same time it is acknowledged that folklore text is many-sided phenomenon (this variety can be the result of traditional syncretism or semiotic nature of folklore). Hence takes its origin common tendency among researchers to widen borders of text space in folklore and treat it with taking into consideration facts, analyzed by other humanitarian sciences.

Therefore, contemporary folklore study, suggesting different interpretations of folklore text, based on the new conditions of its existence and perception, is in the search for theoretical solution as to its scientific status and specificity.

References

- 1 Аникин В.П. Теория фольклора: курс лекций. — М.: Изд-во МГУ, 1996. — 408 с.
- 2 Иванова Т.Г. Специфика фольклористической текстологии // Русский фольклор: Проблемы текстологии фольклора. — Л.: Наука, 1991. — С. 5–21.
- 3 Иванова Т.Г. «Малые» очаги севернорусской былинной традиции: исследования и тексты. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. — 455 с.
- 4 Мельц М.Я. Русский фольклор: библиографический указатель. — Л.: Наука, 1981. — 477 с.; Иванова Т.Г. Русский фольклор: библиографический указатель. — Л.: Наука, 1990. — 500 с.
- 5 Dundes A. The study of folklore. — England: Prentice-Hall, 1965. — 481 p.
- 6 Восточнославянский фольклор. Словарь научной и народной терминологии. — Минск: Наука и техника, 1986. — 478 с.
- 7 Funk and Wagnalls standard dictionary of folklore, mythology and legend. — New York: Funk and Wagnalls Company, 1949. — Vol. 1. — 1196 p.
- 8 Лотман Ю.М. Об искусстве: Структура художественного текста. — СПб.: Искусство-СПб., 1998. — 704 с.
- 9 Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. — М.: Индрик, 1995. — 512 с.
- 10 Гацак В.М. Этнопоэтические константы в фольклоре: уровни, изоглоссы, «мультимедийные формы» (на славянском и неславянском материале) // Литература, культура и фольклор славянских народов. XIII Междунар. съезд славистов (Любляна, 2003, август). Доклады российской делегации. — М.: Наука, 2003. — С. 310–315.
- 11 Лобкова Г.В. Древности Псковской земли. Жатвенная обрядность: образы, ритуалы, художественная система. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. — 224 с.

С.Ж. Бралина

Фольклор мәтінінің теориясы

Мақалада фольклор мәтінінің ұғымы және теориясы қарастырылды. Осы мақсатты басшылыққа ала отырып, фольклор мәтінінің текстологиялық, концептуалдық, синкретті, семиотикалық, функционалдық сипаттамасы анықталды. Ғылыми танымның әмбебап категориясы (санаты) ретінде мәтінді ауыз әдебиеті саласындағы мамандар белсенді түрде қолдана бастады. Осының нәтижесінде зерттеу тәжірибесінде «ауыз әдебиетінің мәтіні» («фольклор мәтіні») деген ұғым берік қалыптасты. Алайда бұл ұғымның өзі ауыз әдебиеті туралы ғылымда түрліше түсіндіріледі және ол түсіндірулер таза текстология шегімен шектеліп қалмайды. Ауыз әдебиетінің мәтіні ұғымының эволюциясы, оны семантикалық және функционалдық жағынан қайта қарау ауыз әдебиеті мен ол туралы ғылым дамуының ортақ үрдістерімен байланысты. Мақалада көрсетілгендей, концептуалды маңызды мәселенің бірі — дәстүрлі және қазіргі фольклордың пәндері, олардың идентификалық белгілері және қолданылу ерекшеліктері туралы зерттеу. Қазіргі заманда фольклорды тікелей орындаушыдан «тірідей» тыңдап қана қоймай, жинақтардан оқуға да, радиодан, аудиозахбадан тыңдауға да, бейнетаспадан, кинодан көруге де болады. Бүгінде халықтың поэтикалық шығармашылығының жаңа түрлеріне — жазбаша фольклор, постфольклор, антифольклор, күнделіктік фольклор, вербалды және вербалға қарсы, сөйлеу және ауыз мәдениет, фольклор субмәдениеттер, folk-топтар, Netlore (Интернет фольклор) аркалы көркем коммуникация және т.б. жатқызылып жүр. Мақалада фольклор мәтінінің қазіргі тұжырымдамаларға ерекше назар аударылды. Фольклор мәтінінің қарастырылған тұжырымдамалары сырттай ұқсас болмаса да, түрлі өлшемдері жағынан бір-біріне жақын екенін атап айту керек. Автордың ойынша, ең алдымен, олар фольклор мәтінінің дербестігін, оның әдеби мәтіннен айырмашылығын көрсетеді. Сол себепті де зерттеушілер фольклор мәтіні кеңістігін кеңейтуге, оны басқа гуманитарлық ғылымдардан белгілі мәліметтермен байланыстыра қарастыруға ұмтылады.

С.Ж. Бралина

Теория фольклорного текста

В статье рассмотрено понятие фольклорного текста. С этой целью выявлены его текстологические, синкретические, семиотические, функциональные особенности. История науки убеждает, что фольклористика давно и активно пользуется категорией текста, однако само понятие, выделено автором, приобрело в науке о фольклоре различные толкования, далеко выходящие за пределы сугубо текстологических. Эволюция понятия фольклорного текста, его семантическое и функциональное переосмысление обусловлены общими процессами развития как самого фольклора, так и науки о нем. Концептуально важно в статье исследование проблемы предмета традиционного и современного фольклора, его идентификационных признаков и особенностей бытования. Сегодняшнее представление о фольклоре, отмечено в статье, — это грандиозная картина разнообразных по масштабам явлений, относящихся как к области культуры, так и вне ее пределов. И номинативно, и семантически эта картина обусловлена различными факторами этнического, исторического, научно-образовательного характера, позволяющими говорить о наличии письменного фольклора, постфольклора, антифольклора, фольклорной повседневности, вербальной и невербальной, речевой и устной культурах, фольклорных субкультурах, художественной коммуникации в рамках folk-групп, Netlore (Интернет фольклора) и т.д. Особое внимание уделено современным концепциям фольклорного текста. Рассмотренные концепции фольклорного текста при внешнем несхождении близки друг другу по ряду позиций. Прежде всего, определено автором, они утверждают самостоятельность фольклорного текста, его отличие от литературного. Отсюда и общее стремление исследователей — расширить границы текстового пространства в фольклоре, рассматривать фольклорный текст на широком фоне сведений, предлагаемых другими гуманитарными науками.

References

- 1 Anikin V.P. *Folklore Theory: Lectures*, Moscow: Publ. MSU, 1996, 408 p.
- 2 Ivanova T.G. *Russian folklore: Problems of textual folklore*, Leningrad: Nauka, 1991, p. 5–21.
- 3 Ivanova T.G. «Small» centers of northern Russian epic tradition: *Studies and texts*, Saint Petersburg: Dmitry Bulanin, 2001, 455 p.
- 4 Melzi M.Ya. *Russian folklore: Bibliographical Index*, Leningrad: Nauka, 1981, 477 p.; Ivanova T.G. *Russian folklore: Bibliographical Index*, Leningrad: Nauka, 1990, 500 p.
- 5 Dundes A. *The study of folklore*, England: Prentice-Hall, 1965, 481 p.
- 6 *East Slavic folklore. Dictionary of scientific and popular terminology*, Minsk: Nauka i technika, 1986, 478 p.

-
- 7 *Funk and Wagnalls standard dictionary of folklore, mythology and legend*, New York: Funk and Wagnalls Company, 1949, 1, 1196 p.
 - 8 Lotman Yu.M. *About the Art: The structure of a literary text*, Saint Petersburg: Iskusstvo-Saint Petersburg, 1998, 704 p.
 - 9 Tolstoy N.I. *Language and Popular Culture: Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics*, Moscow: Indrik, 1995, 512 p.
 - 10 Gatsak V.M. *Literature, culture and folklore of the Slavic peoples*. XIII International Congress of Slavists (Ljubljana, August, 2003). Reports of the Russian delegation, Moscow: Nauka, 2003, p. 310–315.
 - 11 Lobkova G.V. *Antiquities of Pskov land. Reaping ritual: the images, rituals, art system*, Saint Petersburg: Dmitry Bulanin, 2000, 224 p.

С. Ысқақұлы

Іле педагогикалық университеті, ҚХР
(E-mail: 554323028@qq.com)

Көдек шығармаларындағы әлеуметтік сарын

Мақалада Көдек өлеңдерінде өзі жасаған дәуірдің қоғамдық бітімі айқын бедерленді. Ақын заманның сыр-сипатына үңіле отырып, оған өзінің тұрғы-танымдарын, байламын байыптап айтуды дәстүр тұтып, замана сыры, қорлық пен зорлық көріп, азып-тозған ел жайы, халықтың мұң-наласы мен ыза-кегі, арман-мұратының айнасы іспетті көркем туындылар жазды. Халық сөзін айтып, ел өмірінің жанды суретін өз өлеңдерінде бейнелеп берді. Қоғамның, әлемнің даму бағыттарын бағамдап қана қоймай, қоғамдық ой-санаға әсер етті. Оның өлеңдерінде әлеуметтік сарын молая түсіп, жан-жақты көрініс тапты.

Кілт сөздер: дәуір, қоғамдық бітім, халық сөзі, өлең, әлеуметтік сарын, қисса, дастан, қуғын-сүргін, ақын, шыншыл.

Көдек Маралбайұлы 1888 жылы Алматы облысының бүгінгі Райымбек ауданына қарасты Шалкөде деген жерде дүниесі ашты. Көдек бала кезінде түрлі себептердің салдарынан мектеп бетін көрмеген. Тек «он үш жасқа келгенде өз жамағайыны Мұқайдан «Әліпбиді» үйреніп, сауатын ашқан. Осыдан кейін ол бұрынғыдан да көзі ашылып, ел ішіндегі ертеден келе жатқан қисса-дастандарды, өнегелі жазба кітаптарды оқып, көңіл сарайы онан ары ашыла түседі. Өз алдына өлең құрап жазатын болады» [1].

Көдек есейе келе, қоғам дертін, тағдыр тауқыметін көп тартты. Көдек басынан кешкен осы ащы-тұщы тағдырлар оның дарынды ақын болып жетілуінің тағы бір негізі, қоғамдық қайнары еді.

1916 жылы Жетісу жеріндегі ұлт-азаттық қозғалысы (Қарқара көтерілісі) патшалық Ресейдің қанды қырғынына ұшырап, оған қатысушылар қудалана бастағанда, осы көтерілістің бел ортасында жүрген Көдек те ауа көшкен босқын елмен бірге Қытай асып кетеді.

Ел басына төнген осы бір трагедиялы ауыр халді ақын өзінің «16-жыл туралы» дастанында бейнелейді. 1917 жылы Кеңес өкіметі орнап, ақ патша аударылыпты. Ел ес жиып, теңдікке қолы жетіпті деп естіп, елеңдеп қопандаған бір бөлім босқын жұрт қайтадан көшкенде, солармен бірге топ басында Көдек те келеді. Ауылдық кеңестің төрағасы болып істейді. Бұл мезгілдерде ақын кедейдің кеңесін жырлап, «Мұғалімдерге», «Кеңес» қатарлы өлеңдерін жазса, тағы бір жақтан шаш ал десе, бас алатын солақай асыра сілтеушілерді шенеп өлең шығарады.

30-жылдарға келгенде әсіре солшылдық күшейіп, елдің бас көтерерлерін қуғын-сүргінге салу, атып-шабу, кәмпескілеу асқына түседі. Осы қатарда ақын Көдек те «Кеңес өкіметіне қарсы шықты» деп айдар тағылып, Сібірге сүргінге айдатпақ болғанда, туған жерінен бой тасалап кетуге мәжбүр болады. Сөйтіп, ол тағы да Қытай шекарасынан жасырынып өтіп, үй ішімен Іле облысы Моңғұлкүре ауданының Ақдала ауылына тұрақтайды. Ол туралы ақын:

*Бұл жаққа жанымды алып өтіп кеттім,
Орыстың ілінген соң жаласына-ай.
Ойлады аманымда кетейін деп,
Тура келмей тұрғанда жазасына-ай.
Шошаңдап ақырында қашып тындық,
Мал-жанды қарақшыға тонатып-ай.
Келдік те Аттауында тұрып қалдық,
Не күй бар жайлы қоныс шолатындай, —*

деп толғайды [2; 153, 154].

Көдектің осыдан кейінгі өмірі де онша мәз болмайды. Өйткені бұндағы әділетсіз өкіметтің озбыр саясаты «қашқын-босқын» елді де едәуір әуре-сарсаңға түсіреді. Алайда құбылмалы заманның қыры мен сырын, дәуір ауқымын сараптай білген өр мінезді, өжет ақын қытымыр қыспаққа мойынсұнбай барынша ширап, отты жырларын селдетеді. Тұтас Іле өңірін — Іле-Текес, Қас-Күністі аралап ақындығын ұштай түседі. «Бұл заман», «Кең Текес», «Сасан ауылына барғанда», «Жауап хат», «Тұрғын елді аралау» қатарлы алуан тақырыпты толғаулар жазып, ондағы халықтың аянышты халін,

азапты тіршілігін жырына арқау етеді. Оларды оянуға, бас көтеруге шақырады. Осы арқылы өзінің шыншыл да сыншыл реалист ақын екендігін әйгілейді.

Көдек Маралбайұлы 1937 жылы науқасқа шалдығып, көп ұзамай халық арасында жүрген бір емшінің алмаспен қате емдеуінің салдарынан Текестің Мыс деген жерінде 49 жасында жарық дүниемен қоштасты.

Көдек шығармалары өз заманында, одан кейінгі жылдарда да ешқандай басылым көрмеді. Көбірек ел көкейінде жатталып қалды. Оның халық жүрегінен жол табуының басты себебі де ақындық қуаты мен сол қуатты тудырған өміршең жырларының болғандығы еді. Халық арасында бояуы өшкіндемей, таза күйінде сақталып келгендіктен, ақынның бір бөлім мұралары бір ізге түсіп жинақталып, 80-жылдардың басында ғана баспа бетін көре бастады. Бұл игілікті жұмысты атқарған ақынның өз ұлы Айтуған мен белгілі ақын баспагер Тәліпбай Қабаевтың еңбегін айрықша айтуға болады. Міне, осы кісілердің жинақтауы арқылы 1984 жылы Қытайдағы Шынжаң жастар-өрендер баспасы жанынан «Көдек» деген атпен жеке кітап болып басылып шықты. Сонан 1988 жылға келгенде бұл кітап ақынның кейін табылған бірқатар өлең, толғауларымен толықтырылып, екінші рет қайта басылды. Осыдан кейінде табылған бірқатар туындылары баспа бетінде жарияланды.

Көдектің бала кезіндегі өлеңдері көбінде тық етпе, әзіл-оспақ негізіндегі бір-бір шумақтан аспайтын қысқа, бірақ нысанаға дәл тиетін қағытпа, ұрма өлеңдер болып келеді. Ат жалын тартып мініп, балиғатқа тола бастағанда өлеңдерінің бет-бағдары әлеуметтік-азаматтық тақырыпқа ойысады.

«Қайынға барғанда», «Бұқараға барып қайтқанда» атты дастандар мен бірнеше кең тынысты, мақамды толғаулар жазады.

Кезінде Ә.Тойғанбекұлының «Көдек өлеңдері — өз дәуірінің айнасы. Ақын өлеңдерінің оқып отырғанымызда әр жік, әр тап, жай бұқараны да, тіпті өзін де көруге болады. Замана да, ел басынан кешкен күндер де мен мұңдалап шұбырып өтіп жатады. Әрқайсысын дәл таразылап, өзіндік бағасын, келбетіне шақты, жарасымды қалпағын кигізе, шапанын жаба білген» [3; 60], — деп жазғанындай, Көдек өлеңдерінде өзі жасаған дәуірдің қоғамдық бітімі айқын бедерленді. Ақын заманның сыр-сипатына үңіле отырып, оған өзінің тұрғы-танымдарын, байламын байыптап айтуды дәстүр тұтып, замана сыры, қорлық пен зорлық көріп, азып-тозған ел жайы, халықтың мұң-наласы мен ыза-кегі, арман-мұратының айнасы іспетті көркем туындылар жазды.

Көдектің шыншыл да мұңшыл әрі көпшіл ақын болатыны — сонау Ресей патшалығы мен Қытайдың сол кездегі зорлықшыл саясаты мен елдің басына төнген ауыр да мүшкіл халын бүкпесіз көрсетумен бірге, барша халықтың мұңын мұңдап, жоғын жоқтай білуі. Ол әсте жеке басының күйін шерткен ақын емес. Мысалы, «Албан тарихы» деген толғауда:

*Қазіргі патшаның заманының,
Тоғайдай өртең шалған әрі кеткен.
Ордалы жыландай боп шағып отыр,
Халыққа қысымы мен зәбірі өткен...
Қараған патшаға елді көрсең,
Тоғайдай өртең шалған әрі кеткен.
Қыршаңқы қызыл шұнақ ат сияқты,
Сымпып құйрығы мен жалы кеткен, —*

деп «халыққа қысымы мен зәбірі өткен» патшалық Ресейдің отарлау саясатының қиянатын танып, еңсесі түскен қалың қауымның ауыр халін дәл бейнелесе, ақындық биігі мен азаматтық болмысын танытар ұлағатты туындысы «16-жыл туралы» дастанында:

*Ақ патша әділеттен тайғаннан соң,
Соғысқа бала бер деп қылды пәрман.
Өлсек те бұған бала бермелі деп,
Қырылды Қарақолда өңішең бағлан.
Басшыдан ақыл табар айырылған соң,
Сандалып, Бұқарадан кетті дәрман...
Бұғымен қатар жатқан Албаным-ай,
Құлаштап татыраңға салғаның-ай.
Ош, Мерке, Қайнатпатұз, кең Қарқара
Құлазып бекер босқа қалғаның-ай.
Қырылды Қарақолдың түрмесінде
Кемеңгер жұрт бастаған саңлағым-ай.*

*Басшыдан ақыл табар айырылған соң,
Албанның бекер босқа сандалуы-ай.
Бір-бірден әр мәліге тозып кеттік,
Шыдайын қайтіп мұны арман қылмай.
Атқылап кез келгенін қырғаннан соң,
Шыдамай қашып кеттік зардабына-ай, —*

деп әділетсіз өкіметтің қысымынан босқын болып ауа көшкен елдің тартқан тауқыметі мен шеккен азабын етжүрегі езіле отырып толғайды.

Бұл кез зерттеуші Д.Мәсімханұлының сөзімен айтсақ: «Қытайға барған «қашқын-босқынды» былай қойып, ондағы жергілікті ағайындардың да жетісіп отырмағаны белгілі болатын. Яғни, ол кез Қытайдың жергілікті шенеуніктері мен олардың қазақ қолшоқпарлары халықты қанау мен отаршылдық езгіні ең бір асқындырып тұрған кезі еді» [4]. Сол бір нәубет жылдардағы халықтың басына қара бұлт үйіріліп, күйзелісті күй кешіп отырған жадағай тұрмысын ақын «Кең Текес» атты толғауында:

*Меншікті жер мен судың иесі бар,
Кедей мен кембағалға жер жетпеген.
Қысы-жаз, күндіз-түні тыным алмай,
Өмірі барады өтіп бейнетпенен...
Күйі ауған нашар байғұс толып жатыр,
Кетіпті есеңгіреп шығынменен.
Күн қақты қарашалар көп-ақ екен,
Жылқының жауырындай шыбын жеген, —*

деп мейлінше шынайы суреттейді. Қытайдағы әділетсіз үкімет қашып барған жұрттың да тұрмысын едәуір тұралатып, оларды әбден титықтатқаны белгілі. Мұны да ақын жасырмай айтады:

*Үйі жоқ қашып келген қашқын байғұс,
Қыстағы шыдамады борасынға-ай.
Жер қазып, суыр құсап кіріп алған,
Жапасы үш сиырдың қорасындай.*

Зорлық-зомбылықтан қашып-пысып барған елдің халі осындай. Әуелі көп нәрседен шектеліп те, шеттеліп те, қолындағы барын талатып та күн кешеді. «Тіпті жергілікті өкіметке арқа сүйеген паракор пысықайлар ауған елді олжалап қалуды мақсат етеді.

*Талаудан тәуір атың аман келсе,
Сұратып мансаптылар алатын-ай.
Қолынан сұрағанға бермей қойсаң,
Алатын шабарманға сабатып-ай [5; 23].*

«Басқа түссе баспақшыл» демекші, мұндай астамшылыққа да, жоқшылыққа да шыдайды. Жабырқап жүріп жанын бағып, күнін көреді. Сондықтан да ақын:

*Жүргенде мұртқа өкпелеп, сақал шықты,
Мұнысы жақсылық па, сұмдық енді.
Ел болмай осы бойдан кетер ме екен,
Қолына тимей тізгін, шылбыры енді?! —*

деп елінің ертеңін ойлап қабырғасы қайысады. Кеңес өкіметінің қорлық-зорлығынан қашып, Қытайды паналап келгендегі көрген күні мынау болғанда, бүтіндігі бөлініп, торғайдай тозған ел қайтадан басы қосылып, өз тізгініне өзі ие бола ала ма дегенге өзінің күдік-күмәнін да жасырмайды. Ауған елдің ауыр тұрмысын көзімен көріп, өзі де басынан кешірген ақынның жаны жай таппай күйзеледі. Алайда талай құқайды басынан өткерген аңғарлы ақынның пайымдауынша, кер заманның кереғарлығы мен зұлымдығына ілігіп, «шықпа жаным шықпамен» тіршілік етіп жата берсе, бодандықтың мәңгілік құлы болып, өмірі өксумен өте береді. Сондықтан:

*Оңайлықша бұл азап арылмайды,
Нөсер бұршақ алмаса сел бол келген, —*

дейді. Тек етек-жеңін жинап серпілгенде, бел шешіп, білек сыбанып бас көтергенде ғана азапты өмірден арылып, еркіндік, теңдікке қолы жететіндігін айтып, жатпай-тұрмай насихаттайды.

Көдек ақын қандай тақырыпқа келсе де, баяғы өзінің шыншылдығынан таймаған. Өктемдік пен келеңсіздікке кектеніп, оны сынаған, елім деп еңіреген тұстары көп. «Көзден жас, көңілден шер

кетпеген» елдің күйі мен жан азабын жете түсініп, заман мінезін айыптауды басты нысанаға айналдырған.

«Көдек ақынның тағы бір қыры — сын-сықаққа бейімділігінде. Ол сын семсерін қулардың сұм-сұрқиялығына, зорлықшылардың асқақ астамшылығына қарсы сілтейді» [5; 47]. Әділетсіз өкіметтің жергілікті қол шоқпарлары — ауылдағы ел басқарған атқамінерлердің жағымсыз мінез-құлық, бейне-портрет, іс-әрекеттерін уытты тілімен түйрейді. Мәселен, «Сасан ауылына барғанда» атты толғауында «болғанмен сырты бүтін, іші түтін» Сасан ауылының сыр-сипатын өзек ете отырып, сол кездегі халықтың әлеуметтік жағдайын айшықты бейнелейді. Осы ауылдағы мансап пен байлыққа мастанған «азулы, аты шулы» ел билеушілерді бір-бірлеп таныстырып, олардың жағымсыз образын жасайды.

*Дәулеті атасынан үзілмеген,
Шұбар төс, шыншыр балақ шонжарың жүр.
Әлсізге әкіреңдеп, байға шұлғып,
Азулы, аты шулы шомбалың жүр.
Семірген жуан қарын Нүкежанды,
Бір жылқы әрең тартып, зорға алып жүр...
Бір-екі шабарманын мен де көрдім,
Елінен жүйрікпенен жорға алып жүр.
Біреудің пәлен атын әкел десе,
Еріксіз ұрады екен шалманы бір.
Ырыс-құт соятұғын керек болса,
Ілінген қой-сиырға қармағы жүр.
Біреудің қора-жайын былай алып,
Әркімге тиген екен зардабы бір.*

«Әлсізге әкіреңдеуді әдетке айналдырған шынжыр балақ, шұбар төс» жуан жұдырықтардың сиқы осы. Олар қара халыққа аяушылық ету дегенді білмейді. Істейтіні зорлық пен қастық, ойлайтыны баюдың, пара алудың амал-айласын жасау. Тіпті осылардың бұйрық-жарлықтарын орындайтын, шаш ал десе, бас алатын шабармандардың халыққа жасайтын ылаңы, әуре-сарсаңы да аз емес. Олар — жүрген жерлерінде шу-шұрқан шығарып жүретін қыңыр-қисық жырындылар.

Біреудің астындағы аты, қорадағы қойы, басындағы үйі, қаптағы тарысы — бәрі әкіреңдеген әкімдердің ашса алақанында, жұмса жұдырығында. Жұрттың ыза-кегін қайнататын бұларға ақынның ащы мысқыл, өткір сын семсерін түйрейтіні сондықтан.

*Ұлықтан Мақсұт мығым жолықты деп,
Елінің бәрі жылап, зар қағып жүр.
Табанды бай кісідей маңызды емес,
Секілді жемір сиыр жалманып жүр.*

Елін зар жылатқан қара жүрек, аранын ашқан тойымсыз ұлықтың сиықсыз кейпін «жемір сиырдай жалманып жүр» деп ащы ажуамен келеке етеді. Енді бірде:

*Бір ауыз сөздің жөнін айтар болсаң,
Қақбасқа қамшыменен салғалы жүр.
Шалағай, шатынаған мінезі бар,
Ішінді ашуланса, жарғалы жүр,—*

деп «шатынаған мінезі бар», қоқандаған залымдардың, қатыгез қитұрқылығын мінейді. Мұндай әшкерелеу мен мінеп шенеу «Кең Текес» атты толғауында да қомақты орын алады. Мысалы:

*Заманын бұ Дұтыңның көріп едік,
Еңбегін бұқараның сіңірмеген.
Шабарман шеріктері жүргенінде,
Жылқыда ат қалды ма мінілмеген.
Жарлының жалғыз атын мініп алып,
Арқасы жауыр болып іріңдеген.
Бір ауыз сөз қайырып жауап айтсаң,
Ілінді бір пәлеге қырын келген.
Нашарға өте-мөте қырын келіп,
Кім қалды ол уақытта сүрінбеген?*

*Тоңқайтып дүре басып кетуші еді,
Биенің құйрығындай құлын жеген.
Жаныңды ұрған сайын шығаратын,
Бұзау тіс қамшысымен жұмыр келген.
Құйрықтан қан аралас су шығатын,
Бекітіп тоқтатпасаң тығынменен.
К..не көсеу таңба басылған көп,
Жігіттер, ұмыттың ба шыныменен?*

Ойларына келгенін істеп, барлық ақыл-айласын қара басының қамы үшін жұмсайтын зорлықшыл жуандардың халықты қан қақсатып, әбден ығыр еткен оспадарлығы мен рақымсыз жауыз кеспірін уытты сатиралық серпінмен ашады.

Демек, талданған өлеңдерде «ақырған мансаптының да, асқан озбыр байлардың да образы бар, зорлық-зомбылығы бар, алдап-арбауы бар. Ал кедей қауымның қасіретке толған аянышты өмірі бар. Ақынның оларға болған ыстық аяушылық сезімі бар» [6; 23].

Көдектің көтерген көкейкесті тақырыбының ендігі бірі — неке еркіндігі туралы. Ақынның бұл тақырыпта 1904 жылы жазған «Қайынға барғанда» атты шағын дастаны бар. Шығармада бұрынғы қазақ қоғамының әдет-салты бойынша сәби балаға бойжеткен қызды атастыруы сынды теңсіз неке заңын әшкерелейді және мінейді. Сол тұста жастардың өздерінде ерік болмады. Жас кездерінде-ақ біреуге атастыру, кейде қыздарды қалың мал алып, ұнатпаған адамдарына қосатын келеңсіз әдеттер де болған. Өз теңдеріне қосыла алмай, тағдыры тәлкек болған жастардың өмірі өкінішпен аяқталатын. Әйелдің қоғамдық орны төмендетіліп, оларды кем санайтын. Дастанда, міне, осындай таным-түсініктің көлеңкелі көрінісі өзек өрім етіліп, ескі жол-жосық салдарынан туындайтын неке теңсіздігі сыналды.

Әдебиеттер тізімі

- 1 Қабаев Т. Көдек — демократ ақын // Шынжаң газеті. — 1999. — 17 тамыз.
- 2 Мәсімхан Д. Сарап. — Астана: Елорда, 2001. — 238 б.
- 3 Тойғанбекұлы Ә. Өлең құшақтап өткен ақын // Шұғыла. — 1998. — № 4. — 60-б.
- 4 Мәсімхан Д. Әсет өлді, ал Көдек неден өлді? // Қазақ әдебиеті. — 2000. — 21 қант.
- 5 Сейітжанов З. Шынжаң қазақ әдебиеті. — Алматы: Қазақ ун-ті баспасы, 1999. — 185 б.
- 6 Көдек. Шығармалары. — Үрімжі: Шынжаң жастар-өрендер баспасы, 1988. — 142 б.

С. Ысқакулы

Социальные мотивы в произведениях Кодака

В статье показано, что в произведениях поэта Кодака отчетливо отображен облик общества, в котором он вырос. Автором подчеркнуто, что поэт обращает особое внимание на политический характер того времени, он считает своим гражданским долгом раскрыть в творчестве тему насилия над мирными гражданами, показать как происходило обеднение общества и как бедствовал народ. Отмечено, что в творчестве Кодака отражены заветные мечты народа, его стремления и цели. В статье доказано, что социальные мотивы стихотворений поэта послужили фундаментом для формирования общественного мнения.

S. Yskakuly

Social motifs in the works of the Codec

In the works of the poet Kodek clearly displayed image of the society in which he grew up. The poet emphasizes the political nature of the time, he considered it his duty, in his works without embellishments reveal the theme of violence against civilians, helpless impoverishment of society, and of evil people. Also, his work carries the cherished dream of the people and was a reflection of their goals. Thus, his poems are full of sociological motive, which influenced the development of public opinion. He spoke on behalf of the people and does not neglect the important events in the life of ordinary people. This article argues that the social motives of his poems were the formation of public opinion.

References

- 1 Kabayev T. *Shynjan newspaper*, 1997, August, 17.
- 2 Masimhan D. *Opinion*, Astana: Elorda, 2001, 238 p.
- 3 Toiganbekuly A. *Shugyla*, 1998, 4, 60 p.
- 4 Masimhan D. *Kazakh literature*, 2000, January, 21.
- 5 Seitzhanov Z. *Shynzhan Kazakh literature*, Almaty: Kazakh University Publ., 1999, 185 p.
- 6 Kodek. *Works*, Urumqi: Shynjan publ. house, 1988, 142 p.

ТІЛ МЕН ӘДЕБИЕТТІ ОҚЫТУ ӘДІСТЕМЕСІ МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ METHODS OF TEACHING OF LANGUAGE AND LITERATURE

UDC 372

K. Volli¹, M.A. Zhetpisbaeva¹

¹*Language Immersion Centre Foundation «Innove», Tallinn, Estonia;*

²*Ye.A.Buketov Karaganda State University
(E-mail: zhetpisbaeva_m@mail.ru)*

Terms of realization of the language immersion program

Multilingualism enhances mutual understanding and facilitates the formation of respect for cultural differences. The language immersion program has come a long way of development and become a natural part of the Estonian education system. The article describes the experience of Estonian kindergartens and schools on the implementation of the language immersion program and the results of using the methods of the content and language integrated learning. The conditions for successful implementation of the language immersion program are observed here, and some guidelines for teachers on how to create these conditions are given.

Key words: language immersion, the target language, content and language integrated learning, early and late immersion, cooperation.

Language immersion is a form of education designed to enrich the multilingual education and targeted to the successful acquisition of non-native, so-called target language. The aim of the language immersion program is to achieve equally high quality learning outcomes in the mother tongue, and in the target language, as well as in other languages. Immersion program got its start in Montreal, Canada. In the province of Quebec, programs that allow English-speaking children to learn both official languages of Canada, i.e. English and French, were created [1; 33].

Estonian language immersion program is based on the idea that multilingualism is a key to success in a multicultural society. Students enrolled in the immersion program successfully cope with their life in the society and retain their cultural identity.

The goals of immersion programs are that students would:

- achieve age appropriate levels of knowledge in all subjects;
- understand and speak, read and write in Estonian, be able to continue their studies in Estonian as well as in Russian;
- have proficiency in the Russian at the age appropriate level;
- preserve their national identity and respect for other cultures.

The immersion program is in accordance with the national curriculum, and the participation in it is voluntary for parents, children and the educational institution. Schools and kindergartens working in language immersion program, guided by common methodological principles of the program. Three main components are important for immersion programs: the subject, the language and learning skills.

Along with the phrase «language immersion», another concept, i.e. Content and Language Integrated Learning (CLIL) is used in the immersion program. Language immersion is a type of Content and Language Integrated Learning. The differences among various types of CLIL are determined by duration and intensity. However, all kinds of this learning are focused on acquisition of both language and subject matter knowledge as well as on development of learning skills and, ultimately, functional literacy.

Estonian language immersion program started in 1998, when the joint Estonian-Canadian project for the implementation of language immersion methodology was launched. Based on the Implementation Plan for

the years 1999–2003, in the year of 2000 selection of schools for participation in the project was made as well as the teacher training courses and the creation of educational material for 1st grades were organized.

In 2000, the immersion program began in four schools, and in 2015, 55 kindergartens and 36 schools have language immersion programs with over 7000 students and over 1000 teachers participating in the program (in total, there are 653 kindergartens and 528 schools in Estonia). In spring 2012, the first cohort of early-year immersion students graduated from high school. 25 % of the 82 graduates received gold or silver medals. These youngsters were the first group, who participated in the Language Immersion Program for the whole 12 years in school.

Immersion program in kindergartens started in 2003, and the number of children participating in the program is growing every year. Former Minister of Education Tõnis Lukas in one of his statements said about immersion, it is a kind of educational system in a nutshell: «... the Estonian language immersion program is suitable for students of any age. The development of teaching and learning materials held in groups like the Russian-speaking and Estonian-speaking schools. The result of this collaboration were the results of the PISA-test, where students from Estonia showed very good knowledge» [2].

In 2000, the Estonian Language Immersion Centre was opened, and the main tasks of the Centre were as follows:

- introduction and development of immersion programs in schools with Russian language of instruction;
- planning and coordination immersion programs;
- the development of curriculum, study materials and monitoring questionnaires;
- the exchange of information between schools and institutions;
- teacher training.

Since 2013, the activities of the Language Immersion Centre includes additional tasks:

- to describe the situation of transition to Estonian-medium subject teaching at the upper secondary school stage in order to make suggestions for improvement to schools, municipalities, teacher trainers, and the ministry;
- to support the study of the Estonian language in kindergartens and teaching subjects in Estonian in basic schools;
- to give advice and guidance to schools, which educate children who lived abroad and returned to Estonia, and provide them with the necessary materials, etc. [3; 29].

Estonian language immersion program is implemented mainly in kindergartens and schools with Russian language of instruction.

The concept of the language immersion method may be defined by three maxims:

1. At least 50 % of subjects are to be studied in the target language.
2. One teacher — one language.
3. Education is based on interdisciplinary integration and collaboration among teachers.

Educational institutions can join the language immersion program at three levels:

I (early immersion) — since the last years of kindergarten.

II (early immersion) — since the first grade.

III (late immersion) — since the sixth grade or earlier.

In Estonia, kindergartens implement one-way total or partial language immersion; and school curricula aim at implementing total language immersion. In addition to one-way language immersion (focused on Estonian as a second language), Estonia is on the way to implementing two-way immersion: Estonian and Russian are the target languages in groups that include children with both Russian and Estonian home languages. In 2013, the preparatory work for the implementation of two-way immersion model started.

The two-way language immersion is organized in a group with the equal number of Estonian and Russian-speaking children. One half a day the educational and play activity is conducted by one teacher in the Estonian language, and the other half of the day is organized by the other teacher in the Russian language.

The knowledge that the children gain with one teacher in one language is revised with the other teacher in the other language, but through different activities. While playing, the child communicates in the language of his/her choice. The knowledge that the children gain with one teacher in one language is revised with the other teacher in the other language, but through different activities. While playing, the child communicates in the language of his/her choice. Five municipalities and six preschool children's institutions have joined the two-way language immersion programme. For the sake of guaranteeing sustainability of the new programme,

the local governments also chose schools that are ready to enroll children from two-way immersion kindergarten groups and to provide them with the possibility to continue studying in the two languages. The first two-way language immersion groups in preschool children's institutions were opened in September of 2015.

In the case of the early total language immersion program, pupils are taught only in the Estonian language in the beginning. The study of the Russian language as the mother can begin in the first class in the second half, when it comes to children, also taught the language immersion program. In other cases, the beginning of the teaching of the Russian language should be postponed until the second half of the second class. The role of Russian-medium teaching increases gradually, until Russian becomes the language of instruction of 40 % of subjects in the 6th form. (In the early language immersion programme a pupils has acquired at least 60 % of studies in the Estonian language by the end of the basic school).

In schools, that chose late language immersion, the list of subjects and the amount of the teaching time in the Estonian language are determined by the language level needed by students to continue their education after primary school. In the 9th grade, the proportion of the hours for the Estonian language and subjects taught in Estonian should be at least 60 % of the total amount of hours.

Methods of the Content and Language Integrated Learning (CLIL) used in the immersion program is suitable for all students; it makes it possible to form multilingualism, and to achieve objectives according to the national curriculum.

CLIL gains special relevance in the conditions of realization of policy of trilingual education at comprehensive schools of Kazakhstan by creation of necessary conditions for the organization of educational process in the Kazakh, Russian and English languages and teaching separate subjects on one of them.

Integrated subject and language training should be carried out in accordance according to the methodological principles of conceptual bases of polylingual education considered in scientific literature:

- the principle of a continuity as communication, coherence and prospects of all components of system (the purposes, tasks, the contents, methods, means, forms) between levels of polylingual education (down);
- the principle of continuity as the factor providing integrity of all components of system (the purposes, tasks, the contents, methods, means, forms) at each level of polylingual education (across);
- the principle of «double occurrence of knowledge» provides parallel acquisition of languages through studying of language disciplines and through language of not language disciplines training (for example, the chemistry, physics are studied in English, history of Kazakhstan, the Kazakh literature — on Kazakh, the Russian literature, a world history — in Russian, etc.);
- the principle of functional activity of the languages contacting in ethnocultural educational space which means creation of conditions for active use of various languages according to needs and interests of society for the institutional sphere, and with interests and needs of the personality and separate social groups in extra institutional and informal spheres [4; 27].

Treat the private principles of the integrated training in a subject and language: threefold focus (training in a subject, development of speech activity in nonnative language, development of abilities to study); the safe and enriching educational environment; authenticity of the used materials; active training; cooperation [5; 16].

Feature of this technique consists in that, it can be used in various educational contexts when the knowledge of language becomes the instrument of studying of the maintenance of a subject. Thus language is included in the program of training, and need of immersion on language environment for possibility of discussion of subject material considerably increases motivation of use of language in the context of the studied subject.

Basic principles of language immersion coincide with other modern principles of learning a second language, that are often associated with the integrated, based on the contents, communicative, or functional language learning. These principles differ from traditional methods when learning a second language is limited to the study of new words, grammar and thematic conversations.

For the successful implementation of the immersion program, researchers recommend the following rules:

1. Learning environment should be safe for both mental and physical health of children.
2. The teacher should always speak the target language.
3. At the beginning of learning, the children are allowed to speak their native language.
4. Since the beginning of the second year of studies in the frame of the immersion program, communication among children in the classroom should be fully (100 %) in the target language.

5. At the beginning of learning, it is necessary to speak slowly, with clear articulation; teacher's speech should be understandable and learnable for students.

6. For anchoring knowledge, it is necessary to use visual aids, including gestures, facial expressions.

7. Repetition should be used: it helps children to absorb the meanings of words and feel safe.

8. It is necessary to give children different examples of using the target language and to find as many as possible opportunities of using it.

9. It is necessary to read aloud to children and give them the opportunity to read aloud to each other.

10. It is necessary to consider the goals of learning the target language and methods of assessment [6; 108].

The technique of CLIL assumes careful selection of training materials for reading. Training materials have to intend not only for studying of a concrete subject, but also for training in language — to mastering lexical and grammatical units and structures, development of all types of speech activity. The teacher has to think over the subject maintenance of a lesson, coordinate with the training program carefully to select material. At material selection to address to various resources that the offered material could add or sposobstvovat to deepening of the understanding studied.

When reading the following fragment of the text the pupil gains a certain knowledge of a subject or fixes already passable material and thus at different stages of work with the text is focused on the academic lexicon of a subject, on contents of the text, and then on concrete grammatical material:

Kazakhstan's geographical remoteness from oceans and its vast territory affect the climatic conditions in the region. Kazakhstan's territory is located in the central and southern latitudes of temperate climate zone, whereas its distant southern regions are close to subtropics. Kazakhstan's climate is sharply continental, with cold winters and not summers. Temperatures are very different depending on the region; these differences are especially evident between steppe and mountainous regions. Southern regions differ from northern and central regions for milder and warmer winters and hot summers. Annual amount of precipitation varies within 8–12 inches (200–300 mm) in the northern and central regions of the country and within 16–20 inches in southern mountain valleys. In winter, vast territories are covered with snow, although, in steppes, frequent and strong snowstorms sometimes sweep it away. Strong thunderstorms bring most rains in steppes and cause freshets and floods.

In the given fragment we can consider the following units:

- object-language: latitudes, climate zone, subtropics, sharply continental, snowstorm, thunderstorm, freshets, flood, northern and central;
- phrases: in the region, on the region, close to subtropics, between steppe and mountainous regions;
- preposition of» the English language;
- compound sentence.

At the stages while-and post-reading independent and creative tasks are used (to describe, compare, ask a question, to state the point of view, to make presentation, etc.) for development of skills of oral and written language.

Within CLIL of approach cognitive function of nonnative language as the perception and understanding of the maintenance of the studied subject improves is realized: the teacher uses various strategy of material supply: repetition, frequent use of examples, synonyms, an expanded explanation, rephrasing, an accurate articulation, various intonational structures, etc. Besides, at the trained responsibility for the text reproduced in nonnative language as the main emphasis is placed, first of all, on the contents, and then on a material supply form grows. Development of cognitive abilities is a priority at CLIL: finding of interrelations, comparison, comparison, systematization, classification, justification, etc. When training in nonnative language also discursive abilities that promotes their improvement and in the native language develop.

Among the main factors affecting the development of children enrolled in the language immersion program, it may be mentioned the use of the target language in the process of mutual communication and obtaining the knowledge of the world. Researchers explain the good academic performance of language immersion pupils with child-centered pedagogy as well as the possibilities for practical and experience-based learning that the environment provides [7; 41]. In order to make the language learning process clearer to learners, it is necessary to find immediately a positive and developing environment for using the target language. The agreement on the use of first and second language outside the school can help all interest groups to understand that the language used by teacher is «symbolic, cultural and linguistic» capital [8].

The same important is the cooperation with parents. A child learns the first language as a rule without purposeful learning. A family is the main keeper of the language and culture, and passes traditions and customs from generation to generation. For children enrolled in the language immersion program, the support

from the parents is extremely important. Since 2004, The Parents' Union of the Language Immersion Program provides such support in Estonia. Parents who already have experience with language immersion help those who recently joined the program and cooperate closely with schools and kindergartens.

The quality of implementation of the immersion program largely depends on the creation of favorable conditions for professional development of teachers. For schoolteachers working within the immersion program, the following measures are being taken:

- *Methodological courses for kindergarten teachers and assistant teachers, primary school teachers, subject teachers and vice principals.* Close attention is paid to the principles of learning through practice: a teacher who participates in courses obtains experience and skills in teaching, creating the learning environment and implementing the ideas of language immersion while developing teaching materials and planning educational process. One important precondition is inviting all teachers to participate in professional development courses. The training program for primary school teachers and subject teachers consists of six continuing training courses with the total capacity of 275 hours.
- *Teamwork trainings.* The main direction of the training is planning and developing as a team, so that the school would be aware of how to develop curricula, development strategies and compose documentation for internal evaluation so that the school would be successful and meet expectations for 21st century schools.
- *Short observation trainings.* Short observation means frequent visiting of lessons that is focused on one stage or topic of the lesson and lasts for 3–5 minutes. The observer (head teacher, members of the school leadership team, form-master, or the head of the subject teachers group) acts as a mentor who collects data. One of his/her tasks is to give an impartial description of the observed lesson. This description, no evaluation, then becomes the basis for the feedback interview and for reflective questions. The main idea of short observation is to activate teacher's reflection, which results in the teacher's professional growth and development. A greater frequency turns short observation into a natural part of the school culture, a stage in development of the school team.
- *Visiting of schools by specialists of the Language Immersion Centre, local governments, heads of schools, and teachers.* They include visits to lessons and discussions with school administration, and sometimes the analysis of school documentation. Such visits must inspire, encourage and support teachers and pupils, recognize pupils' achievements; visitors are to learn about expectations of the teachers and school administration, as well as plan further cooperation, including training.
- *Coaching the immersion teachers.* Coaching is organized by three regions: 1) Northern Estonia, 2) North-Eastern Estonia, and 3) Western and Southern Estonia. All counsellors have completed corresponding training. There are different forms of coaching available: group and individual coaching, coaching as training-follow up, and coaching with and without observation. Coaching is targeted conversation aimed at making a change. It is not a one-time activity, but a continuous process consisting of several meetings, which can, in total, last over a study year. A special kind of coaching is thematic group coaching. For example, for teachers who work with children with special educational needs. The teachers of kindergartens and schools should be able to create for these children a special learning environment. Coaching is free of charge for teachers.
- *Creating cooperation networks.* Participation in them provide access to new ideas and resources, provides the support of colleagues, creates the conditions for increasing the level of professional development, which is accompanied by the development of the network itself. It expands opportunities for self-realization, increases levels of self-analysis (both individual and collective). The basis for cooperation networks in the frame of language immersion program is the willingness for mutual learning and sharing of knowledge. Immersion teachers need a lot of training, teaching materials, and each of them has a large number of materials produced by them.
- *The Content and Language Integrated Learning (CLIL) month* is a series of events in April. For five years already, this month is the time when events of the institutional, regional, and national level introduce implementation of language immersion principles and programme achievements. CLIL month aimed at propagating of multilingual learning and learning in a second language. International cooperation is also widely represented in the frame of the CLIL month.
- *Practical seminars «Priks-praks»:* sharing of experience and introducing to colleagues methodological materials and solutions. Seminars that last for three or four hours are held in the afternoon. The introductory topic of the seminar unites teachers of different subjects and at different school stages.

Work in sections is based on the subject or subject area. Materials presentations can be developed into discussions. According to Silja Risti, Immersion teacher from Maardu Gymnasium: «If teachers are constantly sharing their material with others, it would not have to separately each year to invent and invent games and educational materials. I believe that everyone has the skills and practices that facilitate the work of teachers and school life saturating» [9; 75].

- *Summer and winter schools* for teachers, principals, vice principals, trainers, consultants. Besides professional self-improvement these annual meetings also play an important role in establishment and maintenance of cooperation as well as development of the language immersion network.

To date, the immersion program has a strong place in the educational system in Estonia. The notions of «content and language integrated learning» and «language immersion» have been included in the national curricula; and they are applicable in the context of learning not only Estonian, but other target languages as well.

Systematic studies of implementation of the immersion program were conducted since 2001. Thus, the Ministry of Education and Science ordered 10 different scientific studies and 40 thematic papers were prepared at Estonian universities. According to researchers from Tallinn University, kindergarten graduates trained within the immersion program are well prepared for school and successful in learning, regardless of the language of instruction. In the research report on the immersion program for years 2011–2012 published by the Centre of Educational Research of Tallinn University, it was indicated that the majority of students (86 %–91 %) and parents (82 %) of the immersion program were satisfied with the choice of immersion classes. In addition, the exam results of these students in the Estonian language are higher than that of their peers from regular classes, and studies of mathematics in the Estonian language do not adversely affect the quality of knowledge in this subject [10; 67].

Estonian model of the immersion program and its dissemination are of great interest to Kazakhstan. Today, Kazakhstan is developing its own immersion program and a network of schools working on this program (Nazarbajev Intellectual Schools). Kazakhstan is undergoing massive changes in education, aimed at providing school pupils with possibilities for acquisition of the Kazakh, Russian, and English Languages. Representatives of the Estonian Language Immersion Program conducted several training and counseling courses for teachers of Nazarbajev Intellectual Schools. Teachers from Kazakhstan visited Estonian kindergartens and schools, some workshops on cooperation were carried out for heads of educational institutions and authors of learning materials for language immersion. Educators in Kazakhstan are more interested in the practical side of the program's implementation: how the program was developed, how the choices were made, how the learning materials were created, what were the tasks and how they were handled. Estonian experts often visit Kazakhstan for training and coaching experts there, e.g. in the field of development of study materials and curriculum for kindergartens.

Knowledge of the languages, along with entrepreneurial and digital literacy are among the main key competencies needed in life. In order to improve language skills, the state and the education system should ensure the unity, stability and consistency of language education policy.

References

- 1 Балицкая И.В. Образование в современной Канаде: моногр. / И.В.Балицкая, Л.В.Волосович, И.И.Майорова. — Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2010. — 124 с.
- 2 Языковое погружение. — [ЭП]. Режим доступа: kke.innove.ee/ru/language-immersion.
- 3 Mjalitsina N. New tasks of the Language Immersion Centre // 15 years of language immersion. — Tallinn: Foundation «Innove», 2014. — 128 p.
- 4 Жетписбаева Б.А. Полиязычное образование: теория и методология: моногр. — Алматы: Білім, 2009. — 343 с.
- 5 Методика интегрированного обучения предмету и языку: особенности, преимущества, методы и приемы реализации: материалы семинара-тренинга. — Алматы, 2015.
- 6 Настольная книга о языковом погружении. — Таллинн: Фонд «Innove», 2009. — 240 с.
- 7 Learning environment — expectations and possibilities for improvement // 15 years of language immersion. — Tallinn: Foundation «Innove», 2014. — 128 p.
- 8 Bourdieu P. Social space and symbolic power. — [ER]. Access mode: www.soc.ucsb.edu/ct/pages/JWM/Syllabi/Bourdieu/SocSpaceSPowr.pdf.
- 9 Risti S. See you at Priks-praks seminar // 15 years of language immersion. — Tallinn: Foundation «Innove», 2014. — 128 p.
- 10 Идея и видение. — [ЭП]. Режим доступа: kke.innove.ee/ru/language-immersion/o-pr-gr-p-gruz-nija

К. Вылли, М.А. Жетписбаева

Тілге ену бағдарламаларының жүзеге асу шарттары

Мақалада көптілділік өзара түсіністікті ұлғайтуға және мәдени ерекшеліктерге құрметпен карауды қалыптастыруға ықпал ететіндігі жайлы айтылған. Тілдік жақындастыру бағдарламасы дамудың үлкен жолынан өтті және Эстонияның білім беру жүйесінің табиғи бөлігіне айналды. Авторлар тілдік бату, тілге ену бағдарламасын жүзеге асыру және пәндік-тілдік ықпалдастыра оқыту әдістемесін пайдалану нәтижелері бойынша эстондық балабақшалар мен мектептердің тәжірибесін зерделеген. Сондай-ақ тілдік жақындастыру бағдарламаларын сәтті енгізу шарттарын қарастырып, осындай жағдайларды жасау бойынша мұғалімдерге бірқатар ұсыныстар берген.

К. Вылли, М.А. Жетписбаева

Условия реализации программ языкового погружения

В статье отмечено, что многоязычие увеличивает взаимопонимание и способствует формированию уважительного отношения к культурным различиям. Программа языкового погружения, подчеркнута авторами, прошла большой путь развития и стала естественной частью системы образования Эстонии. В статье представлены опыт эстонских детских садов и школ по реализации программы языкового погружения и результаты использования методики предметно-языкового интегрированного обучения. Рассмотрены условия успешного внедрения программы языкового погружения, а также даны некоторые рекомендации для учителей по созданию таких условий.

References

- 1 Balickaya I.V. *Education is in modern Canada: monograph* / I.V.Balickaya, L.V.Volosovich, I.I.Maierova, Iyzhno-Sahalinsk: Publ. SahSU, 2010, 124 p.
- 2 *The language immersion*. [ER]. Access mode: kke.innove.ee/ru/language-immersion
- 3 Mjalitsina N. *15 years of language immersion*, Tallinn: Foundation «Innove», 2014, 128 p.
- 4 Zhetpisbayeva B.A. *Multilingual education: theory and methodology*: monograph, Almaty: Bilim, 2009, 343 p.
- 5 *Methods of the integrated training in a subject and language: features, advantages, methods and methods of realization*: seminar materials, Almaty, 2015.
- 6 *Necessary book on language immersion*, Tallinn: Foundation «Innove», 2009, 240 p.
- 7 *15 years of language immersion*, Tallinn: Foundation «Innove», 2014, 128 p.
- 8 Bourdieu P. *Social space and symbolic power*. [ER]. Access mode: <http://www.soc.ucsb.edu/ct/pages/JWM/Syllabi/Bourdieu/SocSpaceSPowr.pdf>
- 9 Risti S. *15 years of language immersion*, Tallinn: Foundation «Innove», 2014, 128 p.
- 10 *Idea and vision*. [ER]. Access mode: <http://kke.innove.ee/ru/language-immersion/o-pr-gr-p-gruz-nija>

Б.К. Аязбекова, А.С. Ибраева, Г.Ж. Досмаганбетова

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова
(E-mail: b.ayazbekova@mail.ru)

Особенности грамматической семантики и употребления форм времени и вида в немецком, французском, русском и казахском языках

В статье предпринята попытка рассмотреть особенности грамматической семантики и употребления форм времени и вида в немецком, французском, русском и казахском языках, обосновать степень соответствия видо-временной системы русского и казахского языков с системой глагольных форм немецкого и французского языков и путем сопоставления выявить сходства и различия между ними. Сопоставление четырех языков, подчеркнуто авторами, имеет немаловажное значение не только для их практического изучения (оно заставляет вникать в самые тонкие оттенки родного языка), но и для развития теории этих языков, способствует более глубокому анализу лингвистических явлений сопоставляемых языков.

Ключевые слова: грамматическая семантика, категория времени и вида, индоевропейская семья языков, тюркские языки, германские языки, романские языки, славянские языки, аналитический и синтетический типы языка, абсолютные и относительные временные значения, временные формы глагола, система глагольных форм.

Сопоставительное изучение грамматики и лексики иностранного и родного языков приобретает все большее значение. За последние десятилетия сопоставительная, или контрастивная, лингвистика получила статус новой отрасли языкознания. В русле этой отрасли проводится сопоставление самых разнообразных групп и пар языков. Теоретическим проблемам контрастивной грамматики посвящает В.Н.Ярцева одну из своих книг, где, в частности, характеризуются методы анализа, используемые для контрастивных исследований.

Сопоставительное изучение языков проводится по разным аспектам — в области грамматики (морфологии и синтаксиса), лексикологии, фонетики. И, естественно, научные достижения соответствующих отраслей лингвистической науки также представляют собой базу контрастивных исследований, поскольку исследователь отталкивается от той или иной грамматической (лексикологической и т.д.) концепции. Так, контрастивная грамматика состыковывается с теоретической грамматикой каждого из сопоставляемых языков. Поэтому в условиях многообразия концепций и методов, имеющих место в современной лингвистике, важно и необходимо определить те теоретические предпосылки, на которых базируется сопоставление материала конкретных языков.

Сопоставление отдельных элементов структуры языка возможно лишь в рамках системы. Такой системной отправной точкой может явиться, например, определенная грамматическая категория. В этих условиях наша работа, ставящая целью исследование употребления форм времени и вида (аспекта) в немецком, французском, русском и казахском языках в сопоставительно-функциональном плане, имеет не только теоретико-лингвистическую ценность, но и практико-методическое значение [1; 8, 9].

Одними из факторов, обуславливающих существенные расхождения как в структуре глагольных парадигм, так и в употреблении временных форм рассматриваемых языков, являются наличие в русском и казахском языках категории вида и отсутствие этой категории как таковой в немецком и французском языках. В русском языке любая временная форма есть в то же время форма совершенного или несовершенного вида; видовые различия наслаиваются на временные, переплетаются с ними. При этом нередко разные видо-временные формы русского языка могут иметь в немецком одинаковые соответствия, например: *Только что приехали из Москвы друзья. Они расскажут нам последние новости.* — *Soeben sind Genossen aus Moskau eingetroffen. Sie werden uns über die letzten Ereignisse in der Partei berichten;* «Я буду о вас думать, вспоминать», — *говорила она.* — «*Ich werde an Sie denken, mich Ihrer erinnern*», — *sprach Sie.*

В системе французского глагола имеется два явления, в которых усматривают категорию вида и которые нередко сопоставляют с русским видом:

- 1) противопоставление простых и сложных времен;
- 2) противопоставление точечных и линейных времен.

В первом случае нередко видят категорию завершенности/незавершенности. Противопоставление точечных и линейных времен отражает также различия во времени протекания действия. Оно не аналогично различию совершенного и несовершенного вида русского языка. Если действие представлено как процесс, ограниченный временными рамками, то в русском языке часто употребляется несовершенный вид (отражается процессуальность события), тогда как во французском — точечное время (отражается временная ограниченность события): *Однажды ночью в лесу загорелся костер. Он горел до рассвета.* — *Une nuit un feu de bois s'alluma dans la forêt. Il brûla jusqu'à l'aube.*

С видом тесно связан способ действия — лексико-грамматическая категория глагола. В немецком и французском языках основной семантической оппозицией внутри этой категории является значение предельности/непредельности действия. Она почти не имеет формального выражения и определяется семантикой самого глагола. Так, различаются глаголы предельные (терминативные, перфективные): *atteindre, entrer, mourir, trouver* и непредельные (дуративные, имперфективные): *aimer, marcher, chercher*. В отдельных случаях предельность выражается префиксами: *courir-accourir, dormir-s'endormir*. В русском языке значение достижения предела действия выражается в основном грамматически — категорией вида.

Важнейшие способы глагольного действия в русском языке:

а) временные: начинательный (*запеть*), ограничительный (*попеть*), финитивный (*отработать*); б) количественно-интенсивные: однократный (*кольнуть*), многократный (*хаживать*), уменьшительный (*вздremнуть, прихворнуть*), усилительный (*раскричаться*); в) результативные: завершительный (*дописать*), интенсивный (*наестся*), накопительный (*набрать*), распределительный (*переболеть*) и др.

При описании действия можно нередко употребить и простой глагол, и префиксальный, уточняющий способ действия: *Он хорошо поел и Он наелся*. В немецком и французском языках также имеются отдельные префиксы и суффиксы, выражающие качественно-количественные способы действия: *re* — повторное действие (*relier*), *dé* — обратное действие (*démontrer*), *s'entre* — взаимное действие (*s'entretenir*). Может быть передан различными лексическими средствами: *Он накурился до тошноты.* — *Il fuma jusqu'à la nausée* [2; 158–160].

Любой язык отражает в своих категориях, в том числе в грамматической категории времени, определенные объекты объективной реальности. Так, временные формы рассматриваемых языков соотносимы с тремя временными планами внеязыковой действительности. При этом точкой отсчета является момент речи — момент сообщения о действии; последнее может совпадать с моментом речи (в таком случае это план настоящего), предшествовать моменту речи и относиться соответственно к плану прошлого, или оно может произойти после момента речи, — в таком случае это действие в плане будущего.

Формы настоящего времени русского глагола, формы презенса немецкого глагола и *Présent de l'Indicatif* французского глагола могут выражать в зависимости от контекста виды временных значений.

К плану настоящего относится действие, совпадающее с моментом речи. В рассматриваемых языках план настоящего обозначается обычно формой настоящего времени. Поскольку действие, совпадающее с моментом речи, может иметь разную продолжительность — от мгновения (*es blitzt*) до весьма длительных промежутков времени, включающих в себя момент речи, — в языках различаются разные функции формы презенса, во многом совпадающие в немецком и русском языках [3; 238].

Одна из основных в ряду функций настоящего времени — это так называемое настоящее актуальное. Глагольной формой обозначается действие, непосредственно совпадающее с моментом речи: говорящий называет действие, осуществляемое им самим или другим лицом, например: *«Da gehen Sie», — sagten die Leute im Dorf und sahen den «beiden Berliner Detektiven» nach.* (H.F.) — «Вот, идут», — сказали в деревне и поглядели вслед «берлинским шуткам». — *Les étudiants écrivent (à present) une narration.*

Наряду с функцией актуального настоящего весьма характерной функцией рассматриваемой временной формы в языках является расширенное настоящее. Сюда относятся такие случаи, когда действие охватывает более или менее длительный период, начавшись в прошлом, и, возможно, продолжится в будущем, например: *Aber sag, wie geht es Viktor? Der ist in Moskau und studiert.* — Расскажи, как Виктор? — Виктор в Москве, *учится*. — *Dites, comment Victor va-t-il? — Victor est à Moscou, il fait ses études.*

В рассматриваемых языках представлены и другие функции этой временной формы, в частности, настоящее потенциальное, когда временная форма не соотносится с действием, имеющим место в данный момент, а лишь указывает на способность субъекта к осуществлению соответствующего действия: *Er spricht gut Deutsch.* — Он хорошо говорит по-немецки. — *Il parle bien allemand.*

Еще одна функция, во многом совпадающая в сопоставляемых языках, — это настоящее постоянное, которое можно встретить, в частности, в пословицах и поговорках, например: *Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm.* — Яблоко от яблони недалеко **падает**. — *Le courage prend des villes* [1; 18, 19].

В казахском языке имеются следующие формы настоящего времени: собственно-настоящее, или очевидно-настоящее, время; переходное настоящее время. Собственно настоящее время имеет 2 формы: простую и сложную. Простая форма образуется только от четырех глаголов: *отыру* — «сидеть», *жату* — «лежать», *тұру* — «стоять», *жүру* — «идти, ходить»: *Сен демалыста жүрсің*. Сложная форма настоящего времени образуется при помощи неизменяемой формы деепричастия смысловых глаголов и вспомогательных глаголов *отыр*, *жатыр*, *тұр*, *жүр* настоящего времени. Деепричастие образуется путем прибавления к корню глагола суффиксов *-ын, /in/-n*. Например: *Біз футбол көріп отырмыз* [4; 130, 131].

Сопоставлять значения формы прошедшего времени русского глагола и значения претерита, перфекта и плюсквамперфекта в немецком языке, *Passé composé*, *imparfait*, *plus-que-parfait* во французском языке можно, по-видимому, только, если предварительно описать их раздельно.

Парадигматическими формами времени, обозначающими действие в плане прошлого, являются в немецком языке формы претерита, перфекта и плюсквамперфекта, с которыми в русском языке коррелируют формы прошедшего времени глаголов совершенного и несовершенного видов.

Признаки ситуативной характеристики действия, обуславливающие выбор той или иной из названных форм в русском и немецком языках, не совпадают, поэтому картина соотношения немецких и русских форм оказывается весьма пестрой.

Релевантные для русского языка признаки повторяемости/однократности действия и его длительности/предельности для немецкого глагола в его формах прошедшего времени не релевантны. Любая из трех форм может обозначать как длительно, так и предельное действие; признак длительности или предельности не получает грамматического выражения, например:

Christa sah dem Storch eine ganze Weile zu... (H.F.) — Некоторое время Криста **смотрела** на аиста...

Interessieren Sie sich für Physik? — Sehr, dafür **habe** ich mich schon immer im höchsten Grade **interessiert**.

Die Gewitterspannung hatte tagelang über dem See gehangen. — Уже несколько дней над озером **нависала** буря.

Грамматическая семантика любой из трех форм прошедшего времени немецкого языка неоднородна.

Каждая из трех немецких форм может в других условиях контекста обозначать и предельное (или целостное) действие, которое в русском языке обозначается только формой совершенного вида, например: *Noch an demselben Abend ging der Vater nach dem Abendessen mit uns Kindern zum Strand.* (H.F.) — В первый же день после ужина отец **пошел** с нами к морю.

Eine neue Zeit ist angebrochen, ein großes Zeitalter, in dem zu leben eine Lust ist. (B.B.) — **Настало** новое время, великое время, одно удовольствие жить в такое время.

Er hatte die Photographie ein paar Tage vorher aus der Schublade genommen und wieder aufgestellt. — Несколько дней тому назад он **достал** ее (фотографию) из ящика стола и опять **поставил** на полку.

При наличии в предложении соответствующих обстоятельственных наречий или других указаний контекста любая из трех форм может называть и повторяющееся действие [1; 46, 47].

Признак соотнесенности обозначаемого действия с моментом речи или отсутствия таковой является для немецких форм прошедшего времени одним из основных. В соответствии с ним формы распадаются на две группы:

1) формы, употребляемые преимущественно в плане речевой коммуникации, куда попадает перфект в качестве доминирующей здесь формы; в одном ряду с ним стоят претерит и презенс в некоторых из своих функций;

2) формы, употребляемые в плане речевой информации: претерит, которому здесь принадлежит главенствующая роль, затем плюсквамперфект, перфект, а также презенс, но уже в другой функции по сравнению с теми, которые выступают в предыдущей группе.

Действие может быть представлено как целостное событие либо как развертывающийся процесс. Это различие возможно при описании действия в прошлом и в будущем, но в настоящем оно обычно воспринимается как процесс. Во французском языке это различие в характере и представлении действия выражается в плане прошедшего противопоставлением «точечных» времен (*passé composé*, *passé simple*) и линейного времени (*imparfait*).

В связи с этим основным значением точечные времена используются для выражения конкретных единичных действий, сменяющих друг друга, тогда как *imparfait* выражает одновременность событий, фоновые обстоятельства, состояние. — *Quand il est rentré chez lui, sa mère préparé le dîner.* — Когда он вернулся (уже) к себе, его мать готовила обед. В русском языке различие целостности и процессуальности передается категорией вида, и нередко совершенный вид в употреблении совпадает с французскими «точечными» временами, а несовершенный — с имперфектом.

Однако необходимо учитывать важные расхождения между французскими временами и русскими видами. Русский совершенный вид обозначает целостность нечленимую; французские точечные времена обозначают и членимую целостность, т.е. единое действие, распадающееся на ряд аналогичных действий. Поэтому повторное действие (членимая целостность) в русском языке выражается несовершенным видом, а во французском — «точечными» временами: *Pour gagner sa vie, il écrivit dans les journaux.* — Чтобы заработать на жизнь, он писал статьи в газете. *Je l'ai vu plusieurs fois* — Я видел его несколько раз.

Целостность действия, выражаемая французскими временами, касается, прежде всего, внешних условий его протекания — ограниченности во времени. Поэтому, если о достижении результата ничего не сообщается, но указывается лишь завершение временного предела действия, то в русском употребляется несовершенный вид, а во французском — «точечное» время: *Glaise observa pendant quelques minutes son ami qui travaillait....* — Несколько минут Глэз смотрел, как работает его друг.

В русском языке ограниченная длительность действия обозначается совершенным видом лишь тогда, когда глагол особыми префиксами переводится в совершенный вид. Во французском языке это достигается одной лишь грамматической формой времени [2; 151, 152].

В казахском языке прошедшее время можно подразделить на очевидно-прошедшее время, давно прошедшее время. Очевидно-прошедшее время обозначает действие, имевшее место в прошлом. Оно образуется путем присоединения к корню или к глаголу суффиксов *-ды/-ді, -мы/-мі* и личных окончаний. Например: *жазу* — *жаздым*, где *-ды* означает прошедшее время, а *-м* — I лицо ед.ч.

Давнопрошедшее время означает действие, завершившееся в прежние времена или до начала другого действия в прошлом. Оно образуется двумя способами: 1) путем прибавления к корню или основе глагола суффиксов деепричастия *-ын/-ін/-н*, к которым добавляются личные окончания глагола. Например: *Менің ағам шетел тілдері институтына түсіпті*; 2) путем добавления к корню или основе глагола суффикса причастия прошедшего времени — *қан/-кен, -ған/-ген* и личных окончаний глагола. Например: *Сіз осы мектепте оқығансыз* [4; 175].

Будущее время во французском языке в рамках как устной, так и письменной речевой коммуникации наиболее часто употребляется в трех своих основных формах: *Futur simple* (будущее простое), *Futur antérieur* (будущее сложное) и *Futur immédiat*, или *proche* (будущее ближайшее), остальные же его формы (*Futur immédiat dans le passé* — будущее ближайшее в прошедшем, *Futur dans le passé* — будущее в прошедшем, *Futur antérieur dans le passé* — будущее сложное в прошлом), как правило, используются в придаточных предложениях в соответствии с правилами согласования времен. При этом формы *Futur simple* и *Futur dans le passé*, являясь простыми, образуются с помощью добавления соответствующих окончаний к глагольным инфинитивам, формообразование же остальных происходит аналитически, с сочетанием форм единиц вспомогательного и смыслового глагола (или образованных от них причастий).

Futur simple обозначает действие будущее по отношению к настоящему (*la postériorité au présent*). Действие может быть законченным и незаконченным. На русский язык переводится простым и сложным будущим: *Nous prendrons part à ce concours.* — Мы примем (будем принимать) участие в этом конкурсе; *Il vivra cent ans.* — Он проживет сто лет. Помимо значения реального действия, *future simple* может употребляться:

1) для выражения предположения по отношению к настоящему (= *le présent+peut-être*). На русский язык переводится словами *наверное, должно быть, по-видимому*: *Vous avez une mauvaise mine. Vous serez malade. — Вы плохо выглядите. Должно быть Вы больны*. В этом значении встречаются в основном глаголы *avoir* и *être*;

2) для выражения приказа, просьбы в значении повелительного наклонения. В этом случае большую роль играет интонация.

Vous irez chez lui et lui présenterez vos excuses. — Вы пойдёте к нему и попросите извинения.

Форма *Futur immédiat* обозначает действие, которое должно совершиться в ближайшем будущем (непосредственное следование за настоящим). На русский язык оно переводится будущим временем со словами *сейчас собираться, вот-вот*: *Je vais lui téléphoner. — Я ему сейчас позвоню*. В современном французском языке (особенно в разговорном стиле речи) обозначает убедительный совет или приказание: *Fais attention, tu vas tomber. — Осторожней, ты упадёшь*.

Futur dans le passé обозначает действие будущее по отношению к прошлому. Употребляется в косвенной речи вместо *futur simple* по правилу согласования времен: *Pierre a dit qu'il reviendrait lundi. — Пьер сказал, что он вернется в понедельник* [5; 136, 137].

Парадигматически сопоставимыми формами, обозначающими действие в плане будущего, являются: футур I — в немецком языке, будущее простое и будущее сложное — в русском. Различия в значении и употреблении форм простого и сложного будущего в русском языке связаны с видовыми характеристиками этих форм. Поэтому соотносимая с ними форма футура I может в отдельных случаях соответствовать как той, так и другой форме русского языка. С точки зрения говорящего лица предстоящее действие может быть либо намеченным кем-либо к осуществлению, либо таким, которое должно произойти в силу каких-то объективных причин. И то и другое может быть обозначено формой футура I, например: *So gut reden kann ich nicht, aber ich werde etwas Besseres tun! (H.M.) — Я так хорошо говорить не умею, а сделать сделаю кое-что получше — да, сделаю*. Семантический потенциал формы футура I допускает употребление ее для обозначения контактного будущего, например: *Ich werde Ihnen sagen gnädige Frau, warum ich hier bin. — Я вам скажу, сударыня, почему я здесь нахожусь.... Ради здешнего стиля*. Помимо футура I, соответственно в русском, помимо форм будущего простого и сложного, в обоих языках намеченное действие может обозначаться, в частности, формой настоящего времени. В отношении русского языка здесь обычно в первую очередь указывают на лексическую группу глаголов однонаправленного движения (*идти, ехать, бежать* и т.п.), для которых характерна транспозиция формы презенса в план будущего. При этом форма настоящего времени глагола несовершенного вида (*еду*) оказывается синонимичной форме будущего времени соотносительного глагола совершенного вида (*поеду*). Например: *Завтра я еду (поеду) в Москву. Сегодня вечером я иду (пойду) в театр*. В немецком языке в подобных случаях употребляется преимущественно презенс: *Morgen fahre ich nach Moskau. Heute abend gehe ich ins Theater*.

Futur II может использоваться для выражения того, что одно из предстоящих действий будет предшествовать другому: *Wenn der Mechaniker das Auto repariert haben wird, wird er dich benachrichtigen. — Когда механик отремонтирует машину, он сообщит тебе*. Futur II может, как и Perfekt, обозначать предстоящее действие, которое мыслится как завершенное: *Bis morgen werde ich das Buch gelesen haben. — До завтра я прочту книгу*.

В соответствующей конситуации Futur II выражает предположение по отношению к прошедшему времени: *Er wird jetzt in Berlin eingetroffen sein* (инференциальное употребление). — *Он, пожалуй, уже прибыл в Берлин* [3; 235, 236].

Кроме настояще-будущего времени в казахском языке имеются: будущее предположительное время и будущее время намерения.

1. Будущее предположительное означает вероятное действие, причем степень вероятности является неопределенной. В русском языке это значение передается формой будущего времени в сочетании со словом «возможно». Например: *Мен институтқа ертең барармын*. Будущее предположительное образуется путем прибавления суффиксов причастия *-ар/-ер*, если корень глагола оканчивается на согласный (или *-р*), если корень глагола оканчивается на гласный или на личные окончания глагола.

2. Будущее время намерения означает, что действие будет проходить с каким-то намерением. Будущее время намерения образуется при помощи суффиксов *-мақ/-мек, бақ/-бек, -пақ/-пек*, прибавлением к корню или к основе личных окончаний глагола, переводятся на русский язык «хотеть», «намереваться» и т.п. Например: *Мен ертең саған бармақпын* [6; 204, 205].

Таким образом, в русском языке любая временная форма есть в то же время форма совершенного или несовершенного вида; видовые различия наслаиваются на временные, переплетаются с ними. При этом нередко разные видо-временные формы русского языка могут иметь в немецком одинаковые соответствия.

С видом тесно связан способ действия — лексико-грамматическая категория глагола. В немецком и французском языках основной семантической оппозицией внутри этой категории является значение предельности /непредельности действия. Во французском языке значение вида более конкретно. В немецком языке грамматическая категория времени развита, а вид проявляет лишь некоторые элементы грамматики.

Список литературы

- 1 *Горохова И.М., Филлипова Н.А.* Пособие по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. — М.: Высш. шк., 1985. — 191 с.
- 2 *Гак В.Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. — М.: Просвещение, 1989. — 288 с.
- 3 *Абрамов Б.А.* Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков. — М.: Владос, 2001. — 285 с.
- 4 *Баскаков Н.А.* Историко-типологическая морфология тюркских языков / Отв. ред. Э.Р.Тенишев. — М.: Наука, 1988. — 207 с.
- 5 *Тарасова О.Г.* Функционально-семантическое поле временной одновременности действия во французском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Казань, 2004. — 24 с.
- 6 *Бектуров Ш.К., Бектурова А.Ш.* Казахский язык для всех. — Алматы: Атамұра, 2004. — 720 с.

Б.К. Аязбекова, А.С. Ибраева, Г.Ж. Досмаганбетова

Неміс, француз, орыс және қазақ тілдеріндегі шақтық формалардың қолданылуы мен іс-қимылдың өту сипатының грамматикалық-семантикалық ерекшеліктері

Мақалада неміс, француз, орыс және қазақ тілдеріндегі етістіктің шақтық формаларының мағыналары, қолдану және істің өту сипаты ерекшеліктері қарастырылған. Сонымен қатар осы тілдердегі қимыл-әрекеттің уақыт ұғымымен байланысын көрсететін етістіктің грамматикалық формалары жүйесіндегі айырмашылықтары мен ұқсастықтарын салыстыру практикалық және теориялық тұрғыдан да маңызды болып табылатындығы және салыстырылып отырған тілдердегі лингвистикалық құбылыстарға тереңірек талдау жасауға мүмкіндік беретіндігі туралы айтылды.

B.K. Ayazbekova, A.S. Ibraeva, G.Zh. Dosmaganbetova

The features of grammatical semantics and the use of forms of tense and aspect in the German, French, Russian and Kazakh languages

The work considers features of grammatical semantics and the use of forms of tense and aspect in the German, French, Russian and Kazakh languages, to prove the degree of compliance of aspectual-temporal system of the Russian and Kazakh languages with system of verbal forms of the German and French languages and by comparison to reveal similarities and distinctions between them. Comparison of four languages has important value not only for their practical studying (it forces to penetrate into the most subtle shades of the native language), but also for development of the theory of these languages, promotes deeper analysis of the linguistic phenomena of the compared languages.

References

- 1 Gorokhova I.M., Philipova N.A. *Manual for the comparative grammar of the German and Russian languages*, Moscow: Vyschaya shkola, 1985, 191 p.
- 2 Gak V.G. *Comparative typology of French and Russian languages*, Moscow: Prosveshenie, 1989, 288 p.
- 3 Abramov B.A. *Theoretical grammar of the German language. Comparative typology of German and Russian languages*, Moscow: Vldos, 2001, 285 p.
- 4 Baskakov N.A. *Historical and typological morphology of the Turkic languages*. Ed. E.R.Tenishev, Moscow: Nauka, 1988, 207 p.
- 5 Tarasova O.G. *Functional-semantic field of temporal simultaneity of the action in the French and Russian languages*: abstract dis. ... cand. filol. sciences, Kazan, 2004, 24 p.
- 6 Bekturov Sh.K., Bekturova A.Sh. *Kazakh language for all*, Almaty: Atamura, 2004, 720 p.

Н.Ж. Құрман

*М.В.Ломоносов атындағы Мәскеу мемлекеттік университеті филиалы, Астана
(E-mail: nessibeli_k@mail.ru)*

Қазақ тілін оқытудың этномәдени және әлеуметтік-лингвистикалық мәселелері

Мақалада қазақ тілін оқыту, оның этнолингвистикалық және әлеуметтік-лингвистикалық мәселелері қарастырылды. Мемлекеттік тілді оқытудың қазіргі кезеңдегі басты бағыттарының бірі ретінде этносаралық мәдениеттің қалыптасу жолдары айтылады. Қазақ тілін оқытуда оның кумулятивтік функциясын пайдалану жолдары сөз етіледі. Қазақ тілін оқытудың лингвомәдениеттаным және коммуникативтік технологиялары және оларды қолдану ерекшеліктері талданды. Қазақша еркін сөйлеу үшін қазақы коммуникативтік мінез қалыптастыру керек.

Кілт сөздер: қазақ тілін оқыту, этнолингвистика, әлеуметтік лингвистика, кумулятивтік функция, лингвомәдениеттаным, коммуникативтік технология, қазақы коммуникативтік мінез.

Қазақстан Республикасының мемлекеттік тілін ересектерге, оның ішінде мемлекеттік қызметшілерге оқытудың қазіргі теориясы мен тәжірибесінде қоғамымыздың үдемелі даму болмысы мен сол даму қарқынынан туындап жатқан өзгерістер өз таңбасын қалдыруда. Ол өзгерістерді Қазақстандағы тілдерді дамытуға байланысты заңдардан, мемлекеттік деңгейдегі бағдарламалардан, басқа да құқықтық-нормативтік құжаттардан, қазақ тілін оқытуға арналып шығарылып жатқан оқу және әдістемелік құралдардан көре аламыз.

Сонымен бірге осындай өзгерістердің болуының өзі — Қазақстанның көп ұлтты сипатына, көп мәдениеттілікті дамытуға арналған бағытына, өркениеттің жоғары деңгейлеріне ұмтылған бағдарлы жоспарларына тікелей байланысты екенін ұмытпау керек.

«Қазақстан Республикасында тілдерді дамыту мен қолданудың 2011–2020 жылдарға арналған мемлекеттік бағдарламасының» басты мақсаты «Қазақстанда тұратын барлық этностардың тілдерін сақтай отырып, ұлт бірлігін нығайтудың аса маңызды факторы ретінде мемлекеттік тілдің кең ауқымды қолданысын қамтамасыз ететін үйлесімді тіл саясатын» жүргізу деп белгіленген [1]. Осы маңызды құжатта мемлекеттік тілді дамытудың стратегиялары мен бағыттары көрсетіліп, Қазақстан азаматтарының конституциялық құқықтары мен бостандықтарын қамтамасыз етуге қызмет ететіндігі айқын танытылған.

Мемлекеттік тілді оқытудың қазіргі кезеңдегі басты бағыттарының бірі — этносаралық мәдениетті қазақ тілін дамытудың негізгі тірегі етіп алудың ғылыми және тәжірибелік жолдарын анықтау болып табылатыны да жоғарыда аталған бағдарламадан туындайды.

Қазақ тілі — Қазақстан Республикасының мемлекеттік тілі. Қазақ тілі осы елдің түпкілікті иегері және атауын беріп отырған «қазақ» ұлтының ана тілі болып табылады. Сонда қазақ тілінің әлеуметтік-лингвистикалық қызметіне, ендігі ретте, тек қазақ этносының ғана емес, Қазақстанда тұратын барлық этностардың құндылығы болатындай аксиологиялық жүйені құрау міндеті де енгізілетінін барлық азаматтар және тілді дамыту саласындағы мамандар мен ғалымдар тегіс түсініп, соған бағытталған қызмет атқаруы керек.

Мемлекеттік тілді дамытудың мазмұндық негізі — қазақ тіліндегі құқықтық-нормативтік құжаттардың қазақша болуы және Қазақстанның мәдени-тарихи шежіресі болашаққа қазақ тілінде баруына тірек болатын игілікті қызметтер атқару.

Қазақ тілінің «мемлекеттік тіл» мәртебесінде көпқырлы қызметті атқаруына тіліміздің фонетикалық, лексикалық, сөзжасамдық, морфологиялық, синтаксистік, стилистикалық бай қоры жетіп артылады. Бірақ осыншама қуатты тілдің қазіргі күнге дейін кең тыныста қолданылмауы мемлекеттік қызметке көп байланысты.

Осы ретте Ахмет Байтұрсынұлының «Тілдің міндеті — ақылдың андауын андағанынша, қиялдың меңзеуін меңзегенінше, көңілдің түюін түйгенінше айтуға жарау. Айта алатын адамы табылса, тіл шама-қадырынша жарайды. Бірақ айта алатын адам табылуы қиын», деген сөзін келтірудің өзі жеткілікті.

Бұл күнде мемлекеттік қызметшілердің өз қызметтерінде қазақ тілін мол байлығымен, қалыпты стильде, орыс тілімен тең дәрежеде қолдана алмауы үлкен сұрақтар туғызып отырғаны аян. Бұл, бір жағынан, үлкен әлеуметтік-лингвистикалық мәселе, екінші жағынан, қазақ тілінің этномәдени бай мұрасының жаңа заман қызметін атқара алмай жатыр ма деген сұрақ туғызатын этнопсихоллингвистикалық мәселе болып табылады.

Қазақ тілінің бай әрі толыққанды жүйе ретінде өзінің ішкі (интралингвистикалық) мүмкіншіліктерінің сыртқы (экстралингвистикалық) мүмкіншіліктерімен қабысуына ұмтылатыны белгілі.

Қазақ тілінің ағылшын, орыс, қытай, жапон, француз, неміс тілдері сияқты әлемдік тілдер қатарына бірден еніп кетпесе де, Google-дегі тілдердің қатарына қосылуы — тілімізді мемлекеттік тіл мәртебесіне сай дамытудың маңызды шарттарының орындалғанын дәлелдейді.

Ендігі басты да, бірегей міндет — қазақ тілінің мемлекеттік тіл ретінде мемлекеттілігімізді танытатын аса маңызды атрибутына шынайы айналуы қажетті барлық шараларды атқару.

Аталған жүз тараулы шарттың әрқайсысын санамалап, таратып, олардың орындалуының әдістері мен әдістемелік тұтас жүйесін анықтап, жолға түсіру — ғылыми тұрғыдан зерттеліп, тәжірибелік тұрғыдан өмірдің сан саласына енгізілуін талап ететін, сол үшін қолдан келген күшті аянбай сарп ететін зор жұмыс. Бірақ сол зор жұмыс тегіс атқарылмаса, кезінде дүниені дүрілдетіп тұрғанымен, көптеген дамыту шарттары орындалмаған себепті жойылып, тарихтың шаңына батып кеткен тілдердің қатарына түсу қаупі бар екендігін де санамызға айқын етіп жазып алуымыз керек. Қазақ тілінің жер астында қанша жатса да, табылғанда сол қасиетін жоймайтын алтындай қасиеті туралы тек мақтанып қана айтпауымыз керек, сол қасиетін қазіргі ақпараттық-коммуникациялық технологиямен тікелей байланыстырудың тиімді жолдарын табудан үміт ете отырып, айтуымыз керек. Ол — қазақ тілінің кумулятивтік қызметінің әлі де болса жүрегі дүрсілдеп атқарып отырған қызметі.

Құдайберген Жұбанов қазақ тілін зерттеуде геологияның палеонтологиялық әдісін ұстанатын болсақ, жазба тілден емес, ауызекі сөйлеу тілінен әлі де болса көрініс беретін сонау мыңжылдықтардан бері келе жатқан мәдениеттің, тарихтың, психологияның, философияның көрінісін тануға, табуға болатынын айтып кеткен болатын [2; 30].

Осындай бір кереметтерді қазақ тарихында әлі де болса ашылмай келе жатқан парақтардың «ұйықтап жатқандығын» дәлелдейтін деректер арқылы көрсетуге болады. «...Мифология мен лингвистикаға сүйене отырып шешу» жолдарын қолдану керек [3; 5].

Мемлекеттік қызметшілердің қазақ тілін үйренудегі, оқып-білудегі қызметі тек құжаттарды қазақша толтыру емес. Осындай өте тар аяға кіргізіп жіберген қандай әдіс екенін түсіну қиын. Мемлекеттік қызметші мемлекеттік заңды орындаушы, қорғаушы, сақтаушы ретінде қазақ тілінің тек кабинетте ғана емес, қазақ тілінің өмірдің барлық саласындағы — қоғамға, табиғатқа, адамның жеке өміріне байланысты қызметін дамытуы міндетті екенін санасына айқын түйіп алуы тиіс.

Қазақтың жеріне Құдіретті күш иесінің рақымы молынан түскен деп айта аламыз. Қазақ жері адамзат өркениетінің тал бесігі болғанынан, дүниенің жарық сәулесін діни таным тұрғысынан әлемге тарата алған орталық нүктесі болғанынан хабар, мәлімет беретін көптеген деректер бар. Олар — мүлгіп жатқан қорғандар, олар — әлі ашылмай жатқан, шөп басып кеткен қыраттар мен тау-тас аңғарларындағы ата-бабалардың жүріп өткен іздері. Олар — қазіргі қазақтар сөйлеп жүрген сөйлеу тіліндегі ежелгі тілдік құрылымдар.

Мысалы, Ақтөбе өңіріндегі *Жем* өзенінің атауы зороастризмнің гимні болып табылатын «Авестадағы» барлық төрт түлік малды өсіруші *Йим* болуы мүмкін (түркі тілдеріндегі *й-ж* дыбыстарының алмасуы), *Мартук* деген жер атауының зороастризмнің парсыларда сақталып қалған *Мардук* деген құдайға құлшылық ету орны болуы мүмкін. Егер сол араны жақсы археологиялық зерттесе, түрлі құлшылық ету қазандары мен орындары табылуы мүмкін. *Азбар Тас* атауының орыс тіліне аударылған «Авестадағы» *азъ* — *қасиетті*, *варъ* — *врата*, *место*, *орын* [4; 45]. Яғни Наурыз күні аспанға жететіндей алаулатып от жағатын қасиетті орын екені, *Бәймен тау* жерінің атауы зороастризмдегі санскрит тіліндегі Ведалардағы *Виман* (*лиман*) — *Биман* – *Бәй* + *ман* — (*қасиетті адам*) деген сөздің мағынасы — «аспаннан түскен адамдар мен олардың ұшатын құралдары және атқылайтын қарулары» болғанын білдіретін сөздер болуы мүмкін.

Әрине, мұндай деректерді қазіргі ақпараттық қолжетімділік пен көп тілдерді білудің арқасында молынан келтіре аламыз. Бірақ мақсатымыз ол емес. Мақсатымыз — қазақ тілінде сақталған этномәдени құндылықтарды, яғни ата-бабамыздан қалған материалдық, рухани және әлеуметтік

құндылықтарды, тану және қолдану, оны болашаққа жеткізу үшін, әсіресе мемлекеттік қызметшілердің терең біліктілігі мен жанашырлығы керек екендігін айту болып отыр. Қазіргі қазақ тілінің терең тамыры сонау Көк Түркі заманынан басталатын арналы жол екенін де тану керек [5; 9].

Қазақ тілін *Сәлеметсіз бе!* деп бастап үйрету керек. Бірақ сол айналада үйіріліп тоқтап қалмай, қазақ тілін ұлттық рухани әлем ретінде оқытуға көшу керек. Бұл жерде лингвоелтанымдық бағыт та, қазақы коммуникативтік ережелер де, барлық салт пен дәстүріміз де, әдетіміз бен ғұрпымыз да — бәрі Тілді қазық етіп, соның айналасында сақталғанын және осы бағытта әрі қарай кеңейте дамыту керек екенін баса айтқымыз келеді. Сонда қазақ тілі мен қазақы коммуникативтік мінез-құлықтың бірінен екіншісі туындап жататын табиғи тұтастықты қалыптастыра аламыз.

Коммуникативтік мінез-құлық белгілі бір тілде сөйлейтін халықтың, ұлттың нормалары мен әдет-ғұрыптарының жиынтығы ретінде анықталады. Қазақша үйретуде тек орыс тілінен не басқа тілден алынған сөздердің сыртқы дыбыстық қабығын ғана қазақ дыбыстарымен ауыстырып, ал ішкі семантикалық-мағыналық мазмұны мен оны айту нормасы сол тілдердікіндей болып қалатын болса, бұл қазақ тілінің болашағына жіберілген кесел екенін түсінуіміз керек. Коммуникативтік мінез-құлық арқылы тұтас ұлттың ерекшелігі танылады. Ал сондықтан қазақ тілінен үйретілетін әрбір жаңа сөз не ұғым қазақы коммуникативтік мінез-құлық қалыптастыратындай болуы керек.

Қазақша коммуникативтік мінез-құлық қалыптастырмағандықтан қазақша тілдік орта да қалыптаспай жатыр. Мұны түсіну керек. Сондықтан барлық сабақтарда қазақы коммуникативтік мінез-құлық тіл үйретумен бітісе үйретіліп, кейс-стади жаттығуларының тұтас кешенімен берілуі тиіс.

Қазақша коммуникативтік мінез-құлықтан әлеуметтік мінез-құлық қалыптасады. Егер қазақша сәлемдесуден бастап, табиғатқа, қоғамға, жеке адамға арналған қарым-қатынасына дейінгі аралықта ұлттық коммуникативтік мінез бен құлық қалыптастырылса, онда бұл біртіндеп қазақстандық әлеуметтік символизмге айналады. Ал олай етілмеген жағдайда тек қазақша дыбыстар айтылып, ал рухани дүниеде сол жат елдің мінез-құлығы жасалатын болса, онда тіл мен рухтың бірікпеуі салдарынан екеуінің бірі не екеуі де жоғалады.

Мысалы, қазақтарға сый не кәде алып келгенде, сол жерде бірден ашып қарау ұят болып саналады. Яғни алған бойда *ашып қарамау керек* деген ұғым/сөз қалыптасқан. Ал қазір *ашып қарау керек* деген бұйрық мәнге айналып бара жатқан әдет енгізілуде. Бұл басқа елдің әдеті біртіндеп жаймен ғана ұлттық рухты ысырып бара жатқанының көрінісі.

Қазақтардың коммуникативтік мінез-құлықтары туралы қарастырайық.

1. Жүзі жылы, жымыып, күлімсіреп амандасады. Түсі игіден түңілме. Түксимеу керек.
2. Амандық сұрасу ұзақ болады. Амандық-саулық сұрасып тұрып, екі адам бір-бірінің көңіл-күйін домбыраны шертіп отырып тапқандай тауып алады. Сондықтан *е-е-е* дей түсіп, *солдай де* дей отырып, қайта-қайта үйін, мал-жанын, көршілерін, ауылын сұрастыра келіп, екеуіне де ортақ тақырыпқа — Елдің тұтас жайына алып келеді. Осы жерден бастап манадан бері *сұрақ пен жауап* түріндегі диалог енді *тең диалогке* айналады. Ортақ тақырып туралы әрқайсысы өзінің ойын айта бастайды. Сөйтіп, біртіндеп терең әңгімеге аз уақыттың ішінде кірісіп кете алады. Бұл — қазақтардың «тіл қағысудан тіл табысуға дейін» тез бара алатын қасиеті болып табылады.
3. Әңгіме тереңдей бастаған кезде екі тарап та психологиялық сақтық амалын ұстанады. Ол — *Қай елденсіз?* деген сұрақ қою. (Бұл қазір әркімнің руын айтып, бірақ тарихын білмейтін адамдар үшін өте қиын мәселе.) Өйткені осындай сұрақ қою арқылы әңгімелесушілердің тақырыбы жаңа деңгейге көтеріледі. Яғни тарих пен танымға байланысты мәселелер туралы сөз болатын деңгейге көтеріледі. Тіпті сұрастыра келе *қарын бөле* болып шығып жататыны да осы тұста болады.
4. Қазақтардың коммуникативтік мінез-құлықтарында бет-аузын көп қимылдату, қарқылдап күлу, ашық боламын деп аржайы болып кету әбестікке жатады.
5. Қазақтар өзінің жеке басының мәселесін, міндетті түрде табиғатпен, қоғам өмірімен, шаруашылықпен тікелей байланыстыра отырып баяндайды. *Мен* дегенге байланысты мәселелерді бірден және даралап айтпайды. *Елдің ортасында болайық, Ерекше болғаннан сақтасын!* деп тілейді.
6. Сұхбаттасқанда тең дәрежеде болуын екі тарап та көздейді. Және сол тепе-теңдікті сақтап отырады. Артық әзіл, орынсыз күлкі болмайды. Болған жағдайда кешірім сұрайды немесе тарқасып кетеді.

7. Сөйлесіп отырған адамға тікелей бажырайып қарамайды. Сөзін тыңдай отырып, көз қиығын тастай отырып, мол ақпарат ала алады.
8. Ер адамдар қол алысуды жөн санайды.
9. Қазақтардың коммуникативтік мінез-құлықтарында тілдік қарым-қатынас орнату үшін амандасуға байланысты фраза және оның айтылу өрнегі үлкен орын алады.
10. Қазақы коммуникативтік мінез-құлықтың тағы бір ерекшелігі — басталған әңгіме қызықты болса, сұхбаттасын біреуі үйіне қонақ қып ертіп әкеледі.
11. Қазақы коммуникативтік мінез-құлықтың әрбір сәтінде үлкендерге, әйелдерге, кішілерге құрмет сезімі көзге ұрып тұрады.

Түптеп келгенде айтарымыз, Қазақстандағы әрбір басқан қадамының астында, күнделікті сөйлеп жүрген сөздің астарында тарих сөйлеп жатыр. Ал мемлекеттік қызметші өзінің қызметін күнделікті қағаздарды толтырып қою деп тар аяда түсінсе, мемлекеттің өткені мен қазіргісін және қазіргісі мен болашағын жалғастыратын Алтын көпір — ҚАЗАҚ ТІЛІ және оны дамытудың кең тынысты жолын танымаса, қазақ тілін мемлекеттік деңгейде сақтаудың, дамытудың механизмдері, тетіктері туралы айту өте қиын.

Қазақ тілін тездетіп, мұражайларға апарып қоюды ойластырып «қарау көздердің» ойлағанын болдырмау үшін, қазақ тілінің әрбір әрпінің, әр дыбысының болашаққа жаңғырықпен емес, қазақстандықтардың тірі, жанды сөйлеуімен бара алатын ету баршамыздың басты парызымыз болып саналады.

Әдебиеттер тізімі

- 1 Қазақстан Республикасында тілдерді дамыту мен қолданудың 2011–2020 жылдарға арналған мемлекеттік бағдарламасы. — [ЭР]. Қолжетімділік тәртібі: www.otuken.kz. <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/U1100000110>
- 2 *Авеста*. Избранные гимны. Из Видевдата // Пер. с авест. И. Стеблин-Каменского. — М.: Дружба народов, 1993. — 208 с.
- 3 *Қондыбай С.* Арғықазақ мифологиясы. — 4-кіт. — Алматы: Дайк-Пресс, 2004. — 504 б.
- 4 *Қуанғанов Ш.Т.* «Арий-гун» сквозь века и пространство: свидетельства, топонимы: в 2 т. — Алматы: Білім, 1999. — 208 с.
- 5 *Құрман Н.Ж., Рахматуллаева А.* Құдайберген Жұбанов және қазақ психолінгвистикасы. — Астана, 2014. — 110 б.

Н.Ж. Курман

Этнокультурные и социолінгвистические проблемы обучения казахскому языку

В статье рассмотрены этно- и социолінгвистические проблемы обучения казахскому языку. Отмечено, что одним из важных направлений в этом плане является формирование межэтнической культуры. Также в статье приведены пути использования кумулятивной функции казахского языка как оптимальной. Проанализированы особенности применения лингвокультурологической и коммуникативной технологий обучения казахскому языку. Формирование казахского коммуникативного поведения показано как основа свободного владения казахской речью. В статье исследованы особенности этого метода.

N.Zh. Kurman

Ethnic-cultural and social linguistic problems of training in Kazakh language

The article deals with ethno-linguistic and socio-linguistic problems of teaching the Kazakh language. One of the important areas in this regard is the formation of ethnic culture. The article also states on ways to use the cumulative function of the Kazakh language as the optimal. The features of the application of cultural linguistics and communication technology training to the Kazakh language. Formation of the Kazakh communicative behavior is regarded as the basis of the Kazakh speech fluency. In the article are analyzed the features of this method.

References

- 1 *The state program of development and functioning of languages for 2011–2020*, [ER]. Access mode: [http:// adilet. zan. kz/ kaz/docs/U1100000110](http://adilet.zan.kz/kaz/docs/U1100000110)
- 2 Avesta. *Chosen anthems. From Videvdat*. The transl. from avestiysky Ivan Steblin-Kamensky, Moscow: Druzhba narodov, 1993, 208 p.
- 3 Kondybay S. *Mythology ancestors of Kazakhs*, the 4-th book, Almaty: Dayk-press, 2004, 504 p.
- 4 Kuanganov Sh.T. «*Arius-gun*» *through centuries and space: certificates, toponimy*, 1, 2, Almaty: Bilim, 1999, 208 p.
- 5 Kurman N.Zh., Rakhmatullayeva A. *Kudaibergen Zhuban and Kazakh Psycholinguistics*, Astana, 2014, 110 p.

А. Окай¹, М.К. Жумабеков², Ю.А. Демьянова²

¹Стамбульский университет, Турция;

²Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова
(E-mail: ydemyanova@list.ru)

Особенности перехода на цифровое вещание в Центральной Азии

Статья посвящена исследованию ключевых моментов развития цифрового эфирного телевидения в Центральной Азии, особенностям телевизионного вещания в условиях новых цифровых технологий. Отмечены трудности перехода на цифровое телевидение как объективной реальности развития общества и современных технологий. Для стран Центральной Азии вопрос внедрения цифрового спутникового и наземного телевидения, подчеркнуто авторами, является действительно важным и актуальным. Определено, что это связано не только с тем, что весь мир переходит на «цифру», но и с необходимостью решения внутренних проблем, связанных с перспективами развития отечественного телевидения.

Ключевые слова: цифровое телевидение, GE-06, телевизионный сигнал, спутниковое вещание, цифровое эфирное телевидение.

XXI в. — век технического прогресса, когда появляются и развиваются новые и мощные технологии, которые влекут за собой изменения в самых различных сферах деятельности человека. Особое развитие получили и технические возможности в области цифрового телевидения. Ярким примером может служить Центральная Азия, где уже сейчас имеется возможность пользоваться новейшими интерактивными и другими нововведениями современного цифрового телевидения. Важность новых технологий в работе журналиста и влияние новшеств на конечный продукт подчеркивают многие практики и теоретики стран Центральной Азии, к которым относятся Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Участница международной конференции и главный редактор журнала «Интернет и Я» Наталья Федорова отмечает, что можно «с уверенностью утверждать, что казахстанские журналисты сегодня имеют массу возможностей совершенствовать свое мастерство, используя Интернет, электронную почту, мобильную связь, возможность оперативной передачи данных путем видеоконференций, и другие передовые технологии» [1; 49]. Все компании, независимо от их размера и положения на информационном рынке той или иной страны, вовлечены в процесс перевода содержания СМИ в цифровой формат, легко понятный компьютерам. Это относится и к тексту, и к графике, и к звуку. Процесс, называемый дигитализацией, позволяет с легкостью транспортировать готовые материалы или наработки с использованием любой системы электронной коммуникации. Любой современный медиапродукт создается «в цифре», а это позволяет не только упростить его передачу конечному потребителю, но и облегчить работу по его созданию. По мнению авторитетного теоретика журналистики В.Л.Цвика, «дигитализация, устраняя различия между отдельными СМИ, прокладывает дорогу к их конвергенции» [2; 300]. В свою очередь, процесс конвергенции средств массовой информации позволяет более мобильно, в режиме *он-лайн* получать информацию.

Вопрос «цифровизации» современного телевидения поднимается на самом высоком уровне. Так, в 2006 г. в Женеве состоялась Региональная конференция радиосвязи по планированию цифровой наземной радиовещательной службы в частях Районов 1 и 3 в полосах частот 174–230 МГц и 470–862 МГц, в которой приняли участие представители 104 стран мира. Участники подписали Региональное соглашение по вопросам планирования цифровой наземной радиовещательной службы, а также связанные с ним резолюции. В честь места проведения Региональной конференции по плани-

рованию вещания Соглашение, разработанное и принятое Конференцией РКР-06, получило название GE-06. В соответствии с Соглашением большинство стран Европы планируют прекратить аналоговое и перейти на цифровое вещание. Согласно Женевскому соглашению отключение аналогового телевидения в Европе и части Центральной Азии должно было произойти не позднее 2015 г., но данный процесс еще продолжается в силу объективных причин. Необходимость цифровизации вытекает из международных обязательств (практически все государства в мире входят в Международный союз электросвязи), но как организовать этот процесс в установленных параметрах, каждая страна определяет самостоятельно.

Преимущества цифрового телевидения по сравнению с аналоговым крайне широки. Цифровое телевидение дает возможность увеличить число ТВ-программ, передаваемых в том же частотном диапазоне, ввести так называемый «мультиплекс». Под мультиплексом понимают передачу по одному и тому же транспортному каналу (частотной полосе) нескольких SD, HD или 3D телевизионных каналов, формируемых разными источниками сигнала (студиями и телекомпаниями). Также в состав мультиплекса могут включаться радиовещательные каналы, субтитры, телетекст, телегид. Кроме того, цифровое телевидение — это еще и более высокое качество изображения и звука, возможность выбора языка вещания и субтитров, а также использование таких интерактивных систем, как «Видео по запросу», «Запись ТВ-передач», доступ к архиву программ и многое другое.

Хорошим примером перехода на цифровое телевидение в Центральной Азии является опыт России. В Российской Федерации было признано целесообразным внедрение европейской системы цифрового телевизионного вещания. Была также разработана Концепция развития телерадиовещания на 2008–2015 гг. (Распоряжение № 1700-р от 29 ноября 2007 г.) [3; 12].

Цифровое эфирное телевидение — это новый этап развития телевидения не только в Центральной Азии, но и во всем мире. Ключевое отличие цифрового эфирного от аналогового ТВ заключается в одном простом принципе: больше информации меньшими средствами с максимальным удобством для зрителя [4].

Российская телевизионная и радиовещательная сеть еще в 2009 г. начала реализацию инфраструктурного проекта по развертыванию сети цифрового эфирного вещания во всех регионах России. Для этого используются два формата: DVB-T и DVB-T2 (с 2012 г. все вещание переводят на стандарт DVB-T2, выбранный как более стабильный и высококачественный). В рамках Федеральной целевой программы «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009–2015 годы» повсеместно идет строительство сети цифрового эфирного телевидения. В Российской Федерации внедрение первого мультиплекса полностью финансирует государство, а за вещание второго участники рынка оплачивают около 1 миллиарда рублей в год. Абонентам сети доступно 2 пакета телеканалов (РТРС-1 и РТРС-2), каждый из которых включает в себя 10 программ. Первый мультиплекс уже запущен в большей части регионов, постепенно запускается тестовое вещание второго. В скором времени планируется ввод третьего мультиплекса. По информации, озвученной на конференции «Спектр-2013» представителями Роскомнадзора Максимом Виноградовым и РТРС Юрием Журавелем, в третий мультиплекс могут войти 7–8 федеральных каналов, 1–2 региональных и один канал, который подготовит ВГТРК. Включение каналов высокой четкости в этом варианте не предусмотрено. Третий мультиплекс должен охватить 319 городов с населением более 80 миллионов человек. Для этого необходимо ввести в эксплуатацию более 220 передатчиков. Окончательное решение будет приниматься правительственной комиссией. Однако Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации отложило запуск третьего мультиплекса до 2018 г.

В странах Центральной Азии также ведется работа по переходу с аналогового вещания на цифровое. Киргизия стала первой страной в Центральной Азии, применившей цифровое эфирное телевидение. Так, в Кыргызстане реализован пилотный проект по внедрению цифрового наземного ТВ в Баткенской области, разработана Государственная программа перехода на цифровое вещание. В Таджикистане принята Государственная программа по переходу на цифровое вещание к 2015 г., в Узбекистане опубликована Концепция нового законопроекта о телерадиовещании и ведется его разработка, проводится активная работа по техническому и технологическому переходу на цифровое телевидение. С этой целью планируется завершение Программы по внедрению цифрового ТВ к 2017 г.

Отметим, что сегодня цифровое телевидение в Узбекистане могут смотреть жители Ташкента и большинства районов Ташкентской, Самаркандской, Хорезмской, Бухарской, Андижанской, Наманганской, Ферганской, Навоийской, Кашкадарьинской областей, а также Республики Каракалпакстан. Программа предусматривает переход на цифровое телевизионное вещание в два этапа. Первый наме-

чено завершить в этом году, а второй — в течение 2016–2017 гг. В этот период будет установлено 84 передатчика высокой мощности, которые позволят охватить цифровым телевидением все крупные населенные пункты страны и 90 % населения, сообщает Norma.uz.

Весь мир переходит на «цифру» и отставать губительно для развития любой страны. Когда-то узбекский писатель Абдулла Каххар серьезно шутил: «Если у всего города часы на пять минут отстают, а только твои часы ходят правильно, то какой толк от твоих часов — ведь все живут по другим измерениям?!» Таким образом, придется шагать всем миром и интегрироваться в это движение в сторону цифровизации.

В Казахстане в конце 2010 г. запущен проект по развитию спутникового телевидения, как часть Программы по внедрению цифрового наземного ТВ, действуют три пилотных зоны с цифровым вещанием. Разработан пакет проектов законодательных актов в области телерадиовещания, в том числе по вопросам перехода на цифровое наземное вещание. Действует Концепция развития цифрового телерадиовещания в Республике Казахстан на 2009–2015 годы.

Завершить переход с аналогового на цифровое вещание в Казахстане планируется в два этапа. Первый, начатый в 2011 г., включает в себя внедрение спутникового вещания в формате DVB-S2 (цифровое спутниковое телевидение 2 поколения). Этот этап позволил населению получить доступ к спутниковому телевидению и организовать канал для поставки данных на сеть эфирных передатчиков. Второй этап — модернизация аналоговой эфирной сети телевидения с полным переходом на цифровое эфирное вещание в течение 2011–2015 гг. В 2010 г. проведены испытания двух стандартов цифрового эфирного вещания: DVB-T и DVB-T2. По итогам испытаний к использованию на сети национального цифрового эфирного телевидения был определен стандарт DVB-T2 с учетом ряда преимуществ. Согласно техническим и финансовым подсчетам результатом внедрения цифрового телевидения станет возможность получения населением 30 телеканалов на уровне областных центров и городов Астана, Алматы и 15 телеканалов в других регионах. Цифровое вещание включит в себя сеть из 827 РТС. 3 июля 2012 г. Национальная сеть цифрового эфирного вещания была введена в эксплуатацию в городах Астана, Алматы, Караганда, Жезказган, Жанаозен. На этом этапе цифровое эфирное телевидение стало доступным в 370 населенных пунктах, где проживают порядка 3,5 миллиона казахстанцев. Уже сейчас население страны имеет возможность получить доступ к национальному спутниковому телевидению «OTAU TV» (32 телеканала, 5 радиоканалов), а к 2015 г., согласно плану, 95 % населения смогут принимать сигнал цифрового эфирного телевидения. Государственная политика по погашению расходов за вещание отечественных телеканалов в национальном спутниковом и цифровом эфирном телевидении повышает доступность информации для населения, и телеканалы свободного доступа будут бесплатны.

Официальный запуск цифрового эфирного телевидения в областных центрах Казахстана состоялся в 2013 г. По данным Агентства Республики Казахстан по связи и информации, в стране 750 тысяч семей, или 3 миллиона человек, подключили цифровое телевидение. До 2020 г. планируется достичь 100 % охвата населенных пунктов страны Казахстана цифровым вещанием.

В связи с некоторыми сложностями полный переход на цифровое вещание с отключением аналогового в Казахстане несколько откладывается. Основная часть финансирования, запланированного на внедрение цифрового эфирного телевидения в течение 2013 и 2014 гг., была перенесена на 2016 и 2017 гг. соответственно. Таким образом, сроки выполнения обязательств по внедрению цифрового эфирного телевидения были изменены с 2015 г. на 2017 г. [5].

27 апреля 2015 г. в Киргизии была запущена глобальная кампания по переходу на цифровое телевидение под слоганом «Включи цифру!». В рамках кампании проводилась широкомасштабная работа по информированию населения о подключении к цифровому телесигналу: подготовлена серия информационных роликов для радио и телевидения, запущен сайт, заработал телефон бесплатной горячей линии.

Подводя итоги, можно отметить, что несмотря на сложности, с которыми сталкиваются страны Центральной Азии при переходе на цифровое вещание, эта работа все же ведется и выполнить ее необходимо. Собственно, сам переход на цифровое вещание и есть средство решения насущных задач — развития рынка телевидения и повышения доступности информации для населения. Каждая страна, намеревающаяся переходить к цифровому вещанию, выбирает свой путь, исходя из многих факторов: уровня существующих и действующих технологий и инфраструктуры в стране, из своих экономических возможностей, из географического расположения и т.д.

Для стран Центральной Азии вопрос внедрения цифрового спутникового и наземного телевидения является действительно важным и актуальным. И это связано не только с тем, что весь мир переходит на «цифру», но и с необходимостью решения внутренних проблем, связанных с перспективами развития отечественного телевидения.

Говоря о современных технологиях и их влиянии на развитие журналистики, стоит обратиться к мнению авторитетного исследователя журналистики Я.Н.Засурского. По его словам, с развитием технологий «наметился процесс перехода от традиционных СМИ к средствам индивидуальной, персонализированной информации» [6; 9]. А это значит, что цифровое телевидение продолжит развиваться, и все жители стран Центральной Азии вскоре получат доступ к высококачественному телевидению, а журналисты, в свою очередь, смогут использовать это для улучшения качества создаваемых ими программ.

Страны Центральной Азии постепенно переходят на цифровые технологии телевизионного вещания всеобщего охвата. Такой подход позволяет значительно повысить качество оказываемых услуг телевизионного вещания и увеличить количество принимаемых населением телевизионных программ в рамках имеющегося частотного ресурса. Развитие цифрового телевизионного вещания идет по пути естественной конвергенции с другими информационными и телекоммуникационными технологиями. Переход на цифровое телевизионное вещание обеспечивает прием телевизионных программ в движущемся транспорте, а также на мобильные устройства. Это открывает новое направление в телевидении, которое близко примыкает и фактически сливается с мобильной связью третьего и последующих поколений.

Список литературы

- 1 Пескин А.Е., Смирнов А.В. Цифровое телевидение. От теории к практике. — М.: Горячая линия-Телеком, 2005. — 349 с.
- 2 Цифровое кабельное телевидение второго поколения. — [ЭР]. Режим доступа: www.dvb.org.
- 3 О национальном операторе в области телерадиовещания / Постановление Правительства Республики Казахстан от 11 июня 2012 г. № 777. Ст. 6 Закона Республики Казахстан от 18 января 2012 г. пп. 13 «О телерадиовещании». — Информационно-правовая система нормативных правовых актов «Әділет». — [ЭР]. Режим доступа: www.egov.kz
- 4 Протокол заседания Межведомственной комиссии по радиочастотам под председательством Премьер-Министра Республики Казахстан от 27 декабря 2010 г. № 17–42. Постановление Правительства Республики Казахстан от 21 мая 2002 г. № 543. — Информационно-правовая система нормативных правовых актов «Әділет». — [ЭР]. Режим доступа: www.egov.kz
- 5 Что такое цифровое эфирное телевидение? — [ЭР]. Режим доступа: kazteleradio.kz.
- 6 В Татарстане построен первый мультимплекс цифрового телевидения. — [ЭР]. Режим доступа: lsm.kz.

А. Окай, М.К. Жумабеков, Ю.А. Демьянова

Орталық Азияда цифрлы хабар таратуға ауысу ерекшеліктері

Мақала жаңа цифрлық технология жағдайында теледидармен хабар тарату ерекшеліктерін, Орталық Азияда цифрлық эфирлі теледидардың дамуының негізгі сәттерін зерттеуге арналған. Қазіргі технологиялар мен қоғамның шынайы объективті дамуы ретінде цифрлы телехабар таратуға көшудің қиындықтары аталып көрсетілді. Орталық Азия елдері үшін цифрлы жерсерік және жермен телехабар таратуды енгізу, шынымен де, маңызды және өзекті болып табылады. Сонымен қатар бұл тек барлық әлем «цифрға» көшуімен ғана емес, отандық теледидардың даму келешегімен байланысты ішкі қиындықтарды шешуге де қажетті болып табылады.

A. Okay, M.K. Zhumabekov, Yu.A. Demyanova

Peculiarities of transition to digital telecasting in Central Asia

The article is devoted to the research of key moments in the development of digital radio television in Central Asia, the features of television broadcasting with the new digital technologies. There are difficulties of transition to digital telecasting as an objective reality of development of the society and modern technologies. For the countries of Central Asia the question of digital satellite and land telecasting implementation is really important and urgent. This is not only connected with the fact that the whole world switches to the digital TV, but also with the need to solve the internal problems of domestic television development.

References

- 1 Peskin A.E., Smirnov A.V. *Digital television. From theory to practice*, Moscow: Goryachaya liniya-Telekom, 2005.
- 2 *Digital cable television of second generation*, [ER]. Access mode: www.dvb.org
- 3 *On the national operator in the field of broadcasting* / Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan from July, 11, 2012, No. 777. Article 6 of the Law of the Republic of Kazakhstan from January, 18, 2012, Paragraph 13 «On television and radio broadcasting», The information and legal system of statutory legal acts «Adylet», [ER]. Access mode: www.egov.kz
- 4 *Protocol of the meeting of the Interdepartmental Commission for Radio Frequencies under the chairmanship of Prime Minister of the Republic of Kazakhstan* from December, 27, 2010, No. 17–42. Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan from May, 21, 2002, № 543, The information and legal system of statutory legal acts «Adylet», [ER]. Access mode: www.egov.kz
- 5 *What is digital on-air television?* [ER]. Access mode: kazteleradio.kz
- 6 *The first digital television multiplex has been built in Tatarstan*, [ER]. Access mode: lsm.kz

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ayazbekova, B.K. — Senior teacher, Ye.A.Buketov Karaganda State University.

Bakhralinova, A.Zh. — Candidate of Philology, Senior teacher of «Pre-school and Primary Education» department, Director of the Center of development of children of preschool age, Pavlodar State Pedagogical Institute.

Bralina, S.Zh. — Candidate of Philology, Professor, Ye.A.Buketov Karaganda State University.

Demyanova, Yu.A. — Senior teacher, Ye.A.Buketov Karaganda State University.

Dzhusupov, M. — Doctor of Philology, Professor, Uzbek State University of world languages, Tashkent.

Dosmaganbetova, G.Zh. — Teacher, Master of Education sciences, Ye.A.Buketov Karaganda State University.

Ibraeva, A.S. — Senior teacher, Ye.A.Buketov Karaganda State University.

Kurman, N.Zh. — Doctor of Pedagogy, Professor, Kazakhstan branch of M.V.Lomonosov Moscow State University, Astana.

Meshcheryakova, V.V. — Student of the philological faculty, Ye.A.Buketov Karaganda State University.

Mukhina, E.S. — Student of the philological faculty, Ye.A.Buketov Karaganda State University.

Okay, A. — PhD, Professor, Dean of the faculty of Communication, Istanbul University, Turkey.

Slavenskoj, D.B. — Master of Liberal Arts, Doctoral student, Comenius University, Bratislava, Slovakia.

Shevlyakova, L.R. — Candidate of Philology, Associate professor, Ye.A.Buketov Karaganda State University.

Võlli, K. — Adviser, Language Immersion Centre Foundation «Innove», Tallinn, Estonia.

Yskakuly, S. — Candidate of Philology, Associate professor, Ili Pedagogical University, China.

Zhetpisbaeva, M.A. — Candidate of Philology, Associate professor, Ye.A.Buketov Karaganda State University.

Zhumabekov, M.K. — Candidate of Philology, Associate professor, Ye.A.Buketov Karaganda State University.